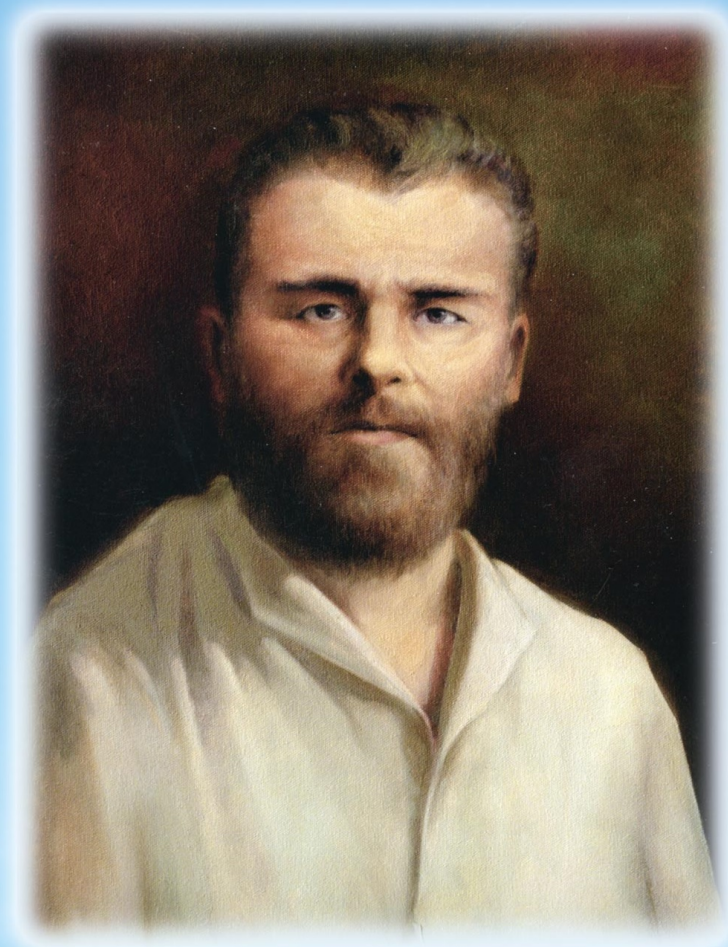

Alexander Malinovsky

Joyous encounter

Александр Малиновский

Радостная встреча

Alexander Malinovsky

Joyous
encounter

Documentary novel

Samara
2018

Published with the blessing
of Metropolitan of Samara and Syzran
Sergius

BKK 84 (2 Ros=Rus)
M 19

Malinovsky A.S.

M 19

Joyous Encounter: a documentary novel.

6th enlarged edition. Samara Branch of Literary Fund of Russia, 2018.

208 pages with illustrations.

ISBN 978-5-9906762-5-1

In mid 1960s the first materials were published about Grigory Zhuravlev of Utevka — an extraordinary self-educated peasant icon-painter who was born with no legs or arms and painted by clutching a paintbrush between his teeth.

He was discovered and revealed to the world by Alexander Stanislavovich Malinovsky who started to collect information about his extraordinary fellow-countryman. He had a chance to talk to people who knew Zhuravlev personally and was able to find his icons. Ever since the destiny of the artist icon-painter was leading the writer in many respects.

Striving to discover new information he was working in the archives of Moscow and Samara, visited St. Sergius Trinity Laura and St. Petersburg with its major museums, as well as many other places in Russia, where he was looking for information about Zhuravlev and his icons.

As material was building up this book gradually developed.

The first part of the novel was published in 1992. It was titled “Ashes of the past”. Later in 1994 the novel was published as a separate book under the title “Joyous Encounter”. This is the sixth edition of the novel, that is published in two languages — English and Russian.

A.S. Malinovsky’s work resulted not only in books. The article about Grigory Zhuravlev written by A.S. Malinovsky was published in Orthodox Encyclopedia under editorship of Kirill, Patriarch of Moscow and All Russia, separate materials were published in journals “Citizen”, “Novel Journal of the 21st century”, “All Russian Assembly” and others.

In Utevka village, homeland of the artist, there is a museum of Grigory Zhuravlev now and cathedral originally painted by him, was restored. There is also a permanent exhibition dedicated to this unique artist icon-painter in Samara Eparchy Museum.

Translated by Zvereva L.V.

ISBN 978-5-9906762-5-1

© L.P. Malinovskaya, 2018.

Part One

*Two feeling amazingly close to us
In them the heart is fed:
Love to the native hearth,
Love to paternal graves
Life-giving holy places!
If not for them —
the earth would have been dead.*
A.S. Pushkin¹

HOLY RELIC

In September 1989 on the Holy Cross day the Saint Trinity Church was opened after reconstruction in the village of Utevka, Samara Region. This event was probably not too noticeable due to the fact that there is a general burst of interest to religion.

Still this church has got one peculiarity. Its history and the life of rustic artist and icon-painter Grigory Zhuravlev are so closely interconnected that they are now almost inseparable. They are very much alike and they are still provoking controversial feelings in the neighborhood. Those feelings include admiration, faith, mistrust, skepticism and others.

Grigory Zhuravlev was born crippled with no arms or legs and he painted his icons by clutching a brush between his teeth.

I need to confess that when I first learned about this in the beginning of 1960s, I became very excited. I wanted to collect more information about this artist. After I have found the obvious facts that were

¹ Quoted after: Thomas Borne. Meeting-Places of Transformation. Urban Identity, Special representations and Local Politics in Post-Soviet St. Petersburg// Soviet and Post-Soviet Politics and Society. Edited by Dr. Andreas Umland. Ibidem Press. Stuttgart. Germany, 2014.

on the surface, I wrote an essay and sent it to the regional newspaper together with his photograph.

I was then sure that this essay will be published, this is why I have attached the unique photograph. On this photograph the artist was standing up on his knees. Alas, it was not published. The photograph got lost. Only twenty years later I was able to find another photograph similar to the one that was lost...

Today false and double-hearted idols are collapsing. We are saying that Christianity is being revived in our homeland. Still it was never dead. They were trying to kill it. They failed. They have decided to pay no attention to it...Still Christianity has always been the lifestyle of Russian people. And it deserves the closest attention.

Once it was the Sacred Orthodox Faith that had unified separated Slavic tribes and allowed for our strong and solid nation to be born. Sacred Orthodox Faith had fostered and reinforced patriotism in our ancestors.

Orthodox Church was trying to develop the best features in Russian people like a loving mother. It was just like that! It was the Church that was in the center of our national identity. The religious idea of ministry was the basis for social hierarchy in Russia.

Being Orthodox was the fundamental condition of being Russian in its long historical development. The terms “Russian” and “Orthodox” were almost identical.

In this identity only were the Russian people able to demonstrate their real power. They were sovereign and unified nation, open and ready for sacrifice in the name of their Motherland.

In 1892 there were around 2 million Orthodox people in Samara eparchy, 837 operating churches, 27 were under construction—among those was Samara Cathedral of Christ the Savior, one of the biggest cathedrals in Russia. After October Revolution of 1917 and before 1985 there were only 18 churches operating. In 1992 there were already 80 churches. An oratory was opened in Otradny and the new church is being built. The church was opened in the village of Pokrovka. In Neftegorsk the church is being registered now. Christian centers are emerging so rapidly that there are not enough priests. There are no priests in the villages of Pokrovka, Malo-Malyshevka for example.

My intentions were simple: to visit people in Utevka who still remember or know something about Grigory Zhuravlev again, visit the

local school museum, the church itself. To talk to the church goes and again after collecting the material try and fix certain exact names, events and facts in my notes.

Quite a lot disappears with no traces. Still the story of Grigory Zhuravlev is unique. It is worth of telling this story of Utevka village, one of the most serious and educative...

LETTER FROM ADRIATIC COAST

A powerful wave of historical research about a talented self-educated artist was provoked by a finding that was made by Yugoslavian historian and restorer Zdravko Kaymakovieh in the Republic of Bosnia and Herzegovina. This finding was an icon that was painted by Grigory Zhuravlev. He has approached the USSR via a Committee for historical preservation of Bosnia and Herzegovina. And later he received an official paper from the State Archive that confirmed that the icon was really painted by an artist coming from our land.

Soon the local teacher who was the head of local lore society in Utevka secondary school Kuz'ma Emelyanovich Danilov learns about this finding and writes a letter to Zdravko Kaymakovieh. One of the letters written by Zdravko Kaymakovieh to the local lore explorer says:

"...When we were doing the register of cultural heritage in our region in 1963 I found an icon in the Serbian Orthodox Church in the village of Puracic near Tuzla that was painted by your fellow-countryman Grigory Zhuravlev. On behalf of Committee I wrote about this to the USSR and from the State Archive of USSR received a confirmation of the data that was written with white paint over the icon. Then Your school has approached for information about this icon.

After 1963 I had another chance to see this icon, so far we do not have a good photograph of it but I promise to take a photograph and, provided that the photograph appears to be of good quality, I will send it to You on Your school address. But before I do this I will give you the icon's description and translation of the text that was written on it by Grigory.

The icon is of a medium size, painted with oil on wood, and depicts two Slavic teachers St. Cyril and St. Methodius. Both saints are depicted standing up with scrolls in their hands. Painting method can be described as elegant and elaborate and after having seen it for the

first time I thought that this is a piece of art by an icon-painter with academic background and the text by Zhuravlev is just a common religious mystification. So this is why I was so happy having learned that such a phenomenon as your fellow-countryman Grigory Zhuravlev had really existed and was able to overcome the cruelty of nature and reach the serious level in art. He was an artist not because he was painting with a brush that he was holding with his teeth but because he was able to paint a real masterpiece. The text on the icon is approximately the following: "This icon was painted by a handicapped peasant of Utevka village of Samara Region who has neither legs nor arms and painted with a brush clutched between his teeth. July 2, 1885". I will send you the exact text together with the photo of the icon.

I would be asking you to send me a picture of Grigory Zhuravlev if possible (him personally) and a picture of one of his icons that has been preserved by you as well as some information about the personality and artwork of Grigory Zhuravlev. We would like to take this icon out of Puracic and arrange for a state protection of it.

I have no information of how this icon traveled from Utevka to Puracic but I can guess that it was presented to this church by a person who visited Russia in approximately 1918 or by a Russian who has moved to Yugoslavia..."

This letter was translated from Croatian language by a professor of Kuibyshev teacher's training institute A.A. Grebnev upon the request from the head of International Friendship Club of the institute K.E. Danilov. Anticipating the future events I can mention with regret that it is still unknown whether K.E. Danilov received the promised photograph of this icon or not and even if he did it is hard to identify where it is stored now.

Publication in a local newspaper "Leninsky luch" (The Ray of Lenin) from June 10, 1966 titled "Grains of the big talent" demonstrates that the letter was of a great value for the local lore researchers:

"Leninsky Luch newspaper has already informed that the members of local lore club in Utevka secondary school have decided to perpetuate the memory about their fellow countryman unique artist Grigory Nikolaevich Zhuravlev. They have started to develop a short exhibition with materials about his works.

People of Utevka village have supported this initiative of the club members. Thus Ivan Illarionovich Kabaev presented them an icon that

was painted by Grigory Zhuravlev. Two Tregubov sisters, Anna Vassilievna and Ekaterina Vassilievna have followed Ivan Illarionovich's example.

Enthusiastic collector Vladimir Borisovich Yakimets after the "Letter from Yugoslavia" (Leninsky Luch from May 25, 1966) brought an icon painted on a wood by Grigory Zhuravlev to me. The Psalmist David is depicted on it with a harp in his hands (King of ancient Hebrew Kingdom). Vladimir Borisovich found this icon on somebody's attic and donated it to the local lore museum in Utevka.

We should also mention about the noble act of Peter Semenovitch Galkin. Peter Semenovitch has carefully stored the portrait of his grandfather drawn with a pencil by Grigory Nikolaevich. He agreed to donate this portrait which is a cherished family relic to the local lore museum on condition that he will be given a photocopy of the portrait in return.

There are many people who were ready to join the research of the heritage that was left after the death of their talented fellow-countryman. So, a retired man Ivan Filippovich Guryanov decided to find the person who kept the portrait painted by the talented artist, where he was able to depict the personality of an Utevka man Gordey Afanasyevich (a tailor). Alexey Pechenov started to search for the portraits of his uncle Timofey Filippovich and cousin Nikolay Timofeevich Pechenykh".

K. Danilov

Chair of Neftegorsk branch of All-Russian Volunteer Society

IN THE REGIONAL LOCAL LORE MUSEUM

I entered the doors of Samara regional local lore museum with hope. Still I was not able to find what I was looking for among its exhibits. But I was nevertheless sure that there should be some materials about Grigory Zhuravlev in the museum. With this confidence I entered the office of a museum director. On that day I was not able to see anything but I was promised that in two weeks they will demonstrate me everything related to Grigory Zhuravlev in the museum.

And thus I am holding two items in my hands that were found in the museum archives. One of those is an icon by a self-educated artist depicting a woman with a child painted with oil on a wooden board, sized 26x31 cm. On the back side of the icon there is a clearly written inscription: This icon was painted by Grigory Nikolaevich Zhuravlev in

1910, an artist who had neither legs nor arms and was a peasant in Utevka village of Kinel region Mid-Volga region. He was painting with the help of his teeth.

“The icon was purchased by Grachev V.V. 6.04.1933 from the niece of the artist Anna Davydovna Mokeva who has seen how this icon was being painted in the village of Utevka.

V.V. Grachev”

I can suppose that there is mistake in the family name of the artist's niece because in Utevka Mokeev was a very popular family name and Mokev is unknown. Museum staff was not able to provide any additional explanation for me. All I could tell them they were hearing for the first time. So I had to find out myself who was this Mokeva and V.V. Grachev, how this icon found itself in a museum, will it be accepted in Utevka, etc. I was allowed to take the icon out and look at it in the daylight. I made several photographs outside.

The icon didn't have a title, museum staff was not able to tell anything concerning this fact.

In about two weeks I showed the photocopy of this icon to the rector of the Trinity Church in Utevka. According to father Anatoly's words the theme of this icon is Nursing Virgin Mary. A little later I was able to get a printed copy of an article by A. Pazdnikov published in “Volzhskaya Commune” newspaper on February 5th, 1970. The article is just one page long. There was a phrase in it that drew my attention: “Several works by Zhuravlev are stored in Kuybyshev Local Lore museum”. If Pazdnikov was not mistaken we are probably going to see some new paintings by Grigory Zhuravlev.

And finally the second museum discovery: a photograph of Grigory Zhuravlev sized 9x12 cm where he is depicted together with his brother Afanasy.

* * *

After the visit to regional local lore museum I felt anxious about the future of the paintings by Grigory' Zhuravlev because I was not able to see any resources that would allow to perform a qualified evaluation of the paintings that were located in the Trinity Church and at the homes of Utevka people as well as to initiate the exploration of unknown works by this artist.

Still I was hoping to find new paintings.

Not long ago while reading through the correspondence of K. Danilov and Sverdlovsk journalist E.Devikov I came across the phrase: "...Still there are similar signatures on Yugoslavian and Ural icons". It turned out that in the Urals they have discovered an icon painted by Grigory Zhuravlev. Nevertheless we should not be mistaken, as were the journalists of one newspaper: we are talking not about "Madonna of Utevka" icon. It has never actually left the village of Utevka. A totally unknown icon was discovered.

Soon I had an interesting meeting.

Father Anatoly confirmed that in the Central Archaeological Cabinet of the Holy Trinity St. Sergius Laura the icon, painted by Grigory Zhuravlev is exhibited together with the world-famous icons.

Thus Zhuravlev was recognized even there as an icon-painter. So we can argue that Zhuravlev is not an unknown peasant icon-painter. Unknown by whom? By us. By our generation that was actually deprived of so much knowledge.

And now we could imagine for one minute that freedom of religion was guaranteed in our country over the whole last century as much as it was in before. We could have looked at so many things at a different angle...

AT THE SCHOOL MUSEUM

After discovering that there is now a real sword exhibited in the school museum, Utevka children attempted to visit it. Still this attempt was not successful — school administration took measures and closed the museum. Exhibits were taken to different places. And now there is only a small folder with materials about the artist in my hands.

Alas, a similar fate was characteristic for all amateur museums. Their collections had either disappeared or were lost in the fire. Or, in compliance with the opinion of a junior but still stubborn authority, certain exhibits would be moved, lost, relocated or simply thrown out in the name of other big and important ideas. Even no copies or photocopies were left.

I am not blaming the school administration, I was too late myself.

Real paintings should be stored in the state museum. They are protected much more reliably there.

Of course all the efforts of the members of local lore club of Utevka secondary school in order to record some facts about their fellow-countryman are quite valuable. But even though the efforts were valuable, what was the result? They collected all the exhibits into one place and then dispersed them immediately afterwards. Of course atheistic propaganda was one of the hidden reasons for this. A teacher could be only an atheist and in that case it was proposed that an icon-painter, a God-painter was to be discussed with the children. It was not prestigious and not comprehensive to the local authorities. And at the same time it is impossible to discuss Grigory Zhuravlev without his icons.

All my attempts to find at least something similar to the list of exhibits that once belonged to the school museum and relics that had been handed over to the museum after Kuz'ma Emelyanovich's death were in vain. There was no such list. Moreover I was horribly disappointed when I learned that huge archives containing the correspondence of local lore researcher Danilov with his fellow countrymen, school graduates, various local and regional organizations were just considered to be non-relevant and thrown out. This person was collecting local lore information and facts about famous country-fellowmen for almost thirty years and all this information was lost. So it turns out that generations of school ethnographers were collecting information in vain. Students have grown up long ago. Lyuba Rasputina, Valya Korotkova, Lena Podusova, Lena Bakanova who used to be the activists of the local lore museum have got new concerns now. I could well imagine their feelings when they first came back to school and saw what was left from the museum. A thin clerk's folder with ruffled sheets of paper.

Who should be blamed?

Kuz'ma Emelyanovich! Being your fellow countryman I am taking my hat off in front of your dedicated tedious work. You were dreaming of opening a museum in the left part of the house where Grigory lived. You didn't have enough time to do this. Still this was the ideal variant. Probably we will be luckier than you.

MADONNA OF UTEVKA

This icon has a special story. In 1960-s I first saw its photocopy made by a resident of Utevka village, graduate of the secondary school Vladimir Igolnikov. A little later I saw the original as well. In my opinion

the soul of the self-educated artist was expressed to the greatest extent in this small icon painting. Then I heard for the first time that people were calling this icon “Madonna of Utevka”.

A peasant woman is depicted in this small icon with a baby in her arms. Her face is unsophisticated, typical of the Volga region. Big dark eyes. Trace of smile on her lips. And no trace of churchism. Still it is perceived as an icon.

If I am correct icons in ancient Russia were not the result of icon painter’s imagination. They were revealed to the world by God. And only after that those revelations were copied in the art works etc. This very icon was revealed to Grigory Zhuravlev, it can be felt. After that he was probably finalizing the details as an artist. Still a sacred treatment of a peasant woman is a part of his nature.

Consciously or unconsciously the position of a soul that feels life sharply (as it seemed to me) in this merge of the canonical and the common. It is necessary to say that out of all the icons which are considered to be painted by Grigory Zhuravlev this is the only one of this kind.

In spring 1991 together with film crew of Samara television, excited by the opportunity to film this icon and its owner (we were planning a short program about Zhuravlev), I knocked on the fragile door at #18, Chapaevskaya street. A woman as fragile as the door with a raspy voice appeared — Taisiya Ivanovna Podlipnova, my ex-mathematics teacher.

I was inspired by this fact. I was lucky. Of course my ex-teacher would allow us to see everything in details and film the icon. But in reality everything appeared to be much more difficult. We heard a reserved polite answer to our greetings. We talked on the footstep of the house and then we were told that it is necessary to talk this over with another relative who lived in Samara. An elderly man who came to meet us told that Alexandra Mikhailovna was ill and nobody could enter the house. He refused to take the icon outside so that we could see it. We could well understand that his word was decisive here. We made a few attempts to find out when it would be possible to see the icon. We never succeeded.

I can remember the desperation that I experienced. I took the film crew for such a long journey, knowing that many people in Utevka would like to see this icon and now I could do nothing.

We went back with no result then.

And today it is February 23, 1992¹ and I am knocking on the door of this house again. I am attracted into this house. I can't help thinking about Zhuravlev and his "Madonna" when I come back to my native village Utevka.

I came alone. I had a secret hope that while I am alone and while it is a holiday they will be more amicable. Unknown elderly woman opened the door. She invited me into the house. Inside there are two more people: quite a young man and an elderly man with a friendly face. In one moment everything became clear to me. It turned out that Alexandra Mikhailovna Podusova died half a year ago. A little after that Taisiya Ivanovna Podlipnova died as well. The friendly people who met me are the new owners of this house.

With a disappointed voice I am asking them whether they know anything about the fate of two icons that used to belong to this house, one of which is called "Madonna of Utevka"

Yes, they know. The icons were taken by a relative from Samara, but they do not know his address.

Little by little we started to talk about everything. The elderly woman is Elena Timofeevna Maltseva, she is eighty years old. She is singing in the church choir of St. Trinity Cathedral. The elderly man is her son. And the youngest in the family is her grandson, Alexander Evgenievich Maltsev, a psalm reader. He is working in the Trinity Cathedral. They moved from Tashkent, where he and his grandmother served in Alexander Nevsky church. They were invited to Utevka by the head of the Trinity Cathedral father Anatoly. I am asking them if it is boring to live in a rural area after living in a big city.

The elderly woman's face becomes brighter.

— And why should it be boring? I was born here and lived for a long time in the neighboring Zuevka village. After the churches were destroyed here I started to wander around the world.

And now we have both the church and the homeland.

Nor the men were bored as I understood.

While I was sitting in this room both my body and soul felt warm. Everything was so decent and friendly there. I also got some knowledge about faith in front of the saints' faces looking down at me from the walls of this small but bright house.

¹ Country Defenders Day, national holiday in Russia (translator's note).

When I thanked them for their hospitality before leaving the psalm-reader said in response to my: “Thank you”

— In the name of God.

A comforting wave went through me. It was strange. I failed again, but it didn't feel bitter. I was not bitter about my mathematics teacher. When I went out into the street I had a feeling that I love all people, the whole of the world. Love them just as they are. When walking through the snow I thought: who was this Grigory Zhuravlev in reality? What was the most important thing about him? He was an artist. An Utevka man. And due to the fact that icon-painting in our country became part of the history, this unique story of Grigory Zhuravlev should be interesting not only to his fellow-countrymen but far beyond the village borders.

Besides Grigory Zhuravlev was a phenomenon not only in icon-painting but in the history of Samara region as well.

It is logical that my feet walked me to the house of father Anatoly. And so we are sitting at the table talking.

It turned out that father Anatoly used to visit the owner of the icon Alexandra Mikhailovna Podusova. He has seen “Madonna of Utevka”. Alexandra Mikhailovna told him that she loves this icon a lot and cares about it as it was a family relic. She never allowed to take it out of the house. She could well remember how Grigory Zhuravlev visited their house when he was asked to paint this icon. He was taken in and set on a table. Children were sent out of the house but she could see how the grown-ups were sitting around the table and talking. She was just six years old then, so this took place in the very beginning of the century...

She could remember that the artist had a funny way of drinking tea holding the glass with his teeth.

So this is the story of “Madonna”. So far.

I guess it will be continued.

ZHURAVLEV'S HOUSE

“Philipp Afanasyevich Grishaev behaved in a very honorable way as well. In 1928 he purchased a house in Utevka (Samarskaya ulitsa) where Grigory Nikolaevich Zhuravlev was living and working until his death. Together with the house Grishaev got the icon painted by Grig-

ory Nikolaevich. In his conversation with me Philipp Nikolaevich told that he would gladly donate this icon to the local lore museum. Moreover he was ready to donate half of the house where Grigory Zhuravlev lived and worked to the local lore museum as well”.

This is a quote from the article by K.F. Danilov that was printed in the local newspaper “Leninsky Luch” on July 10, 1966 when he was in the middle of collecting information about Grigory Zhuravlev.

I wanted to visit the house where the artist lived and from where he started his last journey.

So it stands there, in front of the ordinary Utevka house with five walls, house number eighteen. It is looking at the street with its five windows. Nearby across the road there is the Trinity Cathedral. It is rising above the village with its dome that looks like a helmet of an ancient Russian warrior. I am entering the house, greeting the people. The present owner of the house Nikolay Andreevich Bokarev is shaking my hand. We have never met before, but when I name my grandfather and father he is treating me like a relative. It is common in the village: instead of a business card you tell the name of your grandfather or some relatives of yours who are older than you.

The house is robust, made of wood. Inside it is divided into two parts. The right half is bigger, it has got three windows, the left one has got just two. In this left part once lived the artist. In the right part — his brother Afanasy Nikolaevich. It is light and sunny. There are pictures on the wall. In one of those pictures I see the owner of the house. He is happy to talk about Zhuravlev. Still he knows everything from the third party. Several owners have changed and there are no personal belongings of Grigory Zhuravlev left in the room or the cellar or the attic of the house. How do you know who lived here before, — I am asking him.

So said old Kornev. He remembers him.

Interesting things happen when you are gathering material in the village. You can look for the desired information for years and you can strike the jack pot in a moment after hearing an accidental phrase.

I could not remain unmoved after hearing that. After saying good bye I was walking along the same Samarskaya street accompanied by Bokarev’s son. And finally there it was: the house of old Kornev.

AT OLD KORNEV'S PLACE

This is the second man after my grandfather Ivan Dmitrievich Rya-tsev who has seen Grigory Zhuravlev and spoke to him and with whom I managed talk for a long time. I recorded our conversation (it lasted for more than one hour) on the cassette tape and now I will try to repeat the most important part of the conversation in this chapter. It will probably be a bit inconsistent. I saved the conversation without much editing. In case if some of my readers would be interested in listening to the whole of conversation the tape is stored in my home archive among other things that are of great importance to me.

The voice of a ninety-year old man who was not at all tired after living such a long life is dazzling. By the way he didn't notice and didn't understand that I switched the recorder on. Then we listened to the recorded conversation together. He liked it.

I had a picture of both Zhuravlevs with me: Grigory and his brother Afanasy. Afanasy is sitting on the chair and Grigory is standing nearby on his knees. His dark shirt is touching the floor. He is hardly reaching the nose level of his sitting brother. So much will and power is radiating from the artist's figure that you remember at once the epic building of St. Trinity Cathedral and wonder about their similarity.

I showed this picture with no words to Nikolay Fedotovitch. He told me their names and patronymics at once.

— He was short and light. Men would carry him into the church and he would sit there and look around keenly.

— And how old were you when Grigory died?

— I was born in 1901. And he died in 1916, so you can count. He was buried near the church inside the church walls. The tomb was already there and two people were already buried in it: churchwarden Ion Timofeevich Bogomolov and church priest Vladimir Dmitrievich Lyus-tritskiy. The tomb was opened and the third coffin went inside.

— Was it a big coffin?

— No, a short one. But wide and high.

— Nikolay Fedotovitch and have you seen Grigory painting?

— The old man stands on his knees and in front of the chair and shows:

— This is how he painted. Held a brush with his teeth, stood on the floor in front of a special small table.

— How did he learn?

— At first a district teacher Troitskiy helped him. And in Samara — artist Travkin. Are there not many kind people? Then he learned by himself.

— Did he paint with oil?

— Both with oil and coal. He also wrote letters and requests when he was asked to by his neighbors. Somebody was often there in his house. He was an open person.

— What about his everyday needs? Who helped him?

— At first his mother, his grandfather and then until his death — his brother Afanasy. He was a talented engraver. In the carpenter's workshop which they inherited from their father his brother was preparing wooden boards for icons, mixed the paint, may be along with many other things. He studied in Samara together with Grigory. So he took him everywhere — to the church, to the market, to the bath. He took him fishing — his brother.

— And how did his brother take him?

— He had a racing horse and a carriage. This was a gift of Samara governor presented after Grigory met the Tsar.

— So he met the Tsar? Are you sure?

— So they said and so I heard. I can't confirm. People know better. They presented him with a horse, horse gear, carriage and a pension for the rest of his life. What for was he presented? They say that he had painted a portrait of the Tsar's family. Huh! He was a good man, Grigory. Everyone loved him.

— Why did everyone love him?

— He was funny, could tell good jokes. Men, especially the ones singing in the church choir, were happy to take him around. Often he was taken somewhere and brought back home in their arms.

— A couple times us, the young boys, came to sing Christmas carols to his house. He was interesting. Took a horsewhip into his teeth, waved it around, and slammed it against the floor with a loud whistle. He also had a very beautiful signature.

— Nikolay Fedotovich, what was the artist's funeral like? Was it a big event or everything went unnoticed?

— What are you talking about, man? His funeral was rich, all priests were present. Everyone respected him. I haven't seen myself but people told me that he helped to build the church, painted it. He was a respected person.

— Whom did the church disturb, — I am asking, — if they started to destroy it together with icons and paintings?

— Whom? The times were harsh. Probably this beauty was stopping the evil from penetrating into our life. It was silently reproaching. So they decided to ruin it, because of this.

From Nikolai Fedotovitch I first heard that there were 2 churches in Utevka village. Then I was able to find the data on those in the regional archive. St. Demetrius church used to stand in the place of wooden building of House of Culture (today it is not there already), it was built for donations of the village people in 1810 and in 1870-1875 it was expanded. The building was made of stone. It has a stone bell-tower, a wall around and a lodge. There were two altars: the main one was cold (no heating in winter time) in the name of St. Martyr Demetrius of Thessaloniki and the side one was warm in the name of Saint Prince Alexander Nevsky. By the ruling of Church Council from March 4th, 1885 two priests had to be allocated to this church together with a dean and two psalm-singers. There was a big market near this church. St. Trinity Cathedral was built with donations of the village people in 1892. The building was made of stone, as well as the bell tower and the cathedral was cold. Altar was named in the name of St. Trinity. There was a small library at the church. There were schools at both churches. At the Trinity cathedral the school was opened in 1892. Literacy school was opened at St. Demetrius church in 1895. Regional public school — in 1842. The whole population of the village was divided between the two churches. It turned out that the side of the village adjusting the Samara river was famous because rich merchants settled there who were trading grain. The grain was transported on the boats along the Samara river. Old Kornev had been on this journey several times.

He could also remember another episode: the bell in the church cracked, the new one was ordered. It was taken from “Grachevka” station to Krasnaya Samarka village on horses. The bell weighed two hundred and fifty two puds¹ and twelve pounds, the other one, which was smaller — eighty puds.

I shared my doubts about the weight of the bells but the old man rejected those. From Krasnaya Samarka village people were carrying the bells in their arms. They took them manually on the top of the

¹ Old Russian metric unit equal to 16 kg (translator’s note).

bell tower. There were so many people who wanted to ring the bell. Everyone who was lucky to do this donated money at once. The voice of the new bells was heard in the neighbouring villages of Barinovka and Polrovka.

— What was driving the people, — I am asking. — To perform this hard work?

The answer which I expected followed.

— Faith!

* * *

Of course it can be thought that there are many legends around the name of Grigory Zhuravlev and the facts should be scrutinized carefully. But I can't help publishing the extracts from the document, signed by K.E. Danilov in July 1975. Nevertheless I am retaining my right to look for the more proofs for the facts below:

Here are the lines:

“The unusual artist became known to the ruling Romanov family. Because of this Grigory Nikolaevich was invited to the palace by Nicolas II...

Nicolas II had granted him a pension of twenty-five rubles per month for the rest of his life and told Samara governor to provide Zhuravlev with a horse and two carriages: for winter and for summer.

In the last quarter of the century (1885-1892) a church was built in Utevka according to Zhuravlev's drawings and under his guidance, and the walls inside were painted also according to his drawings

On the fifty-eighth year of his life Grigory Nikolaevich Zhuravlev died because of a rapidly developed tuberculosis and after permission of Samara Bishop Mikhail was buried inside the walls of the church which was his “baby”.

I guess that it is possible to talk not about “Zhuravlev's guidance” in the process of church building but about his participation as an artist.

...There is a legend (several people told it to me) that when Zhuravlev was returning from St. Petersburg, where he was painting the Tsar's family Grigory Nikolaevich was kidnapped by circus actors. They were traveling across Russia with him and showing him as the object of curiosity. He could hardly escape.

LOOKING THROUGH THE NEWSPAPERS

At different times there were facts about self-educated artist published in the newspapers that appeared to be sensational for the ordinary reader. In general they repeated the same thing. On the one hand it can be explained by the fact that local lore researchers found a little new information, on the other hand — by the natural desire of the new people, who have just touched Grigory Zhuravlev's life to make public at least the facts they have discovered, to fix them in the newspaper lines. This is where repetitions came from.

I cannot call myself a pioneer so I will list the newspaper articles for 1990, the year when I started to write these notes.

It can be thought that one of the first newspaper articles about Grigory Zhuravlev in the Soviet time was an article in Neftegorsk local newspaper "Leninsky Luch" dated May 25, 1966 under the heading "Letters from Yugoslavia". It was followed by "Grains of big talent" in the same newspaper written by K. Danilov on July 10, 1966. "Grigory Zhuravlev — the icon painter from Utevka" in the regional paper "Volzhskaya Commune" by A. Prazdnikov dated February 5, 1987 and finally "Forgotten name" in "Volzhskaya Commune" by R. Chumash dated October 17, 1987. Those newspapers are stored in my home archive. There was a publication in "Literaturnaya Rossiya" newspaper. I was reading it in K. Danilov's presence in the beginning of 1966, if I am not mistaken. I could not find this issue later.¹

Though there was an article published abroad in the journal "Soviet Land" in Belgrad on the basis of press agency "Novosti" materials.

I am writing these notes and noticing that I am thinking about one young man growing up somewhere who will be caught by my sparkle and he, being more diligent and luckier, will do much more than us. As the great poet said: "We are not allowed to know how our word will be seen in future"

¹ The native of Utevka village, historian and local lore researcher Peter Dmitrievich Lupaev told me later about one more article by K.E. Danilov "Samorodok" (Person of natural gifts). It was later published in "Stalinsky Luch" (Utevka) newspaper on September 17, 1958. I made a record about this when I last met Lupaev in Novokuibyshevsk shortly before his death. It was then when he compared Grigory Zhuravlev to Alexey Meres'ev.

FATHER ANATOLY'S CARES

He turned out to be a very young person, father Anatoly (Anatoly Pavlovich Kopach). During the first day when I met him I saw him both during the church service and in secular clothing on the construction site. In the church only a small side chapel was functioning with iconostasis that consisted of icons collected one by one from the population. Some icons were returned from Malo-Malyshevka village where they found themselves after the cathedral in Utevka was closed. Once during the gloomy years of the war I was baptized in this church in Malo-Malyshevka. Father Anatoly named several icons in the iconostasis of the Trinity Cathedral that could be painted by Zhuravlev. Nevertheless he made a remark that some of those icons and wall paintings could be done both by the artist and his students. Zhuravlev had two. The icon "Pantocrator" was brought by an old woman and left in the church silently. The icon "Myrrh bearers" came from Malo-Malyshevka village. Close to those are "Epiphany of Christ" and "Resurrection of Christ". Icon "King David" depicting psalm-singer David with an harp in his hands was once donated by Vladimir Borisovich Yakimets to the school museum. He told that it was painted by Zhuravlev. Icon "Saviour Blessing" was given by Maria Pestimenina, the great granddaughter of Iona Bogomolov, the churchwarden of the Cathedral. Father Anatoly introduced me to Maria Pestimenina. The artist and his patron were buried together. The cathedral was being built for twenty years. Iona Timofeevich Bogomolov, the great grandfather of Maria Emelyanovna Pestimenina, was its warden and donor during all these years. He died in 1915, Grigory Zhuravlev died one year later. The family of Maria Emelyanovna was prosecuted and she was living far away for a long time, still she could well remember the place where her great grandfather was buried. And she showed it to me confidently.

She allowed me also to look through the miserable remnants of once rich archive that was collected by K.E. Danilov.

I was sitting near the old chest with the remnants of various papers that had turned yellow due to lengthy storage, looking through them and meanwhile she was telling me in a calm and detached voice how they were prosecuted and sent away from Utevka.

Then she suddenly rushed as if she was afraid that there will be no second chance and took me outside of the house to the church. There we

were again at the place where the artist and his patron were buried, but where no memorial signs were yet arranged.

“You know, son, when they closed the church, the icons were removed from the walls with boat hooks. Many icons were lost. The icon “Saviour Blessing” was painted by Grigory for my great grandfather, and people saved it from being damaged”.

She looked closely into my face and said:

— And I know those people who were removing the icons, this beauty, with boat hooks. They are still around. Last time an old woman from Samara came to the meeting in our club — she was invited as a war veteran. At that time she was a Komsomol leader and helped to ruin the church together with her friends. I wanted to ask her now, why she was doing this and how she is living now, but then thought: it is God’s decision whether to condemn her or not. Later inside the house the priest told me that the church was closed in 1934. Father Gavriil was close to being arrested several times, but every time when the police car came into view the church bell would ring and people would come out to defend their priest. Finally the ropes were cut on the bells. Father Gavriil was arrested. The old cathedral was destroyed and a garage was built on this place. They wanted to explode the new church, they destroyed the upper part of the bell tower, but then they changed their mind, and decided not to ruin it. No signs of the church wall, are left nor of the water well. When a warehouse was arranged inside the church building, the beauty started to disappear. The wall paintings started to flake off and fall down and most of them were lost.

— We are going to restore the church wall and Grigory Zhuravlev’s grave, — says father Anatoly.— Usually when a church is being built there are special cellars arranged to store the icons. It is possible that something was hidden there when the church was closed. I talked to people who used to go to this church. Their parents believed that everything will be returned. Only a couple people knew about the cellar, so we will start searching for it and the grave with the help of special non-destructive methods. Technical help is needed. The priest is very busy. He is a member of the local Council, he is traveling around the villages, trying to be as close to people as possible. People here like him a lot.

The church doesn’t have any auxiliary buildings so far. There is no thorough illumination around. Still there is a choir, and some of the choir members come to sing from Barinovka village.

Last time I was in the church on Saturday of Memorial service. Prayers for the passed away were said. The Zhuravlevs were not forgotten.

“Everyone is alive for God”, — so said one old woman.

“When I come to the church, put up a candle, say a prayer for my dead relatives it is like a treat for my soul”.

My mother Ekaterina Ivanovna Schadrina started to go to the church quite often as well.

Something in my soul turned in a new manner, — she says and her face brightens up.

“And I cannot even say a prayer for my grandson who was killed in Afghanistan, he was not baptized. He doesn’t belong to God so he doesn’t belong to anyone”, — I heard while exiting the church.

What sort of a political speech could be a response to this?

I am asking father Anatoly about his attitude to artist Zhuravlev.

— Icon painting is a job which Christ likes. He didn’t bury his talent but gave live to it and made it serve his people. People remember this. The giving hand never becomes poor, it will be blessed.

It can be felt that the young priest has read a lot, has his own view on many issues. Comparing him with secular people of his age I am stroke with a thought that our deep ignorance of religious and ecological issues is leading to this catcher which is the source of ugliness of our bodies and souls.

During our discussion there is a telephone call. Someone has invited father Anatoly with his wife Olga to a dinner.

He could see my interrogative glance and answered:

— A shepherd who doesn’t know his people is no good shepherd.

He thinks that communication with people leads to mutual catharsis. He is deeply upset about young people swearing and sinning. The village doesn’t know any more what a normal language is.

— Apostle sent his disciples to people’s homes and if they accepted you, you should help them to become closer to God.

On his way already he remembers that little time is left as he promised to write an article to the local newspaper by the end of the week. He is worried that the cemetery in the village is not well-kept. The church is responsible for the cemetery as well. And on his table he has sheets of paper with drafts drawings of a monument to Grigory Zhuravlev, which we need to discuss. Maria Fedorovna Kachimova, the singer in the choir, told me that father Anatoly was removing the wood from the windows

of the church by himself despite the severe frost. Heaps of scrap were removed from the place where there is an iconostasis today also by himself. Of course it is difficult for him to work as a priest now. He has to deal with construction and decoration of the church himself.

I looked at people in the church and thought: "Those are just a few. There are few people left who believe in God and out of those who come here there are many people who are just curious who do not believe in reality. What sort of a journey should father Anatoly undertake before he is able to shorten the distance between God and my fellow-countrymen? It was Pushkin, whom I considered to be an atheist before, who said that it was religion that gave birth to poetry and art in this world, the great and the beautiful. If this is true that it is so and if at the same time religion doesn't have any future, what will happen to our souls? To all of us?"

FIRES IN THE MIDDLE OF THE VILLAGE

My godfather, a colonel, ex-military pilot Vassily Dmitrievich Lobachev, is now living in Vladimir. He learned that I was collecting materials about our native village and responded immediately with a letter.

The memories of an educated, inquiring person who could acutely feel the time and himself being part of this time were surprising for me.

His short stories mean much to me also because their characters are either my relatives or good friends. And all of them are illuminated by the light of that uneasy epoch. Here they are, those small fragments of our common life as it was seen by a seven-year old Utevka boy:

"They have been ruining our church for a long time. It looked as if it was resisting to people who were out of their minds. The sealing between the bricks was much more robust than the bricks themselves. In order to get one full brick it was necessary to break three or four adjusting bricks.

They had even more troubles with ruining the bell-tower. They wanted to explode it first but then they luckily decided not to do so. At first they arranged numerous fires that were supposed to eliminate the wooden supports inside the brick walls. Then they tied ropes to the upper part of the bell-tower and tried to pull it down. I was waiting with horror that those men who were pulling the ropes will be scourged by God and they will fall under the earth. But it didn't happen. The bell

tower fell down to the opposite side. When supports burned down completely the church threw out hot flame with a purple cloud as it was the last breath.

How and why did it happen that people came to destroy the most beautiful and dear place in their village?

I can't say that someone from the outside was to blame. This crime was preceded by an opinion poll of the people. They entered each house with a notebook and asked people to share their opinions about the fate of the church and collected their votes for church destroying.

I can imagine of course that senior authorities, supervisors and members of the Communist Party could be prosecuted for the "wrong" opinion, but what did the ordinary peasants risk? I know for sure that my mother was against church ruining. I don't know what was the opinion of my father. And nothing was done to my mother! So my dear fellow-countrymen should blame themselves too.

...And what a good wall used to surround the church, a chapel, some well-kept graves, a well with wonderful water. The better water for tea at that time could be only taken from the Samarka river.

...In autumn of 1934 my father was constructing beehives for our collective farm. Once they brought him a lot of icons taken from our church to use as a building material instead of wood. This fact became known to the people of the village who started to gather in our yard. They were desperate and crying. What a sin was about to take place! Still how could he give the icons out? You could be considered an enemy of the Soviet government for acting in such a way. Atheism was becoming more and more aggressive. What was to be done? Father came to a decision: after asking everyone to hide this fact away he was exchanging icons for wooden boards of a similar size. So no icons out of the ones that were brought to him got ruined. All of them found their places at homes of the village inhabitants. Of course those were not all the icons. They say that they were previously examined by the specialists and the most valuable ones were taken to Samara. One of those icons was left in our house. Then it was given to one of our relatives. I was seven years old then. I can well recollect everything. Nobody had betrayed my father then".

Those lines do not need any comments.

Everything was as severe and simple as their life itself.

JOYOUS ENCOUNTER

“Dear Alexander Stanislavovich, I received the materials about your fellow-countryman Zhuravlev. Thank you. I will take these materials to Church Archaeological Cabinet. I read everything that You have kindly sent me in your letter and Your book.

I became deeply interested in the life of the disabled artist. In our Cabinet we do have an icon painted by Grigory Zhuravlev. Saint Leo the Pope is painted on this icon.

The size of the icon is 35,4cm x 28 cm. On the back side of the icon there is inscription: “This icon was painted with teeth by peasant Grigory Zhuravlev of Samara Gubernia Buzuluk uezd Utevka village July 30, 1892”.

...Wishing you the most of success. Regards,

Priest Nikolay Rezukhin”

I read this letter and remembered my interesting journey again.

The reader, obviously, remembers that father Anatoly once mentioned that he saw one of the icons by Grigory’ Zhuravlev in Church Archaeological Cabinet of Holy Trinity St. Sergius Laura. This fact has inspired me to undertake a journey last summer.

* * *

...I got off the train and followed the crowd hoping that I will not need to walk long. I was right. In about five minutes I left the old streets and saw the town.

The town was below — a magnificent one, with golden domes.

From this minute I didn’t notice what was going on around. I was called by the castle town.

Still I had to look around.

Two nuns who were walking in front of me and whom I addressed turned out to be quite talkative. To my naive question if I could get into the town, one of them, a tall woman with a bright face told me:

— Thousands of people get into it, why not you? Look at the crowd of people that is entering and exiting the gates. So yes, my first question was not a smart one. But I had one more question which was that important for me that I could not ask it on the way, fearing that I would be faced with indifference or a negative answer.

Still I dared to:

— Have you heard of the icons painted by a crippled artist Grigory Zhuravlev which are now stored in the Church Archaeological Cabinet?

The one that was shorter answered at once that she hasn't heard about him.

But the tall one, whose name was Olya as I learned later said in a quick manner:

— I've heard about it and seen it. I can't remember the name of the artist but I have seen the painting. Seen! It is exhibited in the Cabinet.

— How can I get there?

— You can go to the Tsar's Chambers together with us and from there you will find the way. This is how I found myself in Holy Trinity St. Sergius Lavra.

When we entered the territory the nuns have left me quickly and told me to ask any student of the Ecclesiastical Academy about my matter, and they would help me.

So I did. The young people standing in front of the entrance to the Academy told me that I could not see anything without archpriest Nikolay Rezukhin's approval and the archpriest was busy accompanying some serious delegation. He could not be found.

My plans were crashing, because I had to be back in Moscow by the evening. I had a train ticket to Samara in my pocket. Probably after seeing this despair in my eyes one of the students approached me and said giving me a wink:

— We will find him. I know where he is. Follow me.

Archpriest Nikolay Rezukhin is a deputy rector of the Moscow Ecclesiastical Academy and a seminary rector, responsible for public relations, also a head of Church Archaeological Cabinet and a deputy of the local city council. He appeared to be quite a busy man. He was short, quick, wore with a little red beard, resembling a University professor.

He didn't stop, listened to my inconsistent explanation of the matter, looked at me with his grasping bristly eyes, told me that he was short of time and could not talk to me. Everything was ruining.

And in this moment I thought of a different argument that I immediately used:

— You see, Zhuravlev is my fellow countryman. We come from one village. A week ago I was in his house. I walked across his room. Do you understand how I feel?

My addressee understood everything at once.

— If so please sit in the garden for a while. I will be looking for you in about two or three hours.

And he left.

What was I to do?

I was afraid to miss the meeting with archpriest, so I stayed there, on a bench under the lime trees near the Trinity Cathedral.

...I was sitting in the shadow of the old lime trees trying to sort out my feelings.

It was green around, the air smelt of lilac blossoms, tourists and Academy students were walking by. Bells were ringing.

And for one moment it seemed to me that my dream of finding the icon of Grigory Zhuravlev and seeing it will never come true. The huge size of cathedrals, the monumentality of everything surrounding me seemed to separate the artist and his icons from myself and my fellow-countrymen.

The human being seemed to be so microscopic in front of this endless eternity that rested on the domes of those cathedrals...

I was mistaken. I was called by a very young man with a low voice who told me that he was sent by father Nikolay. My new acquaintance turned out to be a student of the Moscow Ecclesiastic Academy. He introduced himself as brother Timophei. We headed to the Church Archaeological Cabinet.

While he went to pick up the keys I learned from my guide that Church Archaeological Cabinet is located in the Tsar's Chambers, one of the most interesting buildings in Holy Trinity St. Sergius Lavra constructed in the 1680s. These Chambers are considered to be a milestone in the history of Moscow architecture. Beforehand Chambers presented quite complicated structures, sophisticated and artistic. This palace is unique because of its unified space, it had defined the future tendency for regularity in Moscow architecture. Church Archaeological Cabinet is located on the second ceremonial floor of the Chambers. It was founded in 1950 on the initiative of Moscow Patriarch Alexis in order to provide support to the department of Church Archeology. Museum exhibition is arranged in historical sequence.

The keys were delivered. And there it was — the room dedicated to the works of Russian artists of 18-20th centuries. The first painting that strikes you is the work by V.I. Surikov based on the story from Chapter

9 of the New Testament by St. John. And nearby you see the picture by A.P. Ryabushkin “Christ the Saviour’s Blessing”, drafts by V.M. Vasnetsov “Virgin Mary with baby Christ”, “Portrait of a priest” by M.V. Nesterov, “Christ the Saviour” by V.D. Polenov and many others. At finally here it is — the aim of my visit.

This wall contained 18 icons arranged in 4 rows.

In the upper right corner second was the icon by Grigory Zhuravlev “Saint Leo the Pope”.

The painting was done on wooden board about three centimeters thick. There were soft brown color and pale pink and blue tones against the tender grey background. The icon was not fading away among the paintings done by famous artists. Moreover it did not let you go away and attracted by its ability to penetrate into your soul and soft lyricism.

The icon was tightly attached to the wall. This is why I could not see the back side of it. Still brother Timopheyy assured me that when time would allow either father Nikolay or himself will take the icon down from the wall and send me the text that will be found there in a letter. Suddenly father Nikolay appeared himself in church clothes, leading the tourist group. I could see how interested those people became in the icon by Zhuravlev. Just as myself they came back to it several times.

I was disappointed however by the little amount of information about Grigory Zhuravlev which the Cabinet had. I tried to fill this gap as much as I could, told them a few facts from the biography of the artist. I gave them his photograph.

As soon as archpriest Nikolay Rezukhin was free he invited me to his room and I could finally see and hear a very live and charming person.

Besides when he learned that I am going back to Samara tonight, he arranged for my dinner in the canteen for Academy students. When we were parting, we exchanged addresses and promised to inform each other about the new findings related to my fellow countryman artist.

I didn’t want to leave. Together with brother Timopheyy I participated in a short church service and put up candles for all the dead relatives whom I could remember and wrote their names on a piece of paper. And for some reason when I left the monastery and headed to the train station it seemed to me that someone: either my relatives who had passed away long ago and whom I just remembered or a face on the icon, big and invisible — was illuminating my way with soft and warm light.

And for all of this, for the joyous encounter that brought me closer to my ancestors and to the core of Russia, I was grateful to my fellow-countryman Grigory Zhuravlev, who forced me to look at our past at a different angle.

“I WAS LUCKY TO TOUCH..”

Soon after I published my notes “Utevka findings” in “Volzhskaya Commune” newspaper in September 1992 together with several unique photos I started receiving letters from people known and unknown to me. People were sincerely trying to help me in the search for facts important for me or just thought about our future and past.

It was impossible to remain indifferent to the fate of Grigory Zhuravlev. Here are some quotes from the letter of the artist Nikolay Ivanovich Kolesnik. This letter is interesting just because of the fact that an artist was sharing his opinion:

“Grigory Zhuravlev was close to me because of his profession. I can understand that seeing the colors, feeling the space, succeeding in building an image — this is not enough. It is also necessary to master the brush. The artist-icon-painter found enough will to overcome his disability and develop his talent which was to live through centuries.

So our mistake is that many times we just pass by such stories of human life with no attention. This can be proven by the story with the school museum that has got its roots in the destructive force directed against the Christian relics of the far away post-October revolution years. I was one of those who have seen the painting of Grigory Zhuravlev. The first thing that comes to my mind: the spirit of this person was that strong that it could overcome everything. It is hard to say what was of priority to him — struggle for surviving or the desire to express himself. Still his icons are painted with great diligence and professionalism. This can be seen on the photograph of the icon “Madonna of Utevka”. I wanted to copy this icon from the photograph. It appeared to be quite hard. It can be felt at once that a real master painted it. Several times I tried to do this but I could not find the necessary shades. Sometimes a thought came to my mind that I will never cope with this job. And could you imagine my delight when the copy of the picture was finally framed with the help of my colleagues and appeared in front of the eyes of the people who learned from my speech about the author of the original

painting and his fate. I was happy. I felt that I was lucky to come in contact with something big and eternal.

Here is what he is like — Your fellow countryman Grigory Zhuravlev.

You know I have several so called “books that are always on my table”. Sometimes they are several heavy books and sometimes it is just a thin booklet or a newspaper article.

For me the article about Zhuravlev is just as good as several heavy books to acquire the necessary spirit for my work”

* * *

People who were living in the times of Zhuravlev also did not remain indifferent to his talent. I am publishing some quotes from “Samarakie Vedomosti” newspaper #1 dated January 5, 1885: “...A peasant of Utevka village of Buzuluk district Grigory Nikolaevich Zhuravlev who is now around 25 years old lost his arms and legs in his early childhood (his arms below his shoulders and legs below his knees are cut and he can move only on his knees) and was expected to be a burden for his poor family...

...When Grigory was 8 years old he started to study in the village school and in two years he learned to read and then after learning how to use the pencil he started to study writing and drawing clutching a pencil between his teeth...

His old grandmother was a true and reliable helper in this process, she was cleaning brushes, mixing paints, setting her grandson for work etc.

...After five years of consistent work this self-educated artist was painting so well that he dared to present a few of his icons to Samara authorities. Since that time Zhuravlev started to receive orders for his paintings and this improved his income to some extent and soon Regional Council ruled that taking into account the poverty of Zhuravlev’s family and his personal achievements in painting and art it would grant him with an annual allowance of 60 Rubles. In the end of last year (1884) Zhuravlev has approached Samara Governor who has always patronized the crippled artist, asking him to present his icon of St. Nicolas to His Imperial Highness the Heir of the Throne.

His wish was fulfilled and in the end of December the Director of His Majesty’s Palace and Their Majesties’ Children Bureau informed counselor Sverbeev that Tsesarevich accepted the icon painted by peas-

ant Zhuravlev and donated one hundred rubles out of His Majesty's personal budget to the artist".

The artist's talent was recognized.

Probably we will see the icon of St. Nicolas one day. And we will be happy to see it as much as we were happy to see the icon of St. Alexander Nevsky, painted by Grigory Zhuravlev, in the iconostasis of Samara Cathedral of St. Peter and St. Paul.

LETTERS TO FATHER ANATOLY

Different letters keep coming to father Anatoly. Both from those who believe in God and atheists. The address is simple on their envelopes: "Neftegorsk district, Utevka village. Orthodox Church".

Here are the unsophisticated lines from one of such letters. It tells about the life of a priest from the Trinity Church. It was written by a woman from Samara. Anastasia Andreevna Kon'kova: "Dear father Anatoly! I read the article "Utevka findings" by author Malinovsky in the newspaper "Volzhskaya Commune" and learned from this article that you are not aware of the fate of father Gavriil who was the last priest before St. Trinity Cathedral was closed. And I learned about it. I was travelling to the village and met his sister-in-law. She was the one who told me about his life.

When he was released from prison, he could not find a job anywhere. He died of hunger. Antonina was living with one of his three daughters. Their names were Vera, Nadezhda, Lyubov¹. Antonina died five years ago.

I really want to visit our church. My heart is breaking. Thanks a lot for your description in the newspaper. I learned many news, both joyous and sorrowful. I am happy that the church was opened. Happy that Grigory Zhuravlev was remembered. He deserves this.

Probably the daughters of father Gavriil will come across this newspaper, they could have provided many details. They are still living somewhere in Samara region".

And here is a different letter. It was written by Ekaterina Iosifovna Vetchinova, the daughter of Iosif Semyonovich Prozhivin, his nickname was Luboshny, a preacher, who was arrested right in the church soon after father Gavriil and imprisoned for ten years.

¹ Faith, Hope, Love in Russian (translator's note).

“He was a very pious person. He was preaching, gathering people, travelled all across the Utevka district. After he was arrested, they came into his house and took away all the books and icons. I am sending 500 rubles and would like to ask you to pray for him and on Church holidays I am asking you to remember his name.

Father, I think that my father deserved that his cross would be put up near the church in the name of which he died. My mother told me that when she visited him in Kuznetsk prison he told her that he was offered to be released if he would apostasy God. Father refused. Soon after that he was executed”.

Many more similar letters will come to Utevka church. And how many people both who believe and who do not did not get a chance to write to the priest.

Here is a short reference that nevertheless bums the soul through: almost four hundred thousand priests were executed in our country in the period from 1917 till 1924 together with their parents, wives and children.

And how many lives of the relatives of those who were executed were ruined?

Which accounting office is able to calculate those numbers?

We have to publicly recognize our fault in front of them. But how should we do this?

NON-HEALING WOUND

I could have written a short novel about how I was searching for this book. But this is not what I want to say...I am excited, I am holding a small book in my hands, about 18x30 cm big, in green cover and I do not dare to open it.

It was published by Samara State Duma and printed in Samara regional publishing house in 1894. It tells the story of Christ the Saviour Cathedral. So the title of the book says: “In the name of Christ the Saviour Samara Cathedral”. There are forty-seven pages in this book. I have known for a long time that there is a reference to our country-fellowman artist in this book. The book was travelling from hands to hands just like many icons painted by Zhuravlev and remained elusive...

And now on page twenty nine I am reading the following text:

“...Icons in iconostasis are painted on zink in Sidorsky workshop in Petersburg and one of them, exactly the icon of St. Alexis, Metropolitan of Moscow, was painted according to the order of the ex-governor of Samara A.D. Sverbeev (now he is a senator) by a peasant from Utevka village of Buzuluk district Grigory Zhuravlev armless and legless from the very birth who was painting icons with his teeth, with God’s help. The lower church of the cathedral under construction was finished by January 7, 1892 and was consecrated by Vladimir, Bishop of Samara and Stavropol (now Holy Exarch of Georgia, Archbishop of Kakhétia and Kartalia) in the name of St. Alexis, Metropolitan of Moscow, patron of Samara”.

So it appears that Samara governor A.D. Sverbeev instructed not Sidorsky and his workshop but Grigory Zhuravlev to paint the icon of St. Alexis, Metropolitan of Moscow, patron of Samara. Because the cathedral was consecrated in 1892 and the book was published later in 1894, it becomes evident that the icon was painted and should have been located in the church. So once again, dear reader, the artist has touched our native history with a wing of his talent from a faraway past. The book is dedicated to construction of Samara Cathedral, one of the biggest cathedrals in Russia.

I was stricken by this calm, thorough narration manner which is characteristic of this book. It tells us where from the bricks, stones, cement were delivered, who made the engineering projects etc.

The bell that was lifted onto the bell-tower of the cathedral in October 1893 was cast in Moscow, at Finlyandsky plant. It weighed 880 puds. It was donated to the city by Samara merchant David Vassilyevich Kirillov. The book inform us of many details.

The cathedral was built thoroughly, so that it would last for years and the book was written in such manner as well.

It turned out that in the memory of Russian author Ivan Sergeevich Aksakov who lived in Samara region and died in 1886 there was a New Testament book in the cathedral on the back side of which it said:

“This New Testament was donated by Samara State Duma to Cathedral in 1886 in the memory of Ivan Sergeevich Aksakov, a writer, who dedicated his whole life to unifying the Slavic tribes and development of brotherhood between them and our motherland”.

When E.N. Shikhobalov, who was taking an active part in construction of the cathedral for 19 years, died on the night October 7, 1888,

City Duma ruled: "...the icon of St. Emelian, the angel of the passed away, in an elegant icon-case should be placed in the visible place of the cathedral and the occasion on which this icon was erected should be described on a special plate".

At this session the city mayor Alabin concluded: "It is preferable that our next generations would find in this church that visible evidence of the fact that our society could value its citizens, who devoted their efforts and activity to it".

This book ends with amazing words: "The future of our land looks bright to us. believing in the prophecy of St. Alexis, Metropolitan of Moscow, one of the greatest saints of the Russian land, and so there is no doubt that there will be numerous occasions for the people to lay their offerings of gratitude and memory to this altar that was erected by the people of Samara region ad gloriam of God in the form of Cathedral of Christ, the Saviour of the world".

The icon of St. Alexis, Metropolitan of Moscow, painted by Grigory Zhuravlev and the New Testament in the memory of the Russian writer and the icon of St. Emelian, the angel of the passed away donor of Samara cathedral, where are they now?

Where is the quiet joy and delight of those hundreds, thousands of people who made their donations for cathedral construction?

Alas...what a lesson for us...

There is no cathedral any longer. They have exploded the beauty which should have lived forever and this book is no longer needed for anyone. In the whole village of Utevka just one white-bearded man Sergey Illarionovich Tregubov (Dyatlov) was keeping it. And after his death this hook, not needed by anyone in reality, found itself at Lyuba Rasputina, just as a piece of wood in the river finds itself at the right bank. Good! It didn't get lost.

In the book that was written straight after the church was built, there was a picture of it on the first page. It was beautiful. There are no buildings like that one in our Samara now. With certain doubt I could think that my favorite building of our Samara Drama Theatre can be considered to be the building of the same level!

I wanted to track down the lives of those people, who were closely related to the history of our region, specifically to Samara Cathedral. This is not within the topic of the book, still one story stroke me. I learned it a little later from other source.

The further fate of our Samara Christ the Savior Cathedral is tragic. Unfortunately Vladimir, Bishop of Samara and Stavropol who had consecrated the cathedral shared its fate.

Bishop Vladimir (Vassily Nikiforovich Bogoyavlensky) was born on January 1, 1848. His father was a priest. In 1874 he graduated from Kiev Ecclesiastic Academy and was teaching in Tambov Seminary for seven years. It is known that in 1888 he became a bishop of Staraya Russa region of Novgorod eparchy. In 1891 he got an assignment in Samara eparchy.

After he left Samara he was a Georgian Exarch in the status of Archbishop of Kartalia and Kakhetia. In 1898 Archbishop Vladimir was appointed a Metropolitan of Moscow and Kolomna and archimandrite of St. Sergius Trinity Lavra. In 1912 when the Supreme Metropolitan of Russian Church, metropolitan of St. Petersburg and Ladoga Antony died, metropolitan Vladimir took his place.

Should we believe the newspaper archives metropolitan Vladimir was the first Russian orthodox hierarch executed. It happened on January 25, 1918 in Kiev, where he was appointed after the death of metropolitan of Kiev.

Before his death he blessed his executioners:

— God forgives you.

Once during the year when the lower church of Christ the Saviour Cathedral was consecrated on February 12 in his speech at the opening of Samara eparchial fraternity bishop Vladimir had formulated the basic task for Christian Fraternity as spiritual perfection and fostering compassion and love in people.

He remained faithful to God and to his ideals in the face of violent death.

And how are we living?

Not long ago I visited the plant where the workers decided to make a gravestone monument for Grigory Zhuravlev. According to the project it should have resembled a miniature copy of St. Trinity Church. We were drawing the draft of it together with father Anatoly in his house.

I am asking the workers:

— Are you working according to the draft?

— Yes. But we have added some details

They are making it voluntarily when they have free time. This is both joyous and sad. Looks like licking up the wounds which we

have inflicted to ourselves with the hands of our fathers and grandfathers.

...I am trying to develop a new understanding of many things. But I should confess that I cannot find the answer. Still it seems to me that I can see the heavenly straw with the help of which a person could get the inner balance. This is both physical and spiritual creative process. And it seems that many of us start to understand this. What is the way of doing this? For us one step toward compromise is a meanness (those who are not with us are against us). Yet nowadays it is impossible to live like that. It is necessary to listen to a person and to hear him. Christianity appeals us to do so. Its moral base allows us to hope that there will be a way out of vandalism, to which we have fallen.

Orthodox has once presented our nation with a precious gift of conciliarism which we unfortunately could not retain fully in our hands. Still conciliarism is the spiritual unity of the Russian people, based on the common mission, on understanding and implementation of our common duty.

When we are losing conciliarism we are losing the previously great power statehold, that is responsibility, patriotism, understanding of responsibility for all people by every single person, responsibility for the moral health of society and preservation of our traditions. We need to look inside ourselves thoroughly! To look at one another!

I was told that the person who has given directions to take away the cross from the dome of Utevka St. Trinity Cathedral with the help of a tractor has later, when religion was no longer forbidden in our country, donated three hundred rubles for church restoration. What was this? Repentance or just the wish of an experienced state authority to follow the fashion? The spirit of bigotry is still present in our actions as it was before.

We were furiously struggling against God. but it turned out that this struggle was against ourselves, again humanity.

Will beauty save the world? I do doubt. I think that the world can be saved by intelligence, wisdom, high level of education. And it is us who need to save the beauty. There is a saying that we need to know the golden mean. And this golden mean should be identified by cultural level, intelligence. But this will never happen if we continue to consider people who are better educated and more intelligent than us to be our personal enemies.

I am an emotional person, emotions are beautiful! It is even better when positive emotions are dominating, but intelligence is the instrument that can save us today. And rationality to some extent.

When there is lack of patience in the character, suppression of one's opinion, it requires energy, but if we try to compromise this power becomes creative. Creativity is what we need today for the renaissance of stable economics in urban and rural areas. And in order to develop it we need a spiritual core. I cannot accept the famous phrase by F. Dostoevsky:

“Those who do not believe in God can not believe in Russian people”.

If a person does not believe in God, where should he address his issues? Most of our people do not believe in God, so it happened.

As most people I believe in my people and in their future. Many things should be still understood here, but this understanding should start with careful and intent attitude to each other, to our past and future.

...I am sure that I will be lucky in my search for the facts related to the name of Grigory Zhuravlev, so I think that my notes are not ending here.

Part Two

REGAINING VOICE

On April 3, 2005 during the fourth week of the Great Lent Kornely, hegumen of Samara Eparchy, and father Anatoly consecrated the bells before their lifting onto the bell tower¹. And on the Annunciation Day, on April 7, for the first time after St. Trinity Cathedral was restored the bells were ringing again in Utevka.

The bell tower started to talk with the help of its eight bells. The biggest one of them was a bell named “Grigory” after the artist Zhuravlev.

St. Trinity Cathedral regained its voice.

I am writing these notes after more than thirty years since the moment when I started to gather information about Grigory Zhuravlev and after fifteen years after this novel “A Joyous Encounter” was first published. Now it became the first part of my notes which I decided to continue. My soul was brought close to the artist’s icons, to his talent.

We have lost our own legs and arms while attempting to survive.

And he was able to overcome much...and not only overcome.

He did not become cruel, did not lose his faith. He was able to retain courage and a clear vision of the world. When he was creating his beauty he left his gift of faith to us as well.

He was a prophet!

This is not by chance that all people who eventually become familiar with the works of Grigory Zhuravlev are experiencing excitement.

True orthodox icon-painters started to paint their icons only after they have gone through a long lent and prayers. Before they took a paintbrush in their hands they tried to enlighten themselves. Icon painting was a highly spiritual activity.

¹ St. Trinity Cathedral was consecrated by Archbishop of Samara and Syzran a lot earlier, in 1991, on St. George day.

Exactly so!

It is impossible to think otherwise about Zhuravlev's icons.

They keep uniting people, who are crying separately over the same grief. They are forcing us to remember about our forgotten conciliarism.

I was talking about this before. But our society has changed so much since 1991. We should not forget about this...

Revival of our lost conciliarism instead of egocentric individualism that is being inoculated now — this is the kind of work we need to do today. It is necessary to come back into the Church! The number of believers is growing!

Still we need to remember how rapidly during the recent years have acted the forces that were aimed at soul destruction. It was not like that before in Perestroika times.

Game addiction, drug addiction, crime, cynicism and vulgarity of the present TV.

Instead of freedom of speech we have a freedom of society decay.

These were the thoughts that came to my mind while the bells were ringing.

Church bells are ringing in Cathedral of Trinity

Birds are prattling in the village of mine

Life shall settle, all shall come right

Just do not let it to come off the track.

And do not let it roll with metallic clang

Over my suffering exhausted chest.

What shall we gain from political tattles?

Shall we really look for truth in those?

Shall we really settle on foreign roads,

Shall we blame fate for having none of our own?

Church bells are ringing in Cathedral of Trinity

I can see a sleepless night ahead...

* * *

And just as if it was sent by Heaven comes the understanding of a simple and what seems to be an evident truth: we will be able to survive only if we have a strong faith, strong spirit and take care about each other.

Are we ready for that?

Are we ready for the restoration of true values in ourselves, so that later we are able to restore those in the outside world? To restore our orthodox spirituality, religious and moral principles, without which our national mentality will be lost.

To return the great power state hold, which generates in the Church, are we ready?

IN SAMARA EPARCHIAL MUSEUM OF CHURCH HISTORY

I can remember my excitement when Samara Eparchial Museum of Church History was opened on May 14, 1997, under the initiative of Sergius, Archbishop of Samara and Syzran.

There are three rooms in the museum, two of them contain a permanent exposition and the third one is dedicated to temporary exhibitions.

In historical room the exposition is dedicated to the history of the Orthodox Church in Samara region.

Here we can find the photos and documents of the hierarchs of Samara eparchy.

There are personal belongings and documents related to the outstanding preachers of Samara region.

In this room we can see the memorial cell of Metropolitan Manuil (Lemeshevsky), one of the most famous hierarchs of the Russian Orthodox Church in the 20th century.

Metropolitan had spent about 25 years of his life in prisons and labor camps for political prisoners and nevertheless he managed to perform a scientific research. He wrote the biographies of all Russian church hierarchs from the year of Russia's Christening till 1960s.

In the memorial cell there is a card index with bibliographical references to his research.

In the church art section there is a small exhibition that tells us about Grigory' Zhuravlev.

I am glad that finally materials about Grigory Zhuravlev found themselves in reliable hands and they won't be lost as it happened once in the school museum of Utevka.

I could see that archbishop Sergius was holding my manuscript about the artist “Joyous Encounter” with sheer interest. He blessed it then and added a special meaning to my book about my fellow-countryman:

Thanks God, nowadays historical reality is being restored and such talents as Grigory Zhuravlev become recognized.

He was born with disability but had deep Faith and strong Spirit and was working in the name of God and for people.

These words which are quoted in the beginning of this book are still helping me in all my efforts related to Grigory Zhuravlev’s life, whose icons went to all parts of Russia and abroad.

After my article “Findings of Utevka” was published in “Volzhskaya Commune” archbishop Sergius was wondering which icons that had been painted by the artist were still existing and where they were stored.

...Nowadays there are five icons by Zhuravlev exhibited in the museum. Three of those were taken temporarily for exhibition from Samara regional local lore museum named after P.V. Alabin. These are “Nursing of Virgin Mary”, “Our Lady of Smolensk” and “Saving the Sinners”. The fourth one is “Myrrh bearers” — from St. Trinity Cathedral of Utevka.

And here is the fifth one! We need to talk separately about it. It was long known that somewhere in Kazakhstan there was an icon by Grigory Zhuravlev. Evidently it was a journalist from Sverdlovsk E. Devikov who wrote K.Danilov about it. And it was found! And exhibition in the museum dedicated to Grigory Zhuravlev helped to find it. The icon was donated to the museum by father Alexey Mokievsky, who is a priest in one of Russian Churches in Kazakhstan in the city of Chromtau. He donated it on January 1, 1999. The icon is painted on wood. St. Cyril and St. Methodius are depicted on it.

Inscription says: “This icon was painted with teeth in Samara gubernia, in Buzuluk uezd, village of Utevka by peasant Grigory Zhuravlev, armless and legless. 1885, September, 2”.

The icon is of a middle size, close to the size of “Nursing of Virgin Mary” icon which I have already described.

When I was leaving the museum its director Olga Ivanovna Radchenko gave me the address of Alexey Mokievsky. I was going to meet a person who came in touch with Grigory Zhuravlev’s life story.

In summer 2006 I visited the museum again. Now there was a copy of the book “Old Testament in illustrations” exhibited near Zhuravlev’s

icons. This book had once belonged to the Utevka artist. It contains his pencil drawings.

I will tell further about this book that has recently returned to the icon painter's native land.

THE GIFT OF FAITH

Since I started to collect information about my fellow-countryman Grigory Zhuravlev my life presented me with numerous interesting meetings and events. Grigory Zhuravlev is connecting different people in a unique way. Neither time nor distance is a barrier. This gift of his was unique. My book "Joyous Encounter" became my conductor in many cities and villages. Many people who are strangers to each other appear to be close to each other. The unifying power of my country-fellowman is huge. Both eyes and souls become connected the next moment after they hear his name. After having been so much distorted by this ugly perestroika, after having applied all our strength in order to survive, we suddenly discover so much strength in Zhuravlev that we start feeling ashamed for our cowardice and lack of faith. Boris Grigoryevich Krinitsyn, an artist and documentary film-director saw my book about Grigory Zhuravlev in the Church Archaeological cabinet in Sergiev Posad. He took it for a while, read it and decided to write a script for a documentary film. As he told me yesterday the script was sent to a script contest, took the first prize and Russian documentary studio "Otechestvo" received funding for documentary filming.

And so the script writer and future documentary director Boris Krinitsyn and cameraman Gennady Makukhin are sitting in my Samara apartment. We are listening to the recording of the story about Grigory Zhuravlev told by old Kornev, the one I was writing about before. Old Kornev passed away long ago. The house where Grigory Zhuravlev lived has changed. The new owners have built a brick wall around the wooden house. But the recorded voice of old Kornev hasn't changed. Its clarity is still fascinating to me.

For two more days Krinitsyn and Makukhin were shooting in the eparchy museum. On the third day I took them to my Utevka, the native village of Grigory Zhuravlev. They stayed there for one week guided by the local school director Valery Ivanovich Kuznetsov. They were living in the forest in the camp near the big lake Leschevoe. I came

to see them when they were already finishing. I could not recognize them. No, they remained as reserved and intelligent as they used to be before. But their faces! They became more open, their glances became soft and calm.

I was not alone, but with my friends.

...We were swimming in the Samarka river, sitting on the yellow sand, talking about everything. About serious matters and trifle things. Singing Russian folk songs on a sandy cusplate bank.

They filmed so much material about the artist that it was enough not for a fifteen-minute film, but for a film at least twice as long. And Boris Grigorievich was already thinking about how to get the funding for the second part of the script. We swam across Samarka just as we used to do in our childhood. We were taken down the river with the current and returned to the fire slowly, walking waist-deep in the water. Boris was saying:

— I was observing the village life for a week and now I am looking at you all...You know I realized that Russia is alive...It will live forever! It is possible neither to conquer it in the battlefield, nor to conquer it with tricky plans from abroad.

But can not you see this in the capital?

In Moscow there is too much fuss.

I looked at him, at his face, that resembled faces from the icons to me, and it seemed to me for a moment that it was not film director Krinitsyn, but Grigory Zhuravlev watching me and all of us. He was watching us with patience and hope.

When we were saying good-bye, Boris Grigorievich told me:

— You know, I have enough material for a good forty-five to fifty minute documentary film about your village. About you, about us, about the Russians living here. We should do this while we are here. We have to tell us about what we are like!

I had nothing against. After seven days of knowing each other we started to think alike. And believe alike.

He went back to Moscow to edit the film and I was left with his gift on my table: a copy of film script about Grigory Zhuravlev “Gift of Faith”

I read it several times.

Then the documentary was released.

In May 2001 at the 7th Festival “Orthodox Christianity on TV” the documentary film “Gift of Faith” was recognized as it deserved to.

Script author and film director Boris Krinitsyn was awarded with a silver medal “for artistic work promoting Christian values”.

Short time after that Neya Zorkaya was writing in “Cinema Art” magazine in the article “Miracle of Life”:

“And there is a certain joy for all of us that such a person existed, that a person can live like that... The gift of faith, the gift of love are among those gift which were presented generously to Grigory Zhuravlev and they combined well with the gift of true Christian kindness — the documentary film “Gift of Faith” is wriggled with this last one”.

I was reading through this article about Grigory Zhuravlev and thought that much about the artist have not been said yet...

FROM ICON-PAINTING HISTORY

It is known that icon-painting came to Russia as a part of the Greek Orthodox culture.

Greek monks and metropolitans were the conductors of this culture. Greek architects and icon-painters were the founders of cultural and artistic values of the Orthodox Russia. Russian icon-painters took over not only the symbolic method of depicting saints, but also the icon-painting techniques. And those rules were followed by them during seven centuries before Peter the First reforms.

The process of icon-painting was technically strictly restricted. The icon was to be painted on a piece of wood, usually a made of lime-tree.

Hegumen Philareth (Soloviev), the rector of St. Ilya church (village of Palekh, Ivano-Voznesensk eparchy) in his article “State of Russian icon-painting in 18th century. Palekh icon-painting” described those steps as follows:

“A piece of thin canvas was glued on the board which was afterwards covered with a thick layer of alabaster couch mixed with fish glue. The drawing was later made on top of the couch with the help of a needle and then very thin sheets of gold and silver were laid over it”.

To myself, provided that my mind is burdened to a great extend with technical education, those details are very interesting. And I would publish some more quotes from the article of the above mentioned author, so that it is more reliable: “Starting with the 9th century painting was done only with tempera — paint mixed with egg yolk. The process of icon painting was also subdivided into special steps,

the general approach was to consistently put one paint layer on top of the other...

With such a flickering attitude to the technological process, icon painting was often becoming a sacred rite, a sacrament..."

Still Russian artists as says the above mentioned author, whom I will quote often, were not blindly following the Greeks. While analyzing these traditions and enriching them they used Byzantine experience as a base and novelized them with their own spiritual content in order to express the new levels of orthodox spirit.

Great examples of icons painted in 15-17th centuries that were created by famous Russian icon-painters: Andrey Roublev, Dionisyus and their disciples — turned their time into the Golden Age of Russian icon-painting.

The so called "Strogonov school" struck spectator's eye not with elevated doctrinal language, not with spiritual power, as Hegumen Philareth says, but with bright national uniqueness, elegance of painting manner and external beauty.

"After reforms of Peter the First the form of religious life had changed, icon painting — to a greater extent metropolitan icon painting — loses its ancient traditions and adopts the Western, Catholic tradition".

During this period of time many artworks were created that were characteristic of their time and demonstrated a significant decline of technique level.

"There is another group of icons that were painted by academic artists: V.A. Borovikovsky. O.A. Kiprensky, V.A. Tropinin, A.G. Venetianov. These are the icons of high technique level, nevertheless they are created by representatives of realistic school, who were painting them along with other paintings with religious and secular plots. In 1856 there was a special class of orthodox icon-painting opened in the Academy of Arts. Icons-paintings created by its graduates as well as wall-paintings in St. Isaac's Cathedral in St. Petersburg, Christ the Saviour Cathedral in Moscow, made by famous artists (K. Bryullov, F. Bruni. P. Semiradsky and others) have completely confirmed realistic painting trend as the dominating one in church art".

Thus as time goes traditional and regulated methods of icon-painting are being forgotten. Tradition of oil-painting penetrates from West. Oil colors are used instead of tempera. Canvas is used instead of wooden boards.

Background of the pictures is no longer shining with golden sheets. It was changed into brown, black and dark blue color.

...In provincial remote Russian settlements traditional icon-painting forms are still existing, and they impress us not with the manner of painting but with spiritual grandeur. The good example of this are the small villages of Vladimir and Suzdal regions of Russia: Kholyi. Mstera, Palekh. Evidently thanks to Grigory Zhuravlev we can include Utevka into this list as well.

Zhuravlev's icon painting on wooden boards with no gold coating can be explained by the same reason why it was so in Kholyi, Mstera and other suburbs of Russia: cheap icon was easier to sell in peasant society. Grigory has got icons that are painted on top of gold sheets...

We will leave this to specialists to decide about the manner of icon-painting used by Zhuravlev. We can just mention the doubtless spirituality that they are radiating.

ON THE MAIN SQUARE OF SAMARA

The spring of 2005 turned out to be surprising for me.

I was ill and stayed in the hospital for oil-industry employees in L'va Tolstogo street in Samara. But I will change the subject.

Soon I started to go for a walk outside the hospital. One day I went into the street and then further to Kuibyshev square. I wanted to walk outside a little.

...When I was walking along Chapaevskaya street, then crossed Krasnoarmeyskaya street, which made me happy because of its usual busy traffic, and then I saw something unusual.

As if hundreds of sailing boats resembling clouds have filled in the garden space in the square. There was so much white color mixing with the green color of the trees that all the colors of people wandering around could not out shadow it. It turned out that the photo exhibition of Viktor Pylyavskiy was opened about which he was talking to me in winter.

When I entered the garden I was stunned: it looked like cloud-like sailing boats have descended into the grey asphalt trampled with thousands of feet in order to bring down the divine beauty on their sails.

Viktor made pictures of almost all the churches of Samara region from a bird's eye view using a paraplane. And the miracle was revealed!

With his sharp-sighted soul he felt the exquisite beauty while being still on the ground. And then he overcame the gravitation, flew above it in order to show it to the people.

I was at his apartment, saw a lot of his photos. And now I saw his photos under the cupola of a clear sky. This was exciting.

Fresh colors, succinct texts did not let me go. Fascinated, I was walking from one wonderful picture to the other. I felt myself a happy child. I forgot about my illness. And I forgot that I need to be back at a certain hour.

In the end of the exhibition row there was arrived another wave of joy: St. Trinity cathedral in Utevka and a colored copy of Grigory Zhuravlev's portrait.

This portrait was painted in oil several years ago by Nikolay Kole-snik by my request.

He did not agree to do this at once.

Nikolay had attempted once to paint a copy of "Madonna of Utevka" once. Still his copy was raw and far from the original manner of Utevka artist.

It seems to me that the portrait of Grigory Zhuravlev turned out to be good. After we met in 2004 Viktor Pilyavskiy made several pictures of it. One of those I gave to Neftegorsk museum, the other one — to Utevka St. Trinity Cathedral.

Now Grigory Zhuravlev was looking at me with a familiar open look.

His face was the final accord if this miraculous exhibition.

This was like a gift for me — a person who has just left a stuffy hos-pital room.

This exhibition was not far from the place where Samara Christ the Saviour Cathedral was once located. And this did not seem to be acci-dental.

As if they have planned this, orthodox churches came here, to the square where the main Samara cathedral was once erected.

When I was leaving the garden I saw a journal of visitors' reviews

I opened it.

The hearts of those people who were writing in the journal were full of admiration and gratitude.

I could see an excited person behind each opinion. What a joy: to feel that such a sincere faithful nation is living by your side. And to be a part of it!

“God bless you for your great work! The exhibition has evoked the feeling of repentance, helped to reflect the sins of our ancestors-destroyers. This sin remains on us as well!

It helped me to realize the high role of a creative man in this world, to feel the joy of living in such a beautiful place, and at the same time — bitterness for our mindlessness. God forgive us!” This was written by the Melnikov family from Samara.

And here are the words of a village teacher S. Yu. Ivanova:

“Sheer delight!!! Thanks for several hours of happiness! I have tears in my eyes. I am leaving the exhibition with firm knowledge that I will return again. I will take my friends and relatives here. From now on it will be hard for me to give “unsatisfactory” grades to my students”.

And here is one more opinion:

“I am Vladimir Stepanovich Burlakov, born in 1955 in Kinel-Cherkassky district. I served in the Army for twenty seven years, six of them in the Caucasus.

...Thank you for bringing joy to people. I always felt bitter for Russia. For seven years I was serving in Hungary and the Baltic countries and saw the way people treat everything nice and beautiful there. They destroy a little and create a lot.

In Russia they used to eliminate those who were intelligent and diligent. Right now only the grey masse remains and the nation is corrupt, especially the young ones. I feel very bitter about my Motherland”.

I was already going to leave, when suddenly I read a note in the journal that stirred my memory. For the entire period of time while I was collecting material about artist Zhuravlev I hoped that his “Madonna of Utevka” can not be lost forever. It should not be so!

And I am reading the following in the journal:

“...I am sixty three years old, I have experienced quite a lot in this life. My profession is a journalist, my vocation is romanticism and I do believe in Savior’s mercy. I have never seen the photographic works of such depth and beauty accompanied by the historical comments and legends.

It is a fantastically charming beauty!

Unfortunately I am just an ordinary pensioner and can not give you anything in return except for my gratitude and acknowledgement for this

treat of seeing beauty and transmitting it to people. Kind regards. God bless you.

P.S. By the way my daughter Lena owns one of Zhuravlev's works. It is a painting of Madonna in the peasant dress. He painted this icon with his teeth, holding the brush between them. I do not know the real title of this icon. We are living in Samara together with her, not far away for the place of your exhibition".

There was no signature under the note.

The mysterious "Madonna of Utevka" was somewhere close to us in Samara! But it is however hidden from people!

This seemed to be very unfair to me!

Still I was not down. I believed that if the icon found itself in good people's hands, they would do nothing but the good to it. And finally it will bring joy to us. Its place is in the museum.

The life goes on. And there will be new findings.

Which ones?

"Life will show us, — I tried to comfort myself. — Its beauty is in this possibility of such accidental meetings".

When I was returning from the square I kept thinking about Zhuravlev and Pylyavsky, and I felt warm both about this exhibition and my recovery from illness. Involuntarily I started to be surprised about this simple truth: how beautiful is the person that brings beauty and kindness in to this world.

This person will never be forgotten.

Beauty and kindness are immortal.

GENEROUS HELPERS

House number eighteen in Samarskaya street in Utevka, where Grigory Zhuravlev lived, is still there.

Over the recent years this house has changed a lot. The new owners have erected brick walls from the outside and used the bricks of the same color as the church walls.

My grandfather Ivan is not around for many years. Old Kornev is not around too. They met Grigory Zhuravlev, lived at the same time. Maria Emelyanovna Pestimenina passed away as well.

Unfortunately today we can not physically meet anyone who had met Grigory Zhuravlev in person. Ninety years have passed from the

moment of his death. And this lays a special responsibility on us. We have to save what we know. We have to prevent the facts from being spoiled with our own interpretations.

The artist's figure is so unique and independent that we do not need any ideological or other kind of background. It is not necessary to add additional gloss to his life, to invent and write sentimental scenes from his biography.

Zhuravlev deserves great respect. Still fictionists are agitated. The variants of artist's life story are multiplied and they unfortunately contain bitter mistakes and fantasies.

Just as the documents themselves, facts are often fantastic.

I still have not been to St. Sergius Trinity Lavra again and did not make a copy of Zhuravlev's icon "St. Leo the Pope". But nowadays the artist has got many other helpers.

Librarians from Zuevka village travelled there in 2004 and brought the copy of this icon. Today we have it in St. Trinity Cathedral

And in 2005 there appeared three more icons. According to the words of Utevka people they were all painted by Grigory Zhuravlev.

Those icons are: "Saviour with Saints", "St. Nicolas" and "Christ Pantocrator".

Tedious work had been done over all those years.

It is still being done now.

On November 19, 1996 there was a Ruling by Administration of Neftegorsk region on allocation of 100 thousand bricks for construction of a once destroyed bell tower. In 1997 the engineering project for its construction was ready. It was done by the specialists of Samara Architectural academy. Anatoly Karpoenko, who was born in Utevka, helped us with this. He has paid the work and presented the project to St. Trinity Cathedral.

They have started to build the bell tower in 2003. Beforehand there was not enough money.

They have finished the bricklaying by September and the dome was erected in October. 2004. Many people took part in construction. Local men Alexander Fedorovich Kiselyov and Sergey Alexandrovich Zolotaryov were helping with vehicles, instruments and finance. Vladimir Ivanovich Petrushin, the head of Neftegorsk agency for small and medium business support helped a lot financially and in terms of organization.

Old parish women were unloading and delivering bricks. Delivering cement.

In 2005 eight bells were purchased from Voronezh company “Vera”.

The heaviest bell weighs 650 kg. There is an inscription “Grigory” made on it in the memory of Utevkina artist. On the bell that weighs 200 kg, there is an inscription that this bell tower is erected to commemorate all the people who donated money for bell-tower erection and bells purchasing.

Nikolay Matveevich Kiselyov helped to make a wall around the church and Gennady Alexeevich Krivolapov from Domashka village purchased a car UAZ-452 and donated it to the church. We can not remember all the people who had helped.

The dome of the church was restored, the cross was renewed. In 2004 a water well was arranged near the church. Today the church is heated with the help of two gas boilers. In 2005 the church got a bell ringer Alexander Danilov. Before he used to serve in Togliatti monastery, he was singing in the local choir. He has got a degree in music.

There is a baptistery within the church. They have been building it since 1991 at their own expense.

Right now there is also a hotel for six people, a canteen and a library.

A special word should be said about the relics of St. Trinity Cathedral.

In 1998 with the blessing of Metropolitan Nikolay of Nizhny Novgorod and Arzamas the relics of St. Seraphim of Sarov were brought to St. Trinity Cathedral for worship. Since 1999 the relics of all the saints from Optina Pustyn’ monastery are stored in a small box in front of the iconostasis.

There relics from Bethlehem babies, Maxim the Greek, Peter of Murom, Alexander of Chagry. There is also a stone from Holy Sepulchre, from Sepulcher of Virgin Mary, from Mount Sinai.

In the end of 2006 the new wooden iconostasis was erected. It is eleven meters wide, and seven meters high.

There is an unquenchable lamp in the church.

This is exactly how this should be!

PORTRAIT OF A YOUNG MAN

My colleagues have presented me with this portrait, knowing about my interest: Nikolay Vassilievich Davydov and Anatoly Andreevich Petryaev. Nikolay Vassilievich is my fellow-countryman, he was born in Utevka.

They came across it accidentally in a second-hand book store and hurried up to buy it.

A young man is painted in this portrait.

It is drawn on sheet of paper with a pencil and framed. The size of this portrait is 35x53cm, there is an inscription: "Painted from photograph by Grigory Zhuravlev".

My colleagues did not know who was the owner of the portrait and who was the young man depicted on it.

I decided to use this slightest opportunity to learn some additional information about the artist and found a person who sold this painting. It happened in autumn 2000. The previous owner of the icon turned out to be an elderly woman, living near Samara in Kryazh village. She called herself Raisa Petrovna Bondareva.

Unfortunately I could not find any new facts about Zhuravlev from my discussion with her.

Raisa Petrovna is living alone in her apartment. She has got a small house on the right bank of the Volga river. There, "near the water", she lives for the greater part of the year.

This is why I could not catch her at home for quite a long time.

She is living alone, her husband has died recently. The young man on the portrait is her husband's grandfather on his mother's side.

Her husband valued this portrait a lot. She dared to sell it just because she is tired of poverty. Her words were few, as if she was afraid to inform me about any details. And obviously she did not know many.

She did not want to tell the name of her husband.

It was not difficult to guess about the reasons for this caution when during our discussion Raisa Petrovna told that her husband's grandfather roamed the country for a long time. He never lived for long at one place. Then they lost him. As she said: "they found him". And she did not want to tell any details.

Probably this was one more tragic life of a Russian person who got into the horrors of civil war in our country.

Grigory Zhuravlev died in 1916, it is clear that this portrait was painted before the striking events had divided us into the Red and the White. At the end of our discussion she finally told me who was painted on this portrait. According to her information this was Ivan Soloviev. He came to Kryazh village together with his wife Theodosia Alexeevna from Kinel-Cherkassy village.

I was leaving the ex-owner of this portrait and felt that a very experienced person was looking at me. The one who had learned not to speak too much on certain subjects.

I took the portrait to Neftegorsk local lore museum.

There are two more portraits that were made by Grigory Zhuravlev which I am aware of. I could not find them yet.

Mikhail Semyonovich Timotaev, who lived in Utevka once, wrote about this in 1965 to Danilov: "...Now I will describe those portraits to you, they are done in pencil.

Their size is 65x45cm.

On the side there is an inscription with ink: drawn from the photo by Grigory Zhuravlev.

I will write to Moscow, probably they will be able to make a picture without my presence. I hope so.

During my vacation I will travel to Moscow and try to make photos myself".

A little earlier in the same letter he is telling interesting details about Zhuravlev, about his legs and arms. About the way he used to move around.

"I saw him when I was 11, I saw him drawing. He did not have any legs beneath his knees, was moving on his knees where on which he had soft leather cushions attached. As for his arms I can not remember anything, I just know that he did not have any".

The family name of the owner, who was living in Moscow is written: Olga Yevgenievna Shamina. The address was blurred.

Probably Olga Yevgenievna used to live in Utevka before. The Shamins were living in Utevka. And there is a lake called Shamino in the village.

And those people depicted in the portraits are probably her relatives.

MEMORY DAY OF THE ARTIST

Many years ago when I was collecting materials about Zhuravlev I was very much disappointed by so little documental information about the artist. And I called my manuscript then: "Ashes of the past". It seemed to me that too much was lost from Zhuravlev's works. And probably lost forever.

So under this name the short story appeared then in one of my pro-saic books.

Still my soul protested. I did not want to believe the losses.

And even then while making notes I used to think that there will be a much luckier person than myself once and he will find more.

Later in all the further editions I started to call my book "Joyous Encounter".

And I was not mistaken...I keep finding more and more...

Late in 2005 I discovered a copy of artist's death certificate. It is likely that it belongs to the archive of K.E. Danilov.

It was given to Anatoly Plaksin, Utevka local lore researcher, school teacher and a true patriot of his village by his former student. I talked to him and we decided that it should take its place in Neftegorsk regional children museum. Since that time this certificate is stored there.

Today we are certain about the exact date of Grigory Zhuravlev's death — February 15, 1916. A copy of "Act of death" number six is signed by the deputy head of the Civil Registry Office.

I could not yet find unfortunately the exact date of Grigory Zhuravlev's birth. Probably it was not known documentally to K.E. Danilov who was writing that the artist died when he was 57 years old. Tireless Kuzma Emelyanovich Danilov was actively restoring family names, birth dates and death dates of his country fellowmen.

One of the oldest settlements in Neftegorsk region is Krasnosamarskaya castle, that was founded in 1736 within the program: "Samara fortification line". Together with the castle they had constructed the church.

At first people from Utevka, Pokrovka and other villages located near Krasnosamarskaya castle were coming to that church. There they baptized their babies, gone through matrimonial and funeral religious rites.

Thus Kuzma Emelyanovich says in his enquiry to the head of Kuybyshev Civil Registry Office Mr. Trophimov. Further he is asking to present him with information on his country-fellowmen, their names and patronymics, age, birthdates, dates of death etc..

There is one interesting document. Those are the memoirs of Utevkа man Spiridon Vassilievich Traykin about Grigory Nikolaevich Zhuravlev written down by Kuzma Emelyanovich. They are dated June 2, 1961.

In his memoirs Spiridon Vassilievich says that: “Grigory was about twenty years older than myself”.

In the same document Danilov writes that Spiridon Vassilievich was born approximately in 1880.

Probably this comparison of Spiridon’s birth date (1880) and his age (20 years younger than Grigory) gave the local lore researcher this opportunity to identify the age of Grigory Zhuravlev.” It is considered that the artist was born in 1858¹.

Those lines from Traykin’s memoirs are really unique:

“...When Grisha was born crippled his mother was in despair and wanted to commit suicide and to kill Grisha as well, yet Petr Vassilievich Traykin, my grandfather and Grisha’s grandfather on mother’s side could persuade her that her intention was evil. He told her that he will raise Grisha by himself. So he did. When Grisha was 9 years old grandfather decided that he has to go to school. In wintertime he was taking Grisha to school in a sleigh for two years and then after his death Grisha had to quit school because nobody could take him to school any longer.

Still Grigory Nikolaevich continued his education. He started to study by himself. He was helped by one teacher, I can not remember his name”²

Spiridon Vassilievich remembers that Grigory could beautifully write in Slavic letters. He was handling the whip better than some people who have got arms. When he was clapping the whip he took the whip between his teeth. He smoked by himself, drank water from a glass or a pot”. And further: “Grigory Nikolaevich had a big head, a wide and high forehead and big grey eyes”. So from his memoirs it is clear that Grigory Zhuravlev’s mother was a daughter of Petr Vassilievich Traykin. Now we know that his mother has a maiden family name Traykina. Probably once we will be able to learn her first name as well.

Awareness of the exact date of the artist’s death provoked the people of Utevkа to celebrate his Memory Day.

¹ It should be noted that in “Samarskiye Gubernskiyе Vedomosti” newspaper in January 1885 it was said: “...being about twenty five years old...”

² Evidently this is teacher is Troitsky. This name was mentioned by old Nikolay Fedorovich Kornev when I met him.

In the end of February 2006 admirers of Grigory Zhuravlev gathered in the hall of Utevka House of Culture.

Could I imagine this happening even in the late 1980s?.. At that time aggressive atheism was no longer strong, but it did not give way still..

Delegation from the district was lead by the head of administration Sergey Nikolaevich Afanasyev, who was born in Utevka and remains an admirer of the artist. Memory Day was sad, but warm.

And it was even more warmed with one more finding.

We were informed about it by a person from Utevka Vladimir Ivanovich Petrushin.

I was long aware of the fact that there was a book or an album with Grigory Zhuravlev's pictures in Koshki village.

Vladimir Ivanovich was able to return this book, which is called "Old testament illustrations" to Utevka. This was his contribution.

A golden inscription "G. Zhuravlev" on the leather cover proves that it belonged to Grigory Zhuravlev.

It is still unknown when this inscription was made and who had done it. But it can become known to us once. Was not it done in the icon workshop of Grigory Zhuravlev in Utevka? The artist had experience working with gold...

It can be considered that the book was presented to him by Royal Family. Still we do not have any documentary evidence for that.

...That evening my country-fellowman was sharing the details of his trip to Koshki village with us with understandable joy.

Here is what he will later write in his book "Main stream of life":

"This book was kept for a long time in the show window of a school museum in Staraya Karmala village of Koshki region... Valentina Ivanovna Kitaeva donated it there."¹

The book "Old Testament in illustrations" was brought to Old Karmala by an artist, who was painting the local church in the beginning of the twentieth century. Nobody in the village recalls the name of the artist.

From him the book found itself in the house of Valentina Ivanova's grandfather, Anisim Kitaev. He was a religious person, served in the church together with his family and was even buried near its walls".

Further the author quotes the lines from correspondence of the director of Neftegorsk centralized library system S.V. Mitrofanova with an

¹ Recording of V.I. Kitaeva's speech is stored in the museum.

employee of Russian National Library (S. Petersburg) Yevgeny Kirillovich Sokolinsky:

“March 15, 2004:

Dear Svetlana Vladimirovna! Unfortunately I should disappoint you. I compared the drawings which you sent me (copies) with the book we have got here “Old testament in illustrations” (Saint Petersburg, F. Pryanishnikov and A. Saspozchnikov, 1846) and could see that this is one and the same book, still you have an incomplete copy with 12 pages of text missing. The book was prepared by the members of Artists Recognition Society. Drawings are done by Agine, lithographs are done by Afanasyev. The book is dedicated to Duke Maximillian of Leichtenberg. The drawings are done in “essay” manner, this technique requires firm hands and an armless artist could not do them.

Probably Zhuravlev was using those when creating his own icons as examples”.

It becomes clear that Zhuravlev was not the author of the unique book.

In a different letter dated March 18, 2004 the employee of the institute tells that the copy which they have has got 12 pages of text and 82 pages with drawings. The book that returned to Utevka contains pencil drawings of the back sided of many pages of once wonderful paper quality, drafts of the faces of Virgin Mary and Christ...

The drawings are fascinating, it is hard to stop looking at them.

Were they all done by Grigory Zhuravlev or some of them were done by his disciples¹? There is no need to guess.

This relic was brought back to Neftegorsk people by a local businessman Vladimir Ivanovich Petrushin. Is not this an encouraging sign of our time? The businessman is writing a good book “Main stream of life” about the history of his village, that is full of love to his native land, and former teacher Anatoly Vassilievich Plaksin is bringing joy not only to people of his village, but many history-lovers with his book

¹ There are two letters from Kuzma Emelyanovich Danilov to Vassily Grigorievich Popov whom he called Zhuravlev’s disciple. Unfortunately Popov’s address was lost. It should be noted that Vassily Popov was called G. Zhuravlev’s disciple also by Ivan Kharitonovich Chekunov — one of K.E. Danilov’s addressees. In this letter the local lore researcher is asking for the address of Mikhail Khmelev or his wife. He is referring to Khmelev as to the icon-painter’s disciple as well. Besides he says that Khmelev has got “some works by our country-fellowman Grigory Zhuravlev”. Probably the book “Old testament in illustrations” was taken to Staraya Karmala by Mikhail Khmelev?

“Antiquities of the Neftegorsk region”, which is the result of studying the archaeological sites of the region. The book helps to restore the main benchmarks of the ancient and medieval history of Samara region. We should be proud of my country-fellowmen.

Vladimir Ivanovich Petrushin wrote the story about pencil drawings in the chapter which he called “The last finding”. This is not exactly true. There is much we have to still learn about our country-fellowman. The end of 2006 brought new encounters and new findings.

But I will tell about this later.

THE ARTIST AND THE GOVERNOR

“...Once Sverbeev found somewhere the legless and armless artist. This crippled man was painting icons for him, holding the brush between his teeth. And once the governor decided to present one of the “artist’s” works to the engineering school, this was the icon of two “saints”: Cyril and Methodius, who are considered to be the patrons of all students. This icon with a large golden inscription “this icon was painted with teeth” was placed at a visible place in the assembly hall of the engineering school. School students were gathering in front of the icon and mocking what led to a great confusion of teachers and director:

— How can one paint with teeth, not with a brush?

When Sverbeev was travelling around his region, the first building he entered at every place was a church. There he “paid homage” to every icon. If they were located at high level he was given a ladder and he passed his kisses to the icons which were out of his reach with a cane.

This crazy old man just had an appearance of a good-natured person, in reality he was evil, revengeful Tsar’s satrap”.

These are the lines from the book “Revolutionary Samara in 1880-90s” written by an old Bolshevik, Lenin’s associate Matvey Ivanovich Semyonov (Blan). The book was published in 1940¹.

¹ For the first time I learned about this book when I was taking part in the shooting of documentary film “Grigory Zhuravlev” from the deputy head of Samara TV company “RIO” Alexander Viktorovich Ignashov. Later I heard the same from the president of this company Viktor Arkadievich Dobrusin. The film about Zhuravlev was made in fall 2006. Camera man Sergey Sharganov and film director Dmitry Ionov have already edited it and in the beginning of the current year demonstrated on the local TV channels.

Once Semyunov was sent to Bugulma for issuing the illegal proclamations. When he came back to Samara in 1889 he met Lenin and gave up his "*narodnichestvo*" ideas for Marxist ideology. Semyonov was one of the contributors and founders of "Volna" and "Povolzhskaya Volna" newspapers where he published his articles under nickname M.Blan.

Alter revolution M.I. Semyonov worked as a finance commissary, head of the state insurance company, Gosplan of USSR.

While participating in the documentary film shooting and recalling the life of the artist anew I deeply realized probably for the first time in my life the importance of "quiet" courage and courage that we can all see in the art of Grigory Zhuravlev.

...Even if I knew that those lines by revolutionary Semyonov about Zhuravlev and governor Sverbeev existed in the end of 1980s, I would not probably dare to include them into the text of my first book about the artist.

Those words are too cruel.

Today I have more understanding of why the name of Grigory Zhuravlev remained forgotten for so long.

At that time government had a peculiar attitude to such people and Orthodox Christianity in general.

There is one more evidence to this. The lines I will quote are taken from the book "Men of faith in Samara region" by Igor Makarov and Anton Zhogolev published by "Credo" publishing house.

In those lines we learn the story of Metropolitan Vladimir who was one of the first executed Russian hierarchs (I wrote about him in the first part of my book in "Unhealing wound" chapter): "When there was hunger in Samara he (Metropolitan Vladimir) founded a eparchial committee for collection and distribution of donations to the victims, signed an order that every church and monastery should donate part of their income for the hungry ones, establish can teens and tea rooms. When there was drought in 1891 the hierarch organized numerous sacred processions and when it finally rained he appealed to all the people to thank God in their prayers.

Samara hierarch used every opportunity to save the hungry ones. At the same time in Samara a young assistant of the assistor Vladimir Ulyanov worked hard in order to destroy the committees against hunger which were founded. They were living close to each other during those years. The bishop and the revolutionary. One of them was saving and

feeding people, the other one “had enough courage to openly state that the consequence of hunger — this grave digger of the bourgeoisie — is a progressive phenomenon, as it stimulates industry growth and leads us to our final goal — to socialism via capitalism...”

While hunger is destroying the peasant economy it is at the same time destroying the faith not only in Tsar, but also in God and will once provoke peasants to step into the road of revolution and will make the victory of revolution easier”. This fact is enough to understand that the “bloody game” for our people was meticulously planned by this young future leader...But bishop Vladimir at least won this first battle: “Everyone responded to the needs of those who suffered from poor harvest — this is characteristic of a Russian nature. Donations were coming from everywhere”. Only in Samara 26 puds of food were collected.

Then their ways went apart. But it seems that the “leader of proletariat” did not forget his Samara opponent: cruel execution of Metropolitan Vladimir according to the plan of “internationalists” became a signal for the start of Russian Orthodox Church repressions. It could be forecasted then, in the hungry 1891. Even when he was in Samara the future leader calmly said that there is one way of dealing with the committee against hunger: “fingers in the throat and knee on the chest”. It happened exactly this way later.

After one hardship Samara was challenged with another one. Cholera stroke the hungry region from south.

Bishop Vladimir was serving funeral services at cholera cemeteries by himself and initiated common prayers at visible places of the city appealing to God about overcoming this disease.

He was preaching and persuading the population to avoid despair and apply for medical aid.

Often, despite the danger he visited the sick ones in the city hospitals.

Bishop Vladimir took part in foundation of an orthodox eparchy Fraternity, which chose St. Alexis as their heavenly patron. On the day of Fraternity opening, on February 12, 1892 bishop Vladimir identified the main goal of Fraternity as follows: moral perfection of people, fostering compassion and mutual love in them.

At the time when he was executed there was a Council of All-Russian Orthodox Church in Moscow running. The news about martyr death of the oldest hierarch shocked all the Council members.

Council ruled that annual remembrance of all the martyrs who suffered during persecution should be done on January 25", the day of Metropolitan Vladimir's death.

In 1992 Metropolitan Vladimir was consecrated as a saint by the ruling of Council of Russian Orthodox Church".

...Now we know more.

The quote above helps to understand better how difficult was the process of our mentality development.

Thus it could be possible to find additional facts about Grigory Zhuravlev from the documents about Samara governor A.D. Sverbeev's activities, because he helped Zhuravlev and really had faith in God. I thought that it would be good to read everything that was written by M.I. Semenov.

So I learned from the senior bibliographer of Samara regional library, our wonderful fellow-countryman Alexander Nikiphorovich Zavalny that there are diaries of governor Sverbeev existing. He was making notes for himself in those diaries and was not going to publish them.

The notes cover the period from 1877 till 1888. And he was a Samara governor from 1878 till 1891.

The icon of Slavic teachers Cyril and Methodius was painted by Grigory Zhuravlev in June, 1885. Besides the icon of St. Alexis, Metropolitan of Moscow, was ordered to the artist by A.D. Sverbeev.

The above facts demonstrated that there could be notes about Zhuravlev and his icons in his diaries.

I felt cheered up!

I had to search for the governor's diaries!

And I did not care any longer about Bolshevik Semenov and his books!

As I supposed in his notes the governor could not help writing about the horrible events which followed the crash of the Tsar's train that was going from Sevastopol to St. Petersburg on October 17, 1888.

23 people were killed in the crash and nineteen were wounded. Tsar Alexander and his family luckily survived.

Gifts were sent from all the places to commemorate the wonderful rescue of the Emperor's family.

Samara aristocrats ordered an icon to Grigory Zhuravlev which they later wanted to present the Emperor's family. Documents that

are stored in the State Archive of Samara region prove this. The sum that was paid to Grigory Zhuravlev for this work is also indicated — 50 Rubles.

I thought that those events could also be reflected in Sverbeev's diaries.

GOVERNOR SVERBEEV'S DIARIES

I called Alexander Nikiphorovich Zavalny and shared my thoughts with him. He immediately invited me over to see him and promised to help.

Alexander Nikiphorovich has not only supported my intention to see the governor's diaries but also gave me some information about Sverbeev. He is a historian and knows quite a lot about him.

While we were discussing my plans he could tell me the place where those diaries were stored: Russian State Archive of Literature and Art. This is the same institution where many documents related to famous poets, writers, artists are stored.

We talked to archive employees over the phone and they told us that we could come.

In three days I was already in Moscow.

I was impressed by the archive of governor Sverbeev. We know so little about the lives of our predecessors!

It is so often that we are looking down at the past from the fake height of contemporary life. But there was life...and what a life!

First I read unsystematically. I could not stop.

“Being now a man of age after so many worries, impressions, joyous and bitter events, prince P.D. Volkonsky remains just the same as we have known him in his youth and we should be surprised that his nice temper has not changed at all, that he is as kind and modest as he used to be and treats people of any status and title with benevolence and hearty compassion. This consistency and this kindness demonstrate that his soul is full of love towards people and his heart provokes him to help anybody, anywhere and in any situation, keeping his great modesty despite of his noble origin and high social status”¹. This is a quote from

¹ RGALI (Russian State Archive of Literature and Arts), F. 472, Op. 1. D.I05.

A.D. Sverbeev's notes "Chutovo chronicle"¹ dated 1916. How could a man who had written such words, be a satrap as he was called by revolutionary leader Semenov?

This is how a person was writing during the last year of his life. He did not even have any intention to publish anything.

He was just experiencing a quiet joy that there is such a person living nearby. How could he himself be miserable and evil if he was saying such words about the others? So what was the tenth Samara governor Alexander Dmitrievich Sverbeev like?

He was unusual!

This is the first definition that came to my mind then.

I was surprised by the size of governor's archive.

There were 769 items in it.

Alexander Dmitrievich Sverbeev belonged to an ancient Moscow aristocratic family. His father Dmitry Nikolaevich Sverbeev was a writer, the author of memoirs about the events and social and literature figures of the first half of the 19th century. His "Notes" were published in 1899. In the section of D.N. Sverbeev's manuscripts there are his articles and short stories "Trip to Serpukhov", "About articles in the newspapers", "News" etc.. Among his addressees we can find K.S. Aksakov, L.S. Norov, V.F. Odoevsky. He received letters from P.A. Vyazemsky, L.S. Norov, K.S. Aksakov, S.A. Yurieva etc.

Alexander Dmitrievich's mother (nee princess Scherbatova) was the hostess of a well-known Moscow literature salon in the middle of the 19th century. The following people were among E.D. Sverbeeva's addressees: K.S. Aksakov, I.S. Aksakov, S.G. Volkonskaya, N.I. Turgenev, N.V. Gogol, V.A. Sollogub.

Alexander Dmitrievich Sverbeev was born in 1835 in Moscow. In 1856 he graduated from Moscow State University. He was taking the classes of such famous historians as S.M. Soloviev, T.N. Granovsky. There are notes made by him during Granovsky's lectures on the ancient history in the archive and also his (Sverbeev's) essays and articles: "Tatars invasion in Russia", "Battle at Kalka River, 1224", "About the value of history" etc. There is his student card, certificates and notifications about awards, new appointments etc.

Alexander Dmitrievich's service started on October 11, 1856 in the Ministry of Home Affairs.

¹ Chutovo village at Poltava region.

In March 1871 he became a State Counselor.

He was appointed a governor of Samara on October 23, 1878 and occupied this position until 1891, then he became a senator. Minister of Home Affairs A.E. Timashev confirmed the new governor in the new position.

Brother of governor Sverbeev Fedor Dmitrievich was a chamberlain at His Majesty's Court and the governor of Kurland.

Archive materials demonstrate that Samara governor had paid much attention to education. He had developed a description of all the schools, most of which were visited by him personally.

He was fighting epidemics, he visited hospitals. While he was a governor there was a significant industry growth in the region. The beer factory of A.F. von Vakano and mechanical plant of P.M. Zhuravlev were built in 1879-1881.

As a governor, Sverbeev was taking various measures in order to prevent any revolutionary activity. While he was in power, some revolutionary activity of "*narodniki*" was suppressed. He was certainly the "enlightened conservator".

There is much evidence that governor Sverbeev was very attentive to all complaints that were addressed to him.

On his request critical articles in the newspapers were checked. He was a chair of Regional Lifeguards Association, the chair of Music and Drama Society. During his ruling there were several churches built in Samara region.

He was fulfilling his duty decently, combining loyalty to monarchy and rejection of revolutionary movement. He was described as an administrator with wide scope of activity, independent from anybody's influence.

According to the testimony of people the governor had great respect to Samara bishop Seraphim (1878— 1891), who used to say about himself: "I have never volunteered for any assignment but I have never rejected anything that was assigned to me"

So governor Sverbeev was not at all like a satrap, managing the region according to his mood, as revolutionary Semyonov wrote in his book.

In the manuscript section of the archive of the tenth governor of Samara a significant place is taken by his diaries in terms of both value and size. He was writing them on a regular basis. As we have learned later,

he started to write his diaries since 1877 when he was not in Samara yet and finished in 1916. He died in 1917. Every book of his diary contains from 40 to 240 pages in small handwriting.

This was a huge work. Usually he was making notes every evening.

He called them “My notes”.

Materials in the archive are all original.

Those notes cover almost all aspects of Samara region life. This is why they are so valuable. They are describing every day passed. Governor’s diary is the result of his travel around the rural areas. This is a live source for researching the everyday life of Tsar’s Russia.

Still I was not able to read through everything thoroughly. Very small letters and my poor eyesight did not allow me to do this. Finally I started to read them sorting out by dates and then at random.

Finally I was happy that I came across the manuscript “Volga”. Samara (1878-1981). The text of the notes is written in big letters, not like in his diaries. I thought that here I could find some more information about my fellow-countryman artist.

...I was so much eager to find some documents about the most unknown periods of the artist’s life. About the time when he was studying in Samara gymnasium, went (he was taken) to Petersburg. When he met Emperor Nicolas the Second, his wife Alexandra Fedorovna and their children: Olga, Tatiana, Maria, Anastasia and heir Alexey if it was true that he was painting the Tsar’s family.

Alas...

I quickly read through the nine pages and on the tenth one I came across the following lines:

“In March this year (1916) my nephew Prince N.V. Golitsyn informed me that there was a donation to the Academy of Sciences consisting of my notes and documents attached to them; then I ordered to bring me the case where all those documents were stored and I could find just the notebooks there; it appeared that everything else was stolen by one of my ex-servants and sold later...”

This theft deprived me of all the details that were collected before and there would have been especially interesting for me now”.

Then Alexander Dmitrievich writes that he stored his archive in his bedroom until he became ill and it was moved out into the corridor. This is how this theft became possible.

The notes found themselves in the State Archive many years after his death. Thus the governor could not write consistent notes about his living on the Volga because of the theft and his death that followed.

Still I had some confidence that in his diaries he should have mentioned the name of Grigory Zhuravlev.

I spent one week reading through his lines. Yet, no result.

But then came the day when I there were the real findings. And what findings! Letters by Zhuravlev to Samara governor and to the future Tsar Nicolas II!

I will talk about them in the next chapter.

LETTERS BY GRIGORY' ZHURAVLEV

I was able to find four letters written by the artist in governor Sverbeev's archive. I would tell about each of them one by one in chronological order.

In the first letter¹ to the governor, dated December 29, 1880 Grigory Nikolaevich writes:

"When You were travelling across Utevka village you were interested in the welfare of the people and did not forget to pay a special attention to those ones who were helpless and You have also taken part in my life, as I had been born with no arms.

Now Buzuluk authority informed me by his ruling of December 24th of the benefaction that was solicited by You in Samara regional assembly in the form of a monthly allowance of 6 thousand silver Rubles. I wish that You have a happy and long life. I would like to thank both You and those unknown beneficiaries who have agreed to donate this valuable money to me". The sense of gratefulness for support that was expressed by a peasant artist can be quite understandable.

He was only twenty two years old.

I would like to quote his second letter which starts with:

"To Samara Governor Petition"

In this letter Grigory Zhuravlev is asking to accept the icons that were painted on request of the Governor. Here is the list of icons

"1. Icon of St. Alexander Nevsky;

2. Icon of St. Nicolas. And 2 icons of Virgin Mary Holy Protection"

¹ RGALI (Russian State Archive of Literature and Arts), F.472, Op.I, D.2I7.

Then he is asking to give directions to G. Naumov to pay him the money he was promised for the icons of Christ the Savior and Our Lady of Kazan.

He is asking to give the money to his father whom he gave the power of attorney.

Under the main text it says: *“Utevka village. 1883, January 22”*

So there are six icons listed in this letter which were painted personally by Grigory Zhuravlev. The third letter is short, but significant. It is telling about seven icons.

“To Samara Governor

I am humbly asking you to accept the icons that you have asked me to paint before June 10.

Here are the titles:

Holy Mandylion. Painted over gold.

St. Nicolas. Painted over gold.

Holy Mandylion. Painted over gold.

St. Nicolas. Painted over gold.

St. Basil the Great. Painted over gold

St. Martyr Eugraph. December, 10.

St. Martyr Lyubov. September, 17.

I have signed this to verily that the above mentioned icons were shipped.

Grigory Zhuravlev. Utevka, June 7, 1884”

Thus from this letter we know for sure about some more works by the icon-painter¹. Besides we know that most of them were painted over gold.

Having the experience of working with gold, Grigory Zhuravlev and his disciples could do the golden stamp on the book “Old testament in illustrations” in their workshop.

We will leave this issue to specialists.

And finally the forth letter.

¹ Besides there is information (I have not checked this yet) that there is an icon “Selected Saints” that is stored at the Museum of Religion and Atheism in St. Petersburg. Its size is 45x44 cm. It was painted by Zhuravlev. On the back side of the icon there is an inscription with the artist’s name and description of the painting method. In the Fine Arts Museum there is a “Pantocrator” icon. It was painted by G. Zhuravlev as the inscription says. Journalist E. Devikov wrote about those two icons once. We still have to find the icon that was mentioned once in the “Eparchial’nye vedomosti” newspaper for Samara Cathedral. Its title was “Levitation of St. Ilya the Prophet in fire”. It was also mentioned by E. Devikov.

It is addressed to the future Emperor.

“To His Highness Tsesarevich

Your Highness, I am humbly and diligently asking you to accept the icon of St. Nicolas which was painted by myself, the peasant of Utevka village of Buzuluk uezd district of Samara gubernia, with my teeth as I have no arms or legs since my birth.

Your Highness, I am humbly asking you to accept this icon that I would like to present to Your Highness with love and respect.

You Highness!

I am humbly asking You to allow this icon to come in front of your eyes, I can not deliver it myself as I have no arms or legs.

I have painted this icon as Almighty God’s wanted me to do so. Who have allowed me to be born and gave me this talent. Then I mastered this talent with the help of my teeth according to God’s will¹.

This letter is different from the previous three.

It doesn’t have Zhuravlev’s signature. There is no date. It is written on one sheet of paper (on the two sides) with a pencil. The handwriting is looser, it is different from the other three letters written with ink.

There is no doubt that the letter is original. It could be however a draft.

What was Grigory Zhuravlev thinking about when he was sending the icon of St. Nicolas to Tsesarevich? The time was not easy...

Cruel sixth assassination attempt of Alexander II...

Devilish chase of Alexander III...

Did the artist present his icon hoping that St. Nicolas will strengthen the spirit of the future Emperor and lighten the weight of his cross?

It appears to me that yes!

So Nikolay Zhuravlev is mentioned in the letters who was delivering his son’s icons to Samara. Now we can know some more people who were helping Grigory Zhuravlev.

In his childhood this was his grandfather Petr Vassilievich Traykin, later when the artist was already working in his workshop this was besides his brother Afanasy, his father Nikolay Zhuravlev and probably his disciples mentioned by Kuzma Emelyanovich Danilov: Mikhail Khmelev and Vassily Popov.

Probably after reading these notes the relatives of the artist’s disciples will response?

¹ RGALI (Russian State Archive of Literature and Arts), F.472, Op.I, D.528.

AT ZHURAVLEV'S GRAVE

Now there are several churches in Neftegorsk region: Church of St. Barbara (Neftegorsk), St. Trinity Cathedral (Utevka). Church of Virgin Mary's Holy Protection (Barinovka), Church of St. Demetrius of Thessaloniki (Bogdanovka), Church of Archangel Mikhail (Zuevka), Church of Virgin Mary's Holy Protection (Pokrovka).

The grave of Grigory Zhuravlev became one of the most popular pilgrimage points.

Still I feel anxious...

Where can we hide from the feeling of fragility of our life, the crashing of time? Our vast Russian suburb is experiencing another challenge, that means survival and self-rescue. We are delivered to fate.

Not long ago our great literature, schools, various institutes were fostering our ideals and values. Today the soul of a growing-up Russian is being torn apart. He is told one thing at home, the other one at school and the third one on TV and in the newspapers. In the street there are different laws. We have to make sure that a human being survives!

But where can a soul find its place?

The soul should work! If a person is coming to a church and putting up a candle only in order that something would work well somewhere and satisfy his needs, than he is far away from saving his soul.

Unvoluntarily I am remembering the times when in the most critical situations in Russia government has approached the Church, was knocking at its doors.

This is the way it was during the Tartar-Mongol invasion, in the Time of Troubles in the beginning of the 17th century.

Kutuzov was praying in front of Virgin Mary of Kazan icon before the Battle of Borodino.

Stalin was forced to stop prosecuting the church during the World War II years. Most if us are familiar with this fact.

Still we do not learn from our history.

In modern Russia we are experiencing now a no less tragic period of its life.

A spiritual base is very important! It is necessary for the growing generation. Perestroika has ruined the socialistic system and rejected moral education. So our state can not understand today what kind of a citizen it needs.

Not long ago I returned from Moscow. I was participating in the 10th All-World Russian Peoples Council that started its work on April 4, 2006 in the Church Assembly Hall of Christ the Saviour Cathedral. Its theme was "Faith. Man. Earth. Russian Mission in the 21st century". I am participating in the work of the Councils not for the first time. But this one is special. After the common prayer All-Russian Patriarch addressed everyone.

Metropolitan of Smolensk and Kaliningrad Kirill made a report that covered all the issues concerning human rights in the whole world. When he was finishing his report he said: "This is very sad that the rights of ethnic groups and nations for their religion, language, culture and traditional lifestyle are being violated, that there are still crimes committed because of religious matters. Society should be appealed today to struggle with such social diseases and Church should take an active part in such struggle. The orthodox view is that human rights activity today should be exactly like that".

Alas, all discussions regarding the freedom of speech in our society over the last twenty years were accompanied by destruction of a soul's right to be moral. And now it seems that something is changing. This report contains the analysis of the existing situation.

Globalization process became our reality and there is no way back.

Still what the future world should be like?

It should not be immoral.

"World should not be tailored just according to a western model"-this is what was said at the Council.

A number of documents and declarations got signed.

We would like to believe that the ideas that are listed in those documents will be used in the legislative processes of our society.

Society which has got laws based on moral traditions can overcome a lot!

Psychologists have long known that the major reason of the modern civilization crisis is the loss of the meaning of human life.

When the western society has rejected Christianity there came the vacuum instead that influenced a human being in a destructive way.

Here in Russia it is sometimes taking extreme forms.

For example people who suffer from alcoholism can not identify the meaning of life. This is similar to aggression.

Aggression can not be eliminated by anything except for returning of life meaning to a human being. I can see this happening now in the Volga villages.

Government and Church have to tell people where we are going and what we are building in order to return the soul to society.

This is what I was thinking about when I was standing at Grigory Zhuravlev's grave on a quiet summer day.

He knew his way and had faith. And we got lost...

Father Anatoly is worried: there are just a few church-goers in a six-thousand people village. What can we say here?

Faith is still ahead for many of us.

On August 27, 2005 there was a holiday in Utevka village. During the holiday a tourist route was opened that was dedicated to Grigory Nikolaevich Zhuravlev...

One of the first guests that visited Utevka were the students of a school for orphans #9 in Samara.

I know them.

Several times we met. Two times I came to visit them with my new books.

They are kind-hearted children and are willing to do good in their lives.

They have already visited Utevka with a tour and now I am holding the sheets of paper with their impressions from this visit:

"...I could not stop looking at the beautiful miraculous church. I experienced even more joy when I entered it!

...When we were leaving the church there was a flock of pigeons flying above the domes. As if they were saying good bye to us".

This is what is Zhenya Krylova, a 6th grade student wrote. And her classmate Anzhela Vakula is echoing:

"...I did not want to leave the church, something was attracting me inside.

"Look at the church once again, — said our tour guide when we were leaving. I glanced back and looked at the church sadly for a long time. I will now remember it for my whole life!" And here is how this trip was described by a fifth grade student Viktor Bakulin: "...The church service was coming to an end. This was a Shrove Sunday. All the people were asking each other to forgive them and kissed. I put up a candle to remember my passed away mother and started to look at father Anatoly consecrating the little crosses.

I was looking at the wall paintings made by Grigory Zhuravlev once, at those beautiful, elegant faces of the saints that were looking at me

from far away and thought that the artist who painted them was no ordinary man. An ordinary man could not have done this”.

I remembered at once the note from a nine-year old boy Kolya from Elkhovka village. After he visited Victor Pylyavsky’s exhibition in Samara he wrote as if he exclaimed:

“In our village the church was destroyed. When I will grow up I will restore it!”

Is it really necessary to comment those words said by people, who will define the life of Russians in thirty to forty years?

It dawns inside my soul.

Part Three

GIFT TO TSESAREVICH¹

Since the day when I had the luck to find Grigory Nikolaevich Zhuravlev's letters to Samara governor A.D. Sverbeev in the archive of the latter in Russian State Archive of Literature and Arts² I could not get over the excitement. The thing is that the list of icons, that the artist was sending included two icons, one of which could be intended for His Royal Highness Crown Prince Tsesarevich Nicolas. Also there was a letter written by the artist and addressed to Tsesarevich asking him to accept the icon of St. Nicolas. It is known that Tsesarevich accepted the icon. This was mentioned in "Samarskie Gubernskie Vedomosti" journal (№ 1, January, 1885). Yet — which icon did they mean? One of the two that were mentioned in the letter among the seven icons? Or was there a different icon? And why it was particularly the icon of St. Nicolas that he painted for a gift?

Questions, questions...

I started to look for the answer to the question that had been disturbing me personally for quite a while — why was this very icon presented to Tsesarevich as a gift?

...Almost seventeen centuries have passed since the time when Holy Hierarch St. Nicolas, the great Wonderworker and Archbishop of Myra in Lycia³ lived on our earth. He is being glorified by all Christian world for his fervent faith, virtuous life and numerous wonders that he had been working until nowadays, swift help and mercy. St. Nicolas lived in

¹ Crown Prince of Russia (translator's note).

² Russian State Archive of Literature and Arts — RGALI.

³ Here and further in the book information on St. Nicolas the Wonder Worker is quoted from: "Life and Wonders of St. Nicolas with Akathistos". St. Petersburg, IP Belozerov, 2007 that reprints the book "Life and Wonders of St. Nicolas and his glory in Russia", Synod Printing Office, St, Petersburg. 1899.

the time period that was probably the most challenging for Christianity. This was the period of resolute battle of Christianity and paganism.

Roman emperors being the fervent pagans considered Christianity to be a perish for the Roman Empire and Christians were the most dangerous enemies.

Christians were persecuted, they were forced to renounce Christ, to worship idols. Those who refused were thrown into prisons, faced agonizing tortures being drowned in the rivers, torn to pieces by wild beasts, burnt in the fire.

St. Nicolas's parents — Theophane and Nonna — lived in the town of Patary in ancient Lycia that in those times was a part of Asia Minor. They were the descendants of a noble family, were known for their holy life, mercy for the poor and zealousness for God.

Absence of children made them grieve and they never stopped praying God for a son, having made a vow to consecrate him to God.

The prayers of the righteous was heard. Nonna gave birth to a son. He was named Nicolas, the name meaning “the conqueror of people”. Young Nicolas was advancing in book learning and godly life. From his young days he was fostering himself to be a home of God where Holy Spirit could indwell. The young man was supported in his spiritual making by his uncle — the bishop of Patary.

After going into ministry Nicolas started to follow an even more ascetic lifestyle. He undertook a journey to Palestine and worked wonders during it. When he returned to his homeland the time had come for him to become a spiritual leader for the Church of Lycia, enlightening people with the light of Evangelical teachings.

His return from the monastery to the worldly life in order to glorify the name of God would follow. He lived a life of a poor man, but was present at all the church services. And God, exalting the humble exalted him. Council of bishops ordained him as an Archbishop of Myra in Lycia.

After he started to govern Myra of Lycia archdiocese St. Nicolas said to himself: “Now, Nicolas, your gown and your status require that you live totally for the others, not yourself”.

And this was the way he lived. He was meek, mild hearted, humble spirited, alien to hubris and self-seeking.

Persecutions of the Christians that followed soon brought a lot of grief. In Nicodimia about twenty thousand Christians were burnt on the very Easter Day. Persecutions reached Myra in Lycia. Nicolas was

imprisoned together with many other Christians. Notwithstanding the deadly threat he was openly and loudly preaching the name of God.

After he was released from prison Nicolas returned to Myra in Lycia arch-see, retaining and multiplying his zealotry in establishing Christianity and extirpation of heresies.

St. Andrew of Crete testifies that “while living in flesh, before reposing in Christ, St. Nicolas appeared to the people burdened with various troubles and offered swift help, withdrawing the victims of the death from its very jaws”.

This is how the world knows and remembers St. Nicolas the Wonder Worker.

* * *

It is today that we have certain knowledge about Tsar Nicolas II life, but thirty years ago it was scarce. A lot was spoken and written only about Peter I and Catherine II.

Our knowledge about the last Russian Emperor is not taken from books, it is the tragic fact of our virtual life, our common history.

Yet how could the young artist Grigory Zhuravlev who was only about twenty-six years old then -only ten years older than the future Emperor, know about our common destiny...about our tragedy rolling in.

Assassination of Alexander II by members of “Narodnaya Volya” and rising of Alexander III to power marked the termination of liberal reforms and change of policy. Alexander III undertook tough measures to water down the revolutionary tension. He was able to sustain both external and internal peace in Russia. During the ruling of the Tsar-Peacemaker, Russia’s international status rose to a high level, Russia had not participated in military actions. Russian economy and finance began to stabilize...

Future Tsar enjoyed good health and calm temper, was a diligent and sensitive child. We know that childhood and adolescence of the future Tsar can be called cloudless. Grand Duchess Maria Fyodorovna was personally in charge of his education. She was controlling the choice of his teachers.

Starting with 1877 regular education of Tsesarevich started under the supervision of adjutant general G.G. Danilovich, who was previously a principal of military gymnasium and inspector of Cadet corps classes. Curriculum was developed for twelve years. The level of teachers was impressive.

“The leading scientists and military officers with vast teaching experience were invited to teach the future Emperor...Thus finance law,

political economy and statistics classes were delivered by professor of Kiev University N.Kh. Bunge, a world-known scientist who was in 1881-1886 a minister of finance. International law was taught to crown heir by professor of Moscow University M.N. Kapustin, political history — by professor of St. Petersburg University E.E. Zamyslovsky. The teacher of chemistry was a professor of Kharkov University N.N. Beketov.

A boyhood friend of Tsesarevich Nicolas grand duke Alexander Mikhailovich (“Sandro”) wrote in his memoirs: “Future emperor Nicolas II could delude any Oxford professor who would have taken him for a native English man because of his language skills. He has the same level of French and German language...”

Attorney general K.P. Pobedonostsev who was invited to teach law to the crown heir had directed him to implicitly follow the principles of Alexander III reign, he could make grand duke Nikolay Alexandrovich believe that it is impossible for the autocrat to delegate his power to anyone in order to avoid anarchy and collapse. Emperor Nicolas II would follow this idea steadily.¹

Yet this lustrous education system intended to get Tsesarevich ready for the great mission of serving Russia becomes discordant with the state of Nikolay Alexandrovich’s mind.

On October 20, 1894 Alexander III died and Nikolay Alexandrovich became an Emperor. As Nicolas II confessed later the sheer thought of the burden of Tsar’s power terrified him. Witnessed by grand duke Alexander Mikhailovich on the day of his father’s death Tsar was found in tears — lament that he was not ready to accept the burden of supreme power and grieving for Russia, being concerned about its future. Nicolas II wrote in his diary: “The worst has happened to me — I have been fearing this for my whole life”.

This was how Nicolas II acceded to the throne.

He so much needed at this moment the tenacity and self-sacrifice crucial for serving his people — and those traits were so peculiar to Nicolas the Wonder Maker. Was the twenty-six year old artist from a faraway village over the Volga river thinking about this when he was painting the icon for the future Tsar or was he just simple-mindedly concerned about prayer appeal to the saint, after whom Tsesarevich was named?

I believe that undoubtedly he was thinking...

¹ Last Russian Emperor. Family and Court of Nicolas II on the turn of 19-20th centuries. Exhibition catalogue. St. Petersburg. AO “Slavia”, 2012, p.131.

* * *

But where is today the icon of St. Nicolas that was presented to Tsesarevich more than one hundred and twenty years ago? After the latest revised edition of my book about Grigory Zhuravlev “Joyous Encounter” containing the list of twelve more icons painted by the artist got published in 2007 the geography of my explorations expanded. I could witness something I was dreaming of for a long time — more and more of my readers started to search for the icons. Yet it was still like searching for a needle in a haystack.

About five years had passed...

During those years I received the information that the signed icon by Grigory Zhuravlev “Holy Mandylion” was repositied in Galich, Kostroma region in a nunnery.

Also a link was found that his icon “Selected saints” resides in St. Petersburg in Religion History Museum.

* * *

For a long time I have been collecting information about people who once worked together with Grigory Zhuravlev.

Then I got some knowledge about Emelyan Kalashnikov.

According to his great-granddaughter Olga Ivanovna Atsegeida living in Samara this is what the daughter of Emelyan Kalashnikov Evdokiya Emelyanovna Samarkina told about her father: “Father was an artist. I remember him drawing the portraits of visiting guests with a piece of charcoal on the whitewashed stove. When there was no spare space left the stove was whitewashed anew. Yet it didn’t remain white for long — father was drawing the portraits of the guests again. He painted icons and pictures”.

Family lived in Domashka village and Emelyan travelled to Utevkа to paint St. Trinity Cathedral.

Emelyan seldom stayed at home spending most of the time in the Cathedral. When the roads were passible he visited his family. He then told his children Evdokiya and Ivan about the remarkable man living in Utevkа and working in the Cathedral. “He has no arms or legs. He holds a painting brush with teeth and paints the icons of the saints so skillfully as one would not be able to paint with his hands.” He told that he was carrying him around. And feeding him because Grigory was not able to eat by himself.

In Kalashnikov family everyone prayed a lot, the status of icon-painter family obliged. Prayer practices and lents were strictly followed. Emelyan's children were raised in obedience and discipline. Evdokiya reached the age of 94. She worked in urban greening facility in Kinel. Many trees in this town are planted by her. Ivan Kalashnikov worked in line department of police on Kinel railway station. In 1943 he went off to war, served as a combat life-saver — extricated casualties. He was killed during the forced crossing of Dnieper river in the Ukraine.

Descendants of E. Kalashnikov have long kept the icon of St. Barbara the Great Martyr. It is unknown whether it was painted by Emelyan or a different icon-painter. It appeared in the family since the time when the head of the family painted and worked in Utevka Cathedral. This family relic was donated to Utevka Cathedral by the descendants of Emelyan Kalashnikov in the memory of their forefather.

Nowadays the great granddaughter of Emelyan Kalashnikov attends an icon-painting school in "Sinai" orthodox center in Novokuybyshevsk. Life and faith are abiding!

* * *

Quite recently a copy of a portrait painted by Grigory Zhuravlev appeared in St. Trinity Cathedral — authenticated by the signature on the back of the original work.

This copy was presented to the Cathedral by Lyubov Alexandrovna Chernyshova. The point at issue is a pencil portrait (her relatives in Moscow keep the original work) of father Alexander (Egorov) and his wife Eugenia.

According to Lyubov Alexandrovna, father Alexander before the Revolution (i.e. during Grigory Zhuravlev's lifetime) was the rector of St. Trinity Cathedral in Utevka. They had children: Leonid, Vera, Nadezhda.

They also had grandchildren and great-grandchildren that are still around. Among them: their granddaughter Svetlana Leonidovna Kolmykova. And great-grandson: Andrey Alexandrovich Kolmykov (Vice-governor of Samara region in 1990-s).

Once a former Utevka resident Mikhail Semenovich Timontaeв mentioned that there are two similar portraits painted by Grigory Zhuravlev in Moscow. Obviously he did not mean that one...

And here came a joyous event: among the many responses to our letters and enquiries (part of those were prepared by Alla Alexeevna Izhederova and they were sent out on behalf of the Head of Neftegorsk

District Duma) we found a remarkable one. State Hermitage Museum in St. Petersburg informed that they had no information about the icons about which we had enquired, but there was the icon of St. Nicolas the Wonder Maker painted by Zhuravlev in their collection.

And then arrived the opportunity. My longtime assistant in regional history research a professional photographer Konstantin Baiguzin travelled to St. Petersburg to visit his relatives. Without any further delay we called the museum treasurer Dmitry Vladimirovich Gusev who signed the official response from State Hermitage Museum and agreed that he would allow Konstantin to make photos of the icon. This is what was actually done.

After just a week I was holding the photo copies of St. Nicolas the Wonder Maker in my hands. I took two of them to Utevka — the birthplace of Grigory Zhuravlev. One — to St. Trinity Cathedral, the other one — to the museum of the artist.

That summer Dmitry Vladimirovich Gusev was invited to Utevka to take part in village celebrations. We met personally and agreed about cooperation. We had set a goal: to find the icons by Zhuravlev, if there were any, in State Hermitage Museum and other museums of St. Petersburg and Russia. Thus I acquired a partner who was researching the history of Russian culture in State Hermitage Museum.

* * *

Yes, this was the very icon presented by Grigory Zhuravlev to Tsesarevich. There was an inscription on its back side: “From State Archive of Tsesarevich”. And on the face of the icon there was a signature made with white paint so peculiar of the Utevka artist: “Painted with teeth by peasant Grigory Zhuravlev. Samara Oblast, Buzuluk uezd, village of Utevka”.

The icon was transferred to State Hermitage Museum in 1949 from the State Museum of Ethnography of the Peoples of the USSR, city of Leningrad (inventory number ЭРЖ-2307).

We started to communicate fruitfully with Dmitry Gusev via telephone and e-mail.

During this period State Hermitage Museum was preparing the exhibition “The Last Russian Emperor. Family and Court of Nicolas II” on the turn of the century” in “Hermitage-Vyborg” exhibition hall. Organizational Committee of “Hermitage-Vyborg” program: A.Yu. Drozdenko (governor of Leningrad Oblast), M.B. Piotrovsky (general director of State Hermitage Museum, Associate Member of Russian Academy of Sciences, doctor of

historical sciences), G.A. Orlov (head of Vyborg municipality of Leningrad Oblast). Dmitry Vladimirovich Gusev was in charge of exposition in the exhibition hall. At the same time the catalogue of this unprecedented exhibition in the history of Russian art was being developed and published.

On the second day after my arrival to St. Petersburg I went to Vyborg together with Dmitry Vladimirovich to see the exhibition.¹

Ancient Vyborg greeted us with unexpectedly cheerful weather. No drizzling rain, no leaden clouds characteristic of St. Petersburg. It was hard to believe — only 125 km away from the Northern capital and we were even closer to the Finnish border. My companion assured that such days were very rare in Vyborg.

Passing by the old buildings made with cobble stone, the 13th century castle, down the cobbled streets resembling of ancient European towns, we were walking to the exhibition hall of the Center.

May be because it was Saturday, no working rhythm was felt in the town. It did not feel like we were in a town that was a commercial sea port, a big transport hub crossed by a network of railways connecting it to the capitals and other locations in different countries. Likely because we were totally occupied by our major task — the destiny of Grigory Zhuravlev and his icons.

* * *

A lot can be said about the exhibition. Yet one needs to see it!

Exhibition lasted until March 31, 2013 and told the Russian history reflected in the Royal family figures, in their private and official life. Circumstances of personal life of Nicolas II played a significant role in his activity as a Tsar.

Interwoven personal and national feelings and the destiny of the Tsar became the destiny of our prerevolutionary country.

Figure of Tsar Nicolas II is tragic and touching.

Central figures of that époque were presented only by original portraits and personal belongings. The whole exhibition was a story of the period in our common Russian life, provoking thoughts.

Faces, faces, faces...

While wandering around the exhibition halls you were totally immersed into the tragedy of the 20th century that took over Russia.

¹ Last Russian Emperor. Family and Court of Nicolas II on the turn of 19-20th centuries. Exhibition catalogue. St. Petersburg. AO "Slavia", 2012, p.131.

The tragic face of Empress Alexandra Fyodorovna, stately wonderful Russian look of Nicolas II. Grand dukes...Family pictures of the wedding, ceremonies, luxury items, gifts, trivia...

Power and statehood that could not be encompassed! And this all was to come up to dust...

A special sinking feeling took over me when I was approaching St. Nicolas the Wonder Maker icon in a light spacious hall on the second floor.

It was rather small. Here is what was written on its inventory card:

"Date and documents of acquisition: acquired in 1949. Contributed by Museum of Ethnography of the peoples of the USSR (former historical section).

Author: Zhuravlev G.N. (icon-painter)1858-1916

Name: Nicolas the Wonder Worker

Place of creation: Russia.

Dating: beginning of the 20th cent.

Material, technique: wood, oil.

Sizes: 36X26,5 cm.

Bust-length portraiture, right hand is blessing, left hand in holding New Testament, golden background, wooden case.

Preservation status: general attrition, crack patterns"

Inscription in the lower part of the icon: *"Painted with teeth by peasant Grigory Zhuravlev of Samara gubernia, Buzuluk uezd, village of Utevka"*.

Unfortunately there is an inaccuracy in this information: the beginning of the 20th century is indicated as the time of icon painting. Now we know that in reality the icon was painted in the end of the 19th century. Later I was explained the reason for this inaccuracy. Hermitage staff was unaware of the icon story and of the fact that it was presented to Tsesarevich, so they were defining the date by their own criteria. This also explains the fact that in the catalogue it is mistakenly indicated that the icon was presented to Nicolas II when he was already the Emperor, not Tsesarevich.

Visitors of the exhibition were showing genuine interest to Zhuravlev's icon, it was not lost in the variety of exhibits on display.

I had to give explanations right in the exhibition hall, share the icon story, tell the visitors about Grigory Zhuravlev.

The next day we had a warm and interesting discussion in the restoration laboratory of the Hermitage. There also I had a chance to speak to its staff about Zhuravlev and his paintings. They listened to me with attention. Asked questions. Wonderful Russian people. As far as I can judge — high profile specialists.

The book “Joyous Encounter” was copied right away on a color copy machine. It was decided that the icon of St. Nicolas would be taken for further research. Artistic merit of the icon is doubtless as well as the scale of its creator’s personality.

The specialists also paid attention to a peculiarity of way the face of the saint was depicted — anxiety being shown on his face. Once again not only me alone, but all of us recalled the fatal tragic events that took place in Russia before Tsesarevich was undertaking over the crown of the empire. What was there in Zhuravlev’s icon? Warning? Hope? Willing to help the future Tsar to acquire strength in order to gain tenacity and courage for the approaching times? What feelings were crowding in the icon creator’s soul? He was just a grain of sand from the faraway village over the Volga river, a tiny part of the huge Russian nation, capable both of compassion and immense rage.

* * *

My last day in St. Petersburg was devoted to searching one more icon by Zhuravlev. Just to remind — it was before my trip that I had the information that one of the icons by Grigory Zhuravlev “Selected Saints” was once preserved in Religion History Museum. According to other sources — the icon was at the principal Cathedral of St. Petersburg erected for the all-nation relic — the Icon of Virgin Mary of Kazan. The first stone was laid into the cathedral foundation by Emperor Alexander I on August 27, 1801. Since the dedication service this cathedral became the center of St. Petersburg spiritual life, it functioned as the cathedral of the Royal Romanov Family court. All members of the Royal family wedded in Kazan Cathedral.

The grave of a great Russian military leader His Highness Duke M.I. Golenishev-Kutuzov is located inside the cathedral.

I was able to determine that the icon “Selected saints” was really preserved in the cathedral, but belonged to the Religion History Museum that was for a long time located in the cathedral. When the Museum was moved to a different location the icon left Kazan cathedral. Dmitry Gusev and myself were helped in contacting the Religion history museum curator and get the answer: yes, the icon repositis in their museum. The fact that it is the work of Utevka icon-painter is proved by the inscription on the back side: “This icon was painted with teeth by a peasant Grigory Zhuravlev of Samara gubernia, Buzuluk uezd, village of Utevka on March 13, 1888”. Thus my assumptions about the current

location of the icon “Selected saints” mentioned in 2007 in the second part of the book were proven.

...I so much wanted to learn at least something about the Christ the Savior icon that should have been located in the Fine arts museum according of St. Petersburg to my estimations, but I had no more time to carry out the searching...

After getting a promise from Dmitry that he will get a photocopy of the icon and send it to me I hurried to Moskovsky railway station to catch a train.

On the train I was thoughtfully analyzing my impressions of the journey. I was remembering myself walking through the majestic halls and along the streets of open air museum which St. Petersburg really is. The splendid grandeur of St. Isaac’s Cathedral, the halls of State Hermitage Museum were filling me with admiration notwithstanding the fact that I visited the city on the Neva river for many times and has studied there in Technological Institute...

Yet the light radiating from the small icons by Grigory Zhuravlev was not lost in this splendor. Both the icon that I had discovered and the icon which I had yet to encounter.

For me the icons by Grigory Zhuravlev have a special magnetic force, the nature if which can not be identified or named at once. And should even I try to identify it?

On the second day after I came back to Samara I had a call from father Alexander Shastin, the rector of Cathedral in Galich, whom I met just recently. He reminded me of our agreement that I would come to Galich to meet the icon “Holy Mandylion”. I promised to come in early 2013, the year of Grigory Zhuravlev’s anniversary. Right after I finish with the winter examinations session at the university...

Another joyous encounter was awaiting...

IN KOSTROMA LAND

I needed to visit the town of Galich in Kostroma region long ago, yet I was putting off the trip due to various reasons. The last reason was my trip to St. Petersburg to encounter the icon “St. Nicolas the Wonder Worker”. Now the encounter with the icon “Holy Mandylion” was awaiting me in Galich — the icon that I discovered for myself, as I described

in the previous chapter, while working on the article about the artist of Utevka for “Orthodox Encyclopedia”.¹

...Galich land greeted us with Epiphany frost² and deep dark blue sky. The train arrived around ten o'clock in the evening. As promised we were met by a wonderfully thoughtful and tender-hearted couple — the rector of Galich Cathedral archpriest Alexander Shastin and his wife Lyudmila.

All the four days that my wife Larisa and me spent in this small but ancient town became unforgettable for us. It happened so by virtue of our new friends, their self-sacrificing lifestyle with full engagement into the cause they were serving, rather — the faith that was lighting all their actions and behavior.

...We stayed overnight in a Cathedral hotel and at 10 o'clock in the morning we were already at the service in the church of Presentation of the Virgin Mary. And since that day we started to immerse deeper and deeper into mind capturing Russian olden times.

Quite a small town of Galich was founded in the second half of the 12th century. This was the outpost of the North — Eastern Russia in the exploration of the North. It was first mentioned in 1238 when Tatars “enslaved every soul on the Volga even up to Galich Melsky”. After Yaroslav Vsevolodovich, the Grand Duke of Vladimir died the town became the capital of a separate principality. The son of Yaroslav Vsevolodovich, a brother of Alexander Nevsky became the first Grand Duke of Galich.

...After the death of Dmitry Donskoy Galich was overtaken by Yuri Dmitrievich.

The town was frequently invaded by its enemies as if was blocking the central part of Grand Duchy of Moscow from north-east.

In 1398 people of Novgorod occupied Veliky Ustyug and devastated the territory surrounding Galich. Later Galich was invaded by Edigey troops. In 1498 Tatars were standing at the walls of Galich but they could not capture it. Despite the intentions of opposition to make Galich greater than Moscow in 1450 it was annexed to Moscow and became the center of uezd.

During the Time of Troubles Galich was captured by the Poles. It was brought to ruins by a punitive detachment under Lisovsky's commandment.

How fraught is the destiny of this town, where we were led by Zhuravlev's icon!

¹ This article is printed in Volume 19 of the Encyclopedia.

² It is believed that around Epiphany Day (January, 19th) the most frosty days occur in Russia (translator's note).

Father Alexander was telling us the history of it and we were hungry for more and more information.

...At the beginning of the long ago 17th century Galich played an important role in the bloody drama of the Time of Troubles.

The first pseudo-Dimitry Grigory Otrepjev was born in Galich, but the people of Galich were the first ones in North-East Russia to rebel against the Poles in 1608.

Later people of Galich took an active part in the First and Second Voluntary Armies.

In 1619 Galich had to survive another devastation...

* * *

In 2009 Galich celebrated its 850 years anniversary...Today it is one of the largest regional centers of Kostroma oblast with population exceeding 17 thousand people.

...Involuntarily we started to share the passionate attitude of father Alexander to the local history while he is talking. We could feel that enlightening and missionary work is his vocation. This vocation was fostered with patriotism and faith. Father Alexander was born in Kostroma. His father Mikhail who is now over eighty years old is an archpriest. His brother Vasily is also an archpriest and the head of Missionary and Education department of Kostroma Eparchy. Another brother Sergius is the rector of Patriarch's Mission of Krutitsy in Moscow. His son — priest Mikhail — is a clergyman of Kazan Cathedral in St. Petersburg.

This is what the town of Galich and its people are like — people who saved the icon “Holy Mandylion” painted by my landsman far away from Galich during the troubled years.

I was irresistibly drawn to St. Paisius of Galich monastery. I wanted to know its history. Its life.

I already knew that the monastery where the icon by G. Zhuravlev was kept was founded near Galich originally in the name of St. Nicolas. After the miraculous appearance of the icon of Our Lady of Ovinov it got the name of Assumption. Later it also started to be called by the name of its wonderful rector Paisius.

It is believed that the monastery was founded near Galich on Krasnitsa hill in the second half of the 14th century. The monastery was constructed by local nobleman Ivan Ovinov on his land.

The golden age of the monastery was marked by the rectorship of Venerable Paisius of Galich. During his ruling the core of monastery lands was formed.

At the time of Paisius of Galich death the Assumption monastery on Krasnitsa hill was acknowledged as a great sacred place far beyond Galich. One of the reasons for that was the wonderworking icon of Our Lady of Ovinov. The healings by the icon attracted pilgrims, many of them made donations.

Until the very beginning of the 17th century the monastery was prospering. Vasily III signed away all the fishing activities “in Galich lake, in Ikhlema rivers delta and above the Svyatitsa and Sukhoi Pesok rivers” to it.

Polish-Lithuanian devastations led to desolation of Galich, the monastery and its lands.

But the Cathedral emerged from ruins once again!

...Pilgrims' flow to the monastery did not run low even after it was devastated by Bolsheviks.

Since the beginning of 1930-s St. Paisius monastery was used for economic needs (incubator, wood yard etc).

Monastery wall and Sacred Gate were taken to brick pieces and monastery cemetery was demolished.

In 1990s restoration of St. Paisius of Galich monastery started. The first Cross procession to monastery ruins since the restoration started was held on June 5th, 1992 on the day of St. Paisius.

In 1994 the monastery was reopened as a nunnery. The first prioress of the monastery was hegumenia Natalia (Vasilenok).

The first Divine Liturgy served by archbishop of Kostroma and Galich Alexander was served in St. Paisius side altar on June 5th, 1997.

And in 2003 the ancient relic of the monastery — the wonderworking icon of Our Lady of Ovinov was triumphantly transported back to St. Paisius of Galich monastery from Presentation of Virgin Mary Cathedral of Galich.

How much the fate of the monastery resembles the fate of Trinity Cathedral in Utevkа, in life of which icon-painter G.N. Zhuravlev took an active part.

...As it was already said the most venerated icon in the monastery was the icon of Our Lady of Ovinov that originally appeared to nobleman Ivan Ovinov. .

After it disappeared in the beginning of the 18th century, the new icon was painted.

Today this icon and the “Mandylyon” are located close to each other.

Icon “Holy Mandylyon” is located on the left column at the entrance. It appeared in the Cathedral according to priest Nicolas in approximately 4 years after the monastery was reopened. It was painted in the beginning of the 20th century. The size of the icon is quite significant (70x60cm), it was done with oil on the wood. It is slightly time-stained. In the lower part there is an inscription indicating that it was created by Grigory Zhuravlev.

...As known from ancient sources and scientific literature there are several versions of Mandylyon origin. In one of the versions Abgar, King of Edessa, suffering from leprosy sent his servant to Christ with a letter in which he asked Jesus to come and cure him. Jesus replied with a letter but it did not cure the King. So Abgar sent a different servant who was an artist to Jesus and asked that in case He would not be able to come –to paint His portrait. Jesus was surrounded by the crowd when saw that the artist wanted to paint him and asked for some water. Than He washed His face and wiped it with a piece of cloth. His face was imprinted on the cloth. Christ the Saviour handed the cloth to the artist and asked him to take this cloth to the one who had sent him. When Abgar received the wonderworking portrait he was immediately healed from his disease.

King of Edessa ruled to put the cloth in the city wall niche so that all the people could pay homage to it.

During the times of persecution of Christians the icon was mured in the city wall with a burning oil lamp in front of it.

Only in the 4th century the cloth was again presented to the world. It was venerated widely in the East.

There were numerous copies painted and it became a so-to-say original icon of many that were distributed all around the Christian world.

Byzantine Emperors Constantine Porphyrogenitos and Roman I bought out the Holy Mandylyon from Edessa. It was triumphantly carried to Constantinople. It was located in Our Lady Cathedral names Faros.

There is a different version of Mandylyon origin. It is related to the story of St. Veronica’s veil — a relic preserved in St. Peter’s Cathedral in Rome and belonging to the Western tradition.

According to this version on the day when Christ was crucified St. Veronica gave her veil to Savior who was exhausted by carrying His Cross. Jesus wiped his face with the veil and his image was imprinted on it. They say that this is how Mandylyon icon originated. Yet there is an opinion shared by the many that this is a separate relic, a separate

image. On the icons copied from St. Veronica's veil the head of Savior is crowned with the crown of thorns and this aligns with the story about the veil origin. There is no crown of thorns on Mandylion, while the hair and the beard of Jesus are wet — this aligns with the story of Abgar's servant in which Jesus wipes His face after washing it.

St. Veronica's veil cult appeared relatively later — around the 12th century. Icons painted within this cult are in reality the versions of Holy Mandylion of Byzantine or Slavic origin.

Icon "Holy Mandylion" created by Grigory Zhiravlev was literally not made by hands. The icon painter was painting it with a brush held by his teeth. Mandylion icons had only the head of Jesus to symbolize superiority of spirit over body.

The icons were frequently appearing in the intention to "multiply" the relic, to bless the whole Christian world with it.

The icon of Mandylion was witnessing the reality of Savior's earthly life and the existence of Sacred Cloth itself.

The fact that the artist sent by King Abgar could not draw Savior and got the imprint of Christ's image on the cloth means that icon-painters are not artists in a common sense but the performers of Divine Will.

In Russia Holy Mandylion image started to be venerated in the 11-12th centuries. In 1355 Moscow Metropolitan Alexis brought the copy of Mandylion icon from Constantinople. A reliquary church was founded to reposit it. Throughout the whole of Russia churches and side altars dedicated to Holy Mandylion were erected. They were named "Spassky"¹.

Banners (gonfalons) with Holy Mandylion were accompanying Russian troops in military campaigns starting with Battle on Kulikovo Field and until World War I. Holy Mandylion image was placed on fortification towers, above the entrances to church buildings marking its belonging to Christian church.²

...On the third day of our stay father Alexander had to go to Kosrto-ma Eparchy. He invited us to join him. We happily agreed.

And we never regretted! This trip that at the first was aimed at finding the icon of Mandylion had so much influenced the flow of our thoughts and feelings, provided so much food for the heart.

¹ "Spas" means Saviour in Russian (translator's note).

² Partially the information is quoted from article by Andrey Okhotsimsky "Holy Mandylion and its meaning" and article by A.M. Lidov "Holy Mandylion. Relic's story" published in the book "Holy Mandylion in Russian icon-painting", Moscow, 2008, P. 12-39, and other official sources.

*Love to the native hearth,
Love to paternal graves
Life-giving holy places!*

In early morning dusk the crossover car driven by father Alexander confidently hit the highway. There was a way of 120 kilometers lying in front of us. Every other day spent with father Alexander and matushka¹ Lyudmila brought us new discoveries.

This is how it went on that day.

Father Alexander told us that we would not go to Kostroma directly, but would visit Susanin's places. Of course everyone knew about Susanin since school times. Yet to know and to see is different!... I unwillingly looked around: huge wet snowflakes were falling, one could hardly see the sky in the heavy clouds.

— How long ago have they cleared the roadway? Will we be able to pass around the oncoming vehicles? — I asked being slightly embarrassed by those questions myself when we turned into a narrow roadway and heard the motor growing strugglingly.

— Don't worry, I hope that we are lucky today. When will you have such a chance again?

"That's one heck of an answer!" — I thought.

Sometimes we were driving through wilderness it seemed. No navigation signs, no traces of cars. All around us — far ahead, below and on both sides — there was a vast space with swamps, shrub forest and ravines covered with snow.

We approached Domino village located 70 versts² north of Kostroma.

According to the legend Ivan Susanin was born in Dereven'ka — a small settlement not far from Domnino.

— Are there any specific details that local people keep about that long ago event taking place in this swamps? — I was hoping to learn a fact that I was previously unaware of.

— In the end of winter in 1613 Mikhail Romanov who had been recently named a new Tsar by Assembly of the Land, and his mother in monasticism Martha lived in Domnino. Polish-Lithuanian detachment was trying to find a way to Domnino in order to capture the young Romanov. On their way occupants met Ivan Osipovich Susanin, who was at that time a village head. He was ordered to show the way. Susanin agreed but led the enemy in

¹ Common title of Russian Orthodox priest's wife (translator's note).

² A Russian unit of distance equal to 1.067 kilometers (translator's note).

a wrong direction — to Isupovo village, while he sent his son-in-law Bogdan to Domnino to warn about the danger. Later followed the well-known story¹.

— Has it been proven documentarily?

— Of course. There is a document signed by Mikhail Fyodorovich dated November 30, 1619. It tells about the heroic act of Ivan Susanin and about granting of half of the village to Susanin's son-in-law with "whitening" meaning he was exempt of any duties.

...Later in Kostroma we found out that village of Domino known since the 16th century belonged once to noble family of Shestovs. This was the family of Mikhail Fyodorovich Romanov's mother Ksenia Ivanovna Shestova (in monasticism Martha).

In the end of the 16th century when Ksenia Shestova married nobleman Fyodor Nikitich Romanov (he later became Patriarch of Moscow and all Russia Philaret) Domnino was granted to her as dowry.

After Martha's death in 1631 in accordance with her will Domnino and all the land around it was donated to Moscow Novospassky Monastery — the place of Romanov family burial, where Martha was buried herself.

When 300 years of Romanov Dynasty reign was celebrated a chapel was erected in Dereven'ka village at the place of former Ivan Susanin's house and dedicated to heavenly patron of the folk hero — Saint John the Baptist. In this chapel memorial and prayer services were performed for Tsar Mikhail Fyodorovich and Ivan Susanin until 1917.

...We also visited the Assumption church of Domnino where on September 11th, 1994 a wooden cross was consecrated and placed over the presumable grave of noble Shestovs bondman — Ivan Susanin.

Then we proceeded to the huge boulder as big as a peasant's house that was erected in 1988 on the hill near Chistoe swamp on the place of former Anferovo village. There is an inscription on the memorial boulder: Ivan Susanin. 1613".

Vast spaces can be seen from this hill. Spaces that even nowadays seem to be overwhelming and impassible. Neither for the horseman nor for foot borne...

...When I arrived to Samara I made inquiries: on August 27th, 1939 a Decree by Presidium of Supreme Council of the RSFSR was published that ruled: "To rename Mol'vitinsky district of Yaroslavl Oblast to Susninsky and its center, village of Mol'vitino to Susanino".

¹ Susanin led the enemy so deep into the forest that they could not find a way out, and they perished in the bitter cold February night (translator's note).

...We had lingered for some time around the huge boulder with the inscription, cleared the big white letters from snow with our gloves jumping up in order to reach them and...headed in the direction of Kostroma. Snow sheet absorbed us for a while...Not a single person had we met until we reached the highway leading to Kostroma — neither oncoming or moving in the same direction...

* * *

Ancient Kostroma gratified us with frosty midday. Clouds had disappeared. Bright sun was shining in the evenly milky in all the directions sky, lighting the town that freely stretched in Kostroma plain on the banks of the great Volga river.

The town was founded in the 12th century at the confluence of Kostroma and Volga rivers, according to the opinion of V. Tatischev — during the expansion of Duke Yury Dolgorukiy to the Volga regions. Starting with 17-18th centuries Kostroma was one of the large Russian towns. Unlike Samara that peacefully survived the troubled periods of Russian history Kostroma had been frequently destroyed by Tatars, pirates of Novgorod (ushkuiniki), Polish and Lithuanian troops etc.

...Monasteries of Kostroma land had in many cases originated from ascetic cellars arranged by hermits aspiring for reclusive living in the wilderness. They receded to desolate places and after certain time became surrounded by fraternity who wanted to live under authority of experienced spiritual leaders. Cathedrals and monasteries were built at those places...

Stories of wonderworking icons of Our Lady honored in Kostroma land are associated with the names of Kostroma saints.

Icon of Our Lady of Tenderness appeared to Venerable Abraham of Gorodets who was struggling in a remote cellar on the banks of Galich lake.

Wonderworking image of Our Lady of Ovinov appeared to venerable Paisius of Galich and became the main relic of the monastery.

In this ancient town I learned that Holy Mandylion icon painted by Grigory Zhuravlev was honored not only in Galich, but also in Kostroma where it was carried for everyone's homage.

...In Igrischi area near Kostroma local priests found the Igrischi icon of Our Lady of Smolensk in the ancient wooden church...

St. Abraham of Gorodets monastery in the name of Intercession of Virgin Mary, St. Jacob of Zheleznoborovsk monastery in the name of St. John the Baptist, St. Macarius of Unzhev monastery, St. Macarius of Pisemsk monastery, Znamensky monastery — those and other mon-

asteries were not only spiritual but also cultural centers in those times. Here the monks were writing the chronicles, here ancient relics were repositing and new artistic masterpieces were created.

After visiting Vyborg and St. Petersburg where I learned so much about the last Russian Tsar Nicolas II and his family I was very much attracted by everything associated with Romanov family origin and our Russian Tsar Mikhail Fedorovich. The whole 300-year old history of Romanov family from Mikhail Fedorovich to Nicolas II was ringing inside me like one tense string.

St. Trinity Ipatyev Monastery!...

The events taking place during the Time of Troubles made this monastery one of the centers where Russia's destiny was resolved.

Rebellions against Polish occupants that started in autumn of 1609 reached Kostroma in 1609. Poles expelled from the town occupied Ipatyev monastery.

Voluntary army members could liberate the monastery only due to Konstantin Mezentsev and Nikolay Kostygin who managed to dig a hole under monastery wall and explode a barrel with gunpowder in it.

Later Voluntary Army of Kostroma participated in liberation of Moscow.

* * *

Inside the walls of St. Trinity Ipatyev monastery in front of the wonderworking icon of Fedorovskaya Virgin Mary young Mikhail Fedorovich Romanov accepted his election by Land Council for Russian throne, commemorating the end of Time of Troubles.

Ambassadors that arrived to Ipatyev monastery headed by Archbishop of Ryazan and Murom Theodoretus and cellarer Abraham Palitsyn had to persuade young Mikhail for a long time (for around 6 hours) as he was "rejecting with tears". Then Archbishop Theodoretus addressed Mikhail Fedorovich with heartfelt words: "Do not oppose the will of God — it was not us who decided, but Our Lady demonstrated Her love on you, be ashamed at Her appearance"...

Mikhail who was raised in loyalty to Church and obedience to Divine Providence dropped himself in front of the icons and shouted in tears: "If that is Your will, my Lord, than I'm Your servant, You save me and protect me!"¹

¹ Priest Andrey Kazarin and others. Monasteries of Kostroma Eparchy. Kostroma Eparchy of Russian Orthodox Church. Kostroma, 2009.

On March 19th, 1613 Mikhail Fedorovich accompanied by his mother Martha departed to Moscow. Savior was executing His Providence.

Again the icon of Holy Mandyllion by Zhuravlev appeared in front of my eyes...

...Ipatyev Cathedral catches the imagination. Yet whenever I found myself — either standing in front of the “Day of Judgement” composition depicting all social classes that lived on Earth on the day of their resurrection or admiring the carved 5-tier iconostasis manufactured in 1756-1758 by Kostroma carving brigade — everywhere I was haunted by a constant thought: “The first our Tsar of Romanov family could be killed right after he ascended the throne if he could not hide in the monastery...And both Tsars — the first Romanov Mikhail Fedorovich and the last Nicolas II — accepted the power in tears, against their own will...Why does Russia have such a fate?! It exists even until now so to say “in spite of”

* * *

When late in the evening we returned to Galich I saw a document on the wall of Center for Orthodox Education belonging to Cathedral. I was quite surprised that I had not seen it during the three previous days. Shivering I started to read.

“Testament of Emperor Alexander III to his son future Emperor Nicolas II”

You will need to take the burden of power off my shoulders and bear it for your whole life as I did bear it and our ancestors did bear it. I am handing over to you the Empire that was entrusted to me by God. I accepted it thirteen years ago from my bleeding to death Father...Your grandfather ex cathedra took on many important reforms aimed to benefit Russian people. As a reward for all that he received a bomb and death from Russia revolutionaries... On that tragic day I was faced with a question: which way should I go? Should I choose the way I was pushed to choose by the so called “progressive society” contaminated by liberal ideas of the West or should I go the way that was prompted to me by my own belief, my supreme sacred duty of an Emperor and my conscience? I chose my way. Liberals called it reactionary. I was interested only in well-being of my people and glory of Russia. I aspired to ensure internal and external peace so that the Empire could freely and peacefully develop, grow strong, prosper and flourish. Autocracy has shaped the historical individuality of Russia. If autocracy collapses, Heaven forbid, then Russia will collapse

as well. Collapse of traditional Russian power will give way to endless era of troubles and bloody civil wars. I bequeath you to love everything that serves prosperity, honor and esteem of Russia. Protect autocracy and remember that you are responsible for the destiny of Your citizens to Our Lord's Throne. Faith in God and in holiness of Your Tsar's duty will be the foundation of Your whole life. Be firm and virile, never show weakness. Give a hearing to everyone, that is not shameful, but decide only by Yourself listening to Your conscience. Regarding the foreign policy — stand independently. Remember — Russia has no friends. They fear our vastness. Avoid wars. In internal policy — above all patronize the Church. It had saved Russia many times during the troubled times. Strengthen the family as it is the foundation of every state”

I read the Testament and could not go away for some time.

Started to read again with no hassle absorbing the fatality and sharpness of the text lines, realizing that the Testament was not only about autocracy but about all of us...

...This way my originally simple efforts to collect all information about the extraordinary life of village artist Grigory Zhuravlev that were started in early 1960s resulted in long searchings and numerous trips not only in Samara Oblast but thorough out Russia that allowed me to touch the living history of Russian State with my soul.

Such was the scale of personality of Utevka icon-painter.

ICON OF ST. ALEXIS METROPOLITAN OF MOSCOW

Quite recently I was informed that this icon is repositied in Ascension Cathedral in Kinel-Cherkassy. Father Anatoly, rector of St. Trinity Cathedral in Utevka and me were informed about this by father Sergius, rector of Seraphim of Sarov Cathedral in Kinel-Cherkassy.

* * *

We travelled to Kinel-Cherkassy village with my permanent assistant in my research photographer Konstantin Bayguzin on a sunny February day.

It is impossible not to adore the Cathedral from afar. It is magnificent and well-preserved though it is not new!

Having inquired in advance I already knew that construction of Ascension Cathedral started in 1833 and was finished in 1852 with donations of the parish. The Cathedral was consecrated on May 16th, 1852.

Cathedral and belfry are made of stone and covered with metal sheets. In long ago 1887 a church school was opened at the Cathedral that was later transformed into parochial school.

During Soviet times authorities made numerous attempts to close the church, but the parish managed to save their Cathedral.

...Icon of St. Alexis Metropolitan of Moscow is located in the south side altar dedicated to St. John the Baptist. St. Alexis is painted life size. The icon was obviously intended for the church, its size is 126,5 x 53,5 cm, upper part is rounded. And the inscription: "Image of St. Alexis, Metropolitan of Moscow". In the lower part of the icon there is one more inscription: "Sam[ara]. Gub[ernia] Buzuzluk uezd, village of Utevka of the same volost. August 25, 1891"

Painting manner clearly belongs to Zhuravlev. Painted on the metal. Knowing that governor Alexander Dmitrievich Sverbeev ordered the icon of St. Alexis Metropolitan of Moscow to Zhuravlev for iconostasis of Christ the Saviour Cathedral in Samara before Cathedral opening (it was partially consecrated in 1892) it is possible to assume that this is the very icon I was searching for so long.

This icon is one of the most venerated among the parish. Yet the story of how it found its place in the Cathedral is unknown. The inscription in the lower right corner was discovered only two years ago by an old lady that was praying in front of it.

I leaned about this and about many other things from the rector of Cathedral priest Dmitry Syrkin and head of museum Petr Danilovich Stolyarov when we were sitting in a small room and discussed what I had just seen.

I was pleasantly surprised by youth, soundness and soft manner of speech of father Dmitry and asked him to tell about himself.

Father Dmitry (secular name Dmitry Syrkin) moved to Kinel-Cherkassy from Tomsk Oblast (village Kargasok) in January 2006 with his whole family (wife, two children, mother-in-law).

This was as he phrased it "the period of spiritual quest".

His wife also pushed him after she got the blessing from Diveevo starets¹ to take this step.

¹ Starets is an elder of a Russian Orthodox monastery who functions as venerated adviser and teacher (translator's note).

Starets even indicate the place where he blessed them to start a new life: Kinel Cherkassy village of which the couple have never heard before. Right after they encountered a book by Anton Zhogolev “Blessed Schemanun Maria” about locally venerated blessed Maria of Samara. And they felt like moving to Kinel-Cherkassy land. After they arrived they bought a house.

For about one year Dmitry Syrkin worked at a bee yard of a local entrepreneur. Later he became a yard keeper, accountant in the church, operator in a boiling unit, bellman, acolyte.

And after two years after arrival he was ordained into deacon and later into a priest. His wife matushka Photina (Svetlana Syrkina) is responsible for administrative sphere in the Cathedral. Now they are raising four sons.

...I could hear a fragment of his talk over the mobile phone.

— May I ask you for a favour? Could you please go to a parishioner — she is a very old lady (he told first name and last name). See what is wrong with her boiler. She told me that she was freezing. I promised to come myself, but I can't — I have visitors...

In half an hour someone calls him back, I understand that the reason for boiler failure was identified.

Father priest anxiously asks:

— But it is possible to fix it today or if the worst comes to worst tomorrow, right?

It is not quite clear what the answer is, we can only guess. Father priest slightly pushes:

— Please do it! Fix what is needed. If she is not able to pay — fix it anyway. We will later discuss the pay between me and you. Agreed!

Father priest puts his phone away. The dialogue tells a lot about him.

We had finished our talk in the museum of Maria Samarskaya accompanied by museum custodian Petr Danilovich Stolyarov.

Nice light room decorated with much love. Bible in old binding and the already mentioned book by Anton Zhogolev are lying on the table. Belongings of the blessed Maria are piled on the floor, a bit further is the place where she slept.

I'm looking through the book of reviews by visitors of Cathedral and museum.

...Teachers, schoolchildren... Local people and travelers coming not only from the municipality and Oblast are visiting Cathedral and museum...Reviews...Among the numerous records there is one made by

Archbishop of Samara and Syzran Sergius. Simple heartfelt words of gratitude and valediction.

How can the soul longing for peace and attention not be drawn to this place?..

RETRIEVAL

Right after as I returned from Kinel-Cherkassy to Samara I had a call from rector of St.Trinity Cathedral in Utevka father Anatoly and told me the unbelievable news — they found the bell that was cast on the day of St. Trinity Cathedral in Utevka foundation on August 15th, 1885. This fact is witnessed by the inscription on the bell.

It says *“This bell was donated for St. Trinity Cathedral of Utevka village to commemorate the day of its foundation on day 15 of August, in the year of our Lord 1885”*.

From 1885 to 1934 this bell was used in the Cathedral. Then for 70 years it was out of operation. It was discovered on the attic of an old house in Samara. The bell was then taken from Samara by father Georgy Gomonov for the church of St. Ambrose of Optina in Stroykeramika settlement in 2011.

The bell was renovated — cracks were welded up, bell-tongue was cleaned, the arch was fixed. For about one year it served in the church of St. Ambrose and in the beginning of January 2013 was retrieved by St. Trinity Cathedral in Utevka. And very soon we will be able to hear its voice again — the voice that was heard once by Grigory Zhuravlev and my fellow countrymen.

* * *

I have travelled a lot through Russian towns and villages. Sometimes I found myself very far from Utevka, from St. Trinity Cathedral. I was painstakingly gathering the information associated with the name of Grigory Zhuravlev, with the history of my village, with our common history. And then another joyous encounter was awaiting me! Right in the place where I had once started my research, where I originate from — in Utevka village!

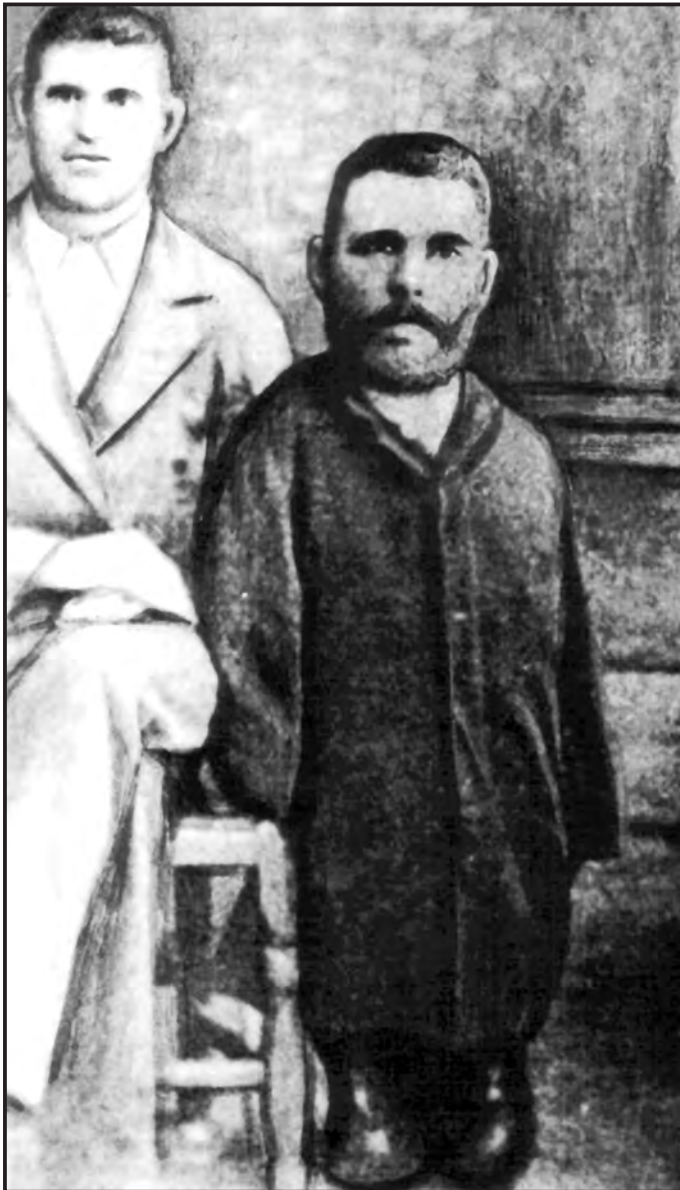
Once again I'm standing at the starting point of the lightful circle!

2012-2013

Madonna of Utevka

Утёвская мадонна

Grigory Zhuravlev with his brother Afanasy
Григорий Журавлёв с братом Афанасием

House where Grigory Zhuravlev was born and lived
Дом, в котором родился и жил Григорий Журавлёв

Kuzma Emelyanovich Danilov is talking to Utevka school students
Кузьма Емельянович Данилов беседует с ребятами Утёвской школы

*Icon of St. Alexander Nevsky
from the iconostasis of Peter and
Paul Cathedral in Samara*

*Икона Святого князя
Александра Невского
из иконостаса Самарской
Петропавловской церкви*

*Icon of the Saviour. St. Trinity
Cathedral, Utevka village.
Samara region*

*Икона Спасителя.
Храм Святой Троицы,
с. Утёвка Самарской области*

*Back side of Nursing Virgin
Mary icon*

*Обратная сторона иконы
«Млекопитательница»*

Christ the Saviour Cathedral in Samara

Самарский Кафедральный соборный Храм Христа Спасителя

*Pencil drawing from the book
“Old Testament in illustrations”*

*Карандашный эскиз из книги
«Ветхий завет в картинках»*

*Pencil drawing from the book
“Old Testament in illustrations”*

*Карандашный эскиз из книги
«Ветхий завет в картинках»*

Copies of letters written
by Grigory Zhuravlev

Копии писем Григория
Николаевича Журавлёва

Его превосходительства
А. Макашова, Самарскому
Губернатору

Покорно прошу Ваше превосходительство
стать принимающим копии документов
во исполнение Меморандума, в ко-
манде № 10 Губернатора Самарской
Губернии.

1. — Стасюк, Александровича, Назар
2. — Рязанского, Николая, Назар
3. — Стасюк, Александровича, Назар
4. — Рязанского, Николая, Назар
5. — Ст. Васильев, Василий, Назар
6. — Ст. Муром, Евгений, Назар
7. — Ст. Муром, Евгений, Назар

Про отпущенные написанные
Мною копии (Рассказы).

Григорий Журавлёв

В Усть-Каме, Губернии, 1889 года

23
Его Императорскому
Величеству Государю Ка-
сарскому Цесаревичу
Ваше Императорское Высочество
Покорно прошу Ваше Императорское
Высочество принять к сведению
и исполнению Самарского
Губернского Губернского
Удобрения Будущего Цезаря С.
Удобрения Григорий Журавлёв от
Вашего Императорского Высочества
стать принимающим копии документов
во исполнение Меморандума, в ко-
манде № 10 Губернатора Самарской
Губернии.

Его превосходительству
Г. Наместнику Самарскому губернатору
Перовскому

Благородного милостивому Г. Самарскому
губернатору Александру Филипповичу Чернышеву
все почтительно прошу ваше превосходитель-
ство принять мною восторженно и
повелию приказанью выполненным и пономарю
Святослава вл. князя Александра не-
вского в.р. мною, Святослава Николаевича
М. 2 мною. Мокрову Мр. Сог.

Еще благодарение прошу ваше превосходитель-
ство приказанью выдать ордера восторженно
мы обещали выдать Г. маулю Зо-
мною Святослава Макара. Мр. Сог. Чр.
и мерзуют Мому родителю восторженно
вручить свою доверенность

Еще ваше превосходительство так же
приказу Мр. Сог. Чернышеву утвердить
ваше превосходительство своим распоряжением
и про превосходительству вашему превосходительству
Мое почтение и М. 2 всего моего желания
и Мое почтение. У вас же желаю быть всегда
да Бога доброго здоровья и правого дела и
счастливости и Мое почтение

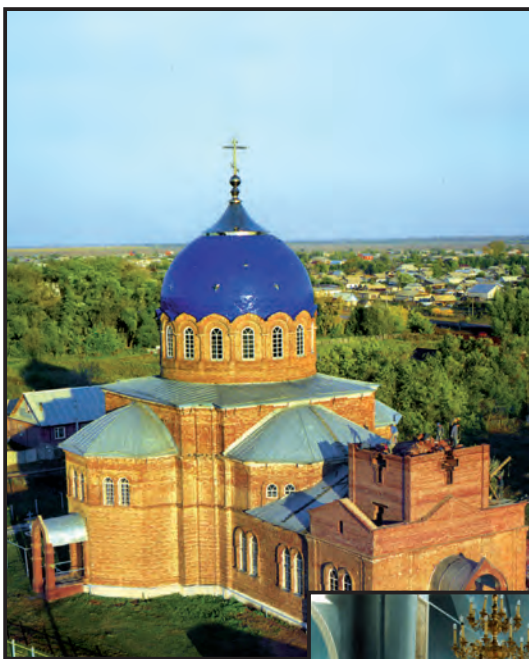
Доброжелатель ваш Приказу Мр. Сог.
Сего числа 1883 года Января 22 дня

Portrait of a young man
Портрет молодого человека

*Rector of St.Trinity Cathedral in Ute
vka father Alexandr and his wife Eugenia*
*Настоятель Храма Святой Троицы с. Утёвка
о. Александр (Егоров) и матушка Евгения*

*St. Trinity Cathedral
in Utevka and Bell that
was cast to commemorate
St. Trinity Cathedral
in Utevka foundation*

*Храм Святой Троицы
в с. Утёвка
и Колокол в память
основания храма
Святой Троицы
в Утёвке 15 августа 1885 г.*

*A. Malinovsky and Father Anatoly
at the grave of G. Zhuravlev*

*А. Малиновский и о. Анатолий
на могиле Григория Журавлёва*

Christ the Saviour. St. Trinity Cathedral. Utevka, Samara region

*Спаситель.
Храм Святой Троицы, с. Утёвка*

Myrrh bearers. Samara Eparchy Museum of Church History

*Жены Мироносицы.
Самарский Епархиальный
церковно-исторический музей*

Christ with Virgin Mary and St. John. St. Trinity Cathedral. Utevka

*Иисус Христос с Предстоящими.
Храм Святой Троицы, с. Утёвка*

УBeheading of St. John, St. Trinity Cathedral. Utevka, Samara region

*Усекновение Главы Иоанна Предтечи.
Храм Святой Троицы, с. Утёвка*

*Virgin Mary. Saving the Sinners,
St. Trinity Cathedral, Utevka*

*Богоматерь Взыскание погибших.
Храм Святой Троицы, с. Утёвка*

*Virgin Mary "Hearing the prayers".
St. Trinity Cathedral, Utevka*

*Богоматерь Скоропослушница.
Храм Святой Троицы, с. Утёвка*

*Our Lady of Smolensk,
Samara Eparchy Museum
of Church History*

*Богоматерь Смоленская.
Самарский Епархиальный
церковно-исторический музей*

*Nursing Virgin Mary,
Samara Eparchy Museum
of Church History*

*Богоматерь Млекопитательница.
Самарский Епархиальный
церковно-исторический музей*

Resurrection of Christ, St. Trinity Cathedral. Utevka. Samara region

*Воскресение Христово.
Храм Святой Троицы, с. Утёвка*

St. Panteleimon, St. Trinity Cathedral, Utevka, Samara region

*Целитель Пантелеимон. Фреска.
Храм Святой Троицы, с. Утёвка*

St. Cyril and St. Methodius. Samara Eparchy Museum of Church History

*Святители Кирилл и Мефодий.
Самарский Епархиальный церковно-исторический музей*

St. Dmitry of Solun, Samara State Local Lore Museum

*Святой Дмитрий Солунский.
Самарский областной церковно-краеведческий музей им. Алабина*

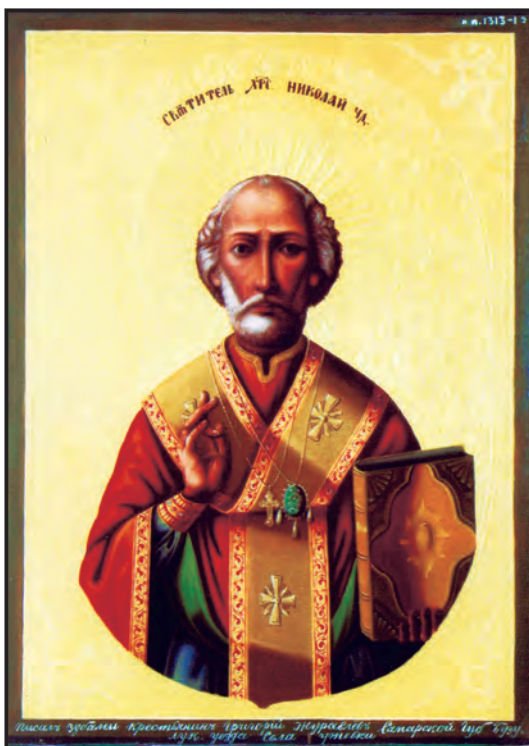
Portrait of Emperor Alexander III. State Hermitage Museum. St. Petersburg
Портрет Императора Александра III. Государственный эрмитаж

Portrait of Emperor Nicholas II. State Hermitage Museum. St. Petersburg
Портрет Императора Николая II. Государственный эрмитаж

His Royal Highness Crown Prince (Tsesarevich) Nikolay Alexandrovich. State Hermitage Museum. St. Petersburg
Его Императорское высочество Великий Князь, Наследник Цесаревич Николай Александрович. Государственный эрмитаж

*Icon of St. Nicolas.
State Hermitage Museum.
St. Petersburg*

*Икона Св. Николай
Чудотворец.
Государственный эрмитаж*

*Icon of selected Saints.
Museum of Religion History,
St. Petersburg*

*Икона Избранные святые.
Музей истории религии,
г. Санкт-Петербург*

*Holy Mandylion.
St. Paisius
of Galich Monastery,
Galich, Kostroma region*

*Нерукотворный Образ
Спасителя. Паисиево-
Галичский женский
монастырь, г. Галич
Костромской области*

*St. Paisius of Galich Monastery, Galich, Kostroma region
Паисиево-Галичский женский монастырь, г. Галич Костромской области*

*St. Alexis, Metropolitan of Moscow. Saint patron of Samara city.
Ascension Cathedral, Kinel-Cherkassy town.*

*Св. Алексей, митрополит Московский. Покровитель города Самары.
Храм Вознесения Христова, с. Кинель-Черкассы*

Александр Малиновский

Радостная встреча

Документальная повесть

Самара
2018

Печатается по благословию
Митрополита Самарского и Сызранского
Сергия

ББК 84 (2 Рос=Рус) 6
М 19

Малиновский А. С.

М 19 Радостная встреча: Документальная повесть. 6 изд-е, доп. — Самара «Русское эхо», 2018. — 208 с.: с ил.

ISBN 978-5-9906762-5-1

В середине 60-х годов XX появились первые публикации об удивительном самоучке художнике-иконописце, крестьянине Григории Журавлёве из самарского села Утёвка, родившемся без рук и ног и писавшим иконы, зажав кисть в зубах.

Открыл его миру Александр Станиславович Малиновский, который в те годы начал собирать материалы о своём удивительном земляке. Он успел поговорить с людьми, лично знавшими Журавлёва и сумел отыскать его иконы. С тех пор судьба художника-иконописца во многом вела самого писателя.

В поисках новых сведений он работал в архивах Москвы, Самары, посетил Троице-Сергиеву Лавру, Санкт-Петербург и его главные музеи, побывал во многих уголках России, где находил сведения о Журавлёве и иконы, которые тот написал.

Так, по мере накопления материала, складывалась эта книга.

Первая часть повести была издана в 1992 году. Она называлась «На пепелище». Позднее, в 1994 году, повесть вышла отдельной книгой под названием «Радостная встреча». Это шестое издание повести, которое выпускается на двух языках — английском и русском.

Труды А.С. Малиновского воплотились не только в книгах. Статья о Григории Журавлёве, написанная А.С. Малиновским, помещена в Православной энциклопедии под редакцией Патриарха Московского и всея Руси Кирилла, отдельные произведения были опубликованы в журналах «Гражданин», «Роман- журнал XXI век», «Всерусский собор» и др.

В селе Утёвка на родине художника создан музей Григория Журавлёва, восстановлен храм, построенный и расписанный под его началом. В Самарском епархиальном музее действует постоянная экспозиция, посвящённая уникальному художнику-иконописцу.

ISBN 978-5-9906762-5-1

© Л.П. Малиновская, 2018.

**Часть
первая**

*Два чувства дивно близки нам,
В них обретает сердце пищу:
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.
Животворящая святыня!
Земля была б без них мертва...*

А. С. Пушкин

ЖИВОТВОРЯЩАЯ СВЯТЫНЯ!

В сентябре 1989 года в селе Утёвка Самарской губернии на Воздвижение Животворящего Креста, после восстановления был открыт храм Святой Троицы. Событие, может быть, на фоне всплеска интереса к религии и неприметное. Но есть у этого храма одна особенность. Его история и связанная с ним судьба крестьянского художника-иконописца Григория Николаевича Журавлёва так слились между собой, что стали неотделимы. Дополняя друг друга своей похожестью, рожают они и до сих пор в округе противоречивые чувства. В них смешались преклонение, вера, недоверие, скептицизм и прочее.

Григорий Журавлёв родился без рук и ног и свои иконы писал, зажав кисть зубами.

Признаюсь, когда в начале 60-х годов я впервые узнал об этом, то пришёл в сильное волнение. Мне захотелось собрать материал о художнике. Обнаружив самое, очевидно, поверхностное, я написал очерк и, приложив снимок утёвского художника, послал его в областную газету.

Я тогда был уверен, что очерк напечатают, потому послал и уникальную, единственную фотографию. На ней художник был изображён в полный рост. Увы, не напечатали. Фотография затерялась. И только более чем через двадцать лет мне удалось найти ещё одну, подобную пропавшей.

Сейчас ложные, лицемерные боги рушатся. Говорим, что у нас в Отечестве идёт возрождение христианства. А оно и не умирало. Его пытались убить. Не удалось! Решили не замечать вовсе... Но христианство было образом жизни российского народа.

Когда-то именно она, Святая Вера Православная, собрала воедино разрозненные славянские племена и дала возможность образованию нашего, прежде единогодушного и могучего народа. Святая Вера Православная освящала и укрепляла в наших предках любовь к своему Отечеству.

Православная Церковь, как заботливая мать, старалась воспитать в русском человеке лучшие качества. Так было! Именно Церковь стала в своё время центром нашей государственности. Церковная идея служения лежала в основе сословного устройства государства Российского.

Православность являлась неременным качеством всего русского в его многовековом историческом развитии. Понятие «русский» и «православный» были слиты неразрывно.

И только в этом единении и показал свою истинную мощь русский народ! Народ соборный, державный. Всегда открытый и готовый на подвиг во имя Отечества.

Вот краткая справка.

В 1892 году в Самарской епархии насчитывалось около двух миллионов православных, действовало 837 церквей, 27 строилось и среди них — Самарский Кафедральный собор Христа Спасителя, один из крупнейших в России. После Октябрьской революции до 1985 года действовало всего 18 приходов. В 1992 году — их уже около 80. Открылся молельный дом в г. Отрадном, и строится новая церковь. Открыта церковь в с. Покровка.

...Мои намерения были просты: заново обойти утёвцев, которые знают или помнят что-либо о Григории Журавлёве, побывать в школьном музее, в самой церкви. Поговорить с прихожанами и вновь, собрав материал, постараться закрепить в своих записках конкретные имена, события, факты.

Очень многое уходит бесследно. Но случай с Григорием Журавлёвым — уникальный. Он достоин того, чтобы сохранить эту страницу истории села Утёвка. Как одну из интереснейших и поучительных...

ПИСЬМО С БЕРЕГОВ АДРИАТИКИ

Волна краеведческих поисков материала о талантливом художнике-самоучке пошла с находки, сделанной в Республике Босния и Герцеговина югославским историком, реставратором Здравко Каймаковичем. Находкой стала икона, написанная Григорием Журавлёвым. Через комитет по охране памятников культуры Республики Босния и Герцеговина он обратился в СССР. И от Государственного архива получил необходимые сведения, подтверждающие авторство нашего земляка-художника.

Вскоре местный учитель, руководитель краеведческого кружка Утёвской средней школы Кузьма Емельянович Данилов узнаёт об этой находке и между ними завязывается переписка.

В одном из писем Здравко Каймаковича краеведу К.Е. Данилову говорится:

«...Проводя учёт памятников культуры в нашей Республике, в 1963 году в сербско-православной церкви в селе Пурачиц около Тузлы я обнаружил икону, которую сделал Ваш земляк Григорий Журавлёв. От имени комитета я написал об этом в СССР и через Государственный архив СССР получил подтверждение тех сведений, которые написаны белой краской на иконе. Затем последовал запрос Вашей школы об этой иконе. После 1963 года я имел случай ещё раз посмотреть это произведение; у нас пока ещё нет его хорошей фотокопии, но я обещаю сфотографировать и, если фотография будет удачной, пришлю её на Ваш адрес, на адрес Вашей школы. Но до того как я сделаю это, я дам Вам описание иконы и перевод текста Григория под ней.

Икона средних размеров, исполнена масляными красками на доске и изображает славянских первоучителей св. Кирилла и Мефодия. Святые изображены стоя со свитками в руках. Икона представляет собой тщательную и тонкую работу, так что в первый момент я подумал, что это произведение иконописца с академическим образованием, предположив, что текст Журавлёва является обычной монашеской мистификацией. Отсюда моя радость, что такой феномен, каким был Ваш земляк Журавлёв, действительно существует и,

преодолев жестокость природы, сумел подняться до завидных высот художественного искусства. Он художник не потому, что творил, держа кисть в зубах, но потому, что сумел создать действительно художественное произведение. Текст на иконе гласит приблизительно следующее: «СИЮ ИКОНУ ПИСАЛ ЗУБАМИ КРЕСТЬЯНИН ГРИГОРИЙ ЖУРАВЛЁВ СЕЛА УТЁВКИ САМАРСКОЙ ГУБЕРНИИ БЕЗРУКИЙ И БЕЗНОГИЙ. ГОДА 1885, 2 ИЮЛЯ». Точный текст пошлю Вам дополнительно с фотографией иконы.

Я бы просил Вас, если это возможно, прислать мне фотографию Григория Журавлёва (его лично) и фотографию одного его произведения, которое сохранилось у Вас, а также некоторые данные о личности и творчестве Григория Журавлёва. Мы хотим его икону из Пурачица взять под охрану государственного закона.

Мне ничего не известно о том, как икона преодолела путь от Утёвки до Пурачица, но я предполагаю, что она подарена церкви каким-нибудь нашим человеком, который был в России примерно в 1918 году, или пожертвована русским, переселившимся в Югославию...»

Это письмо перевёл с хорватского доцент кафедры русского языка Куйбышевского пединститута А.А. Гребнев по поручению руководителя клуба интернациональной дружбы Самарского пединститута доктора биологических наук профессора Д.Н. Фролова, к которому письменно обратился К.Е. Данилов. Опережая события, с сожалением могу отметить, что остаётся неясным, получил ли обещанную фотокопию иконы К.Е. Данилов или нет, а если получил, то трудно сейчас предположить, где она...

О том, какой большой толчок дало это письмо для местных краеведов, говорит публикация в районной газете «Ленинский луч» от 10 июня 1966 года под заголовком «Крупницы большого таланта»:

«В газете «Ленинский луч» уже сообщалось, что члены историко-краеведческого кружка Утёвской средней и восьмилетней школ решили увековечить память о своём земляке художнике-самородке Григории Николаевиче Журавлёве. Они взялись организовать уголок материалов о его творчестве.

Общественность села Утёвка живо откликнулась на начинание кружковцев. Так, Иван Илларионович Кабанов охотно передал в дар юным краеведам икону, написанную Григорием Николаевичем. Так же, как Иван Илларионович, поступили сёстры Трегубовы — Анна Васильевна и Александра Васильевна.

Энтузиаст-коллекционер Владимир Борисович Якимец вскоре после опубликования «Письма из Югославии» («Ленинский луч» от 25 мая 1966 года) принёс мне как руководителю кружка икону, написанную Григорием Николаевичем на доске. На ней изображён псалмопевец Давид с арфой в руках (царь древнееврейского государства). Владимир Борисович эту икону нашёл у кого-то на чердаке и отдал её в музей краеведения села Утёвка.

Нельзя умолчать о благородном поступке и Петра Семёновича Галкина. У Петра Семёновича бережно хранится портрет, написанный Григорием Николаевичем карандашом, где талантливо изображён дедушка П.С. Галкина. И вот этот портрет как ценную семейную реликвию Пётр Семёнович дал согласие передать в музей краеведения с условием, если ему взамен портрета дадут фоторепродукцию с него...

...Среди жителей немало и таких людей, которые с большим желанием включились в поиски творческого наследия, оставшегося после смерти нашего талантливого земляка. Так, пенсионер Иван Филиппович Гурьянов решил разыскать того человека, у которого хранится портрет, написанный нашим незаурядным земляком, где он умело запечатлел на полотне личность жителя села Утёвка Гордея Афанасьева (портного). Алексей Печенов приступил к поиску портретов своего дяди Тимофея Филипповича и двоюродного брата Николая Тимофеевича Печеновых.

*К. Данилов,
председатель президиума Совета
Нефтегорского районного отделения
Всероссийского добровольного общества краеведов».*

В ОБЛАСТНОМ МУЗЕЕ КРАЕВЕДЕНИЯ

С надеждой переступил я порог Самарского областного музея краеведения. Но в его залах не смог увидеть того, что искал. Тем не менее я был уверен, что в музее есть материалы, касающиеся Григория Журавлёва. С этой уверенностью я и вошёл в кабинет директора музея. В тот день я ничего увидеть не смог, но мне пообещали, что недели через две покажут всё, что есть в музее, касающееся Григория Журавлёва.

И вот я держу в руках две вещи, найденные в запасниках музея. Первая — икона работы художника-самоучки с изображением

женщины с ребёнком, написанная маслом на обычной доске, размером 26х31 см. На обратной стороне иконы чёткая надпись, сделанная краской:

«Икона писана Журавлёвым Григорием Николаевичем в 1910 г., безруким и безногим самоучкой художником крестьянином с. Утёвки, Кинельского района, Средне-Волжского края. Работал зубами.

Приобретена Грачёвым В.В. 6.04.1933 г. у племянницы художника Мокевой Анны Давыдовны в с. Утёвка, в присутствии которой писана икона.

В.В. Грачёв».

Думаю, что в фамилию племянницы художника вкралась ошибка, ибо в Утёвке распространена фамилия Мокеевы и совсем не известна «Мокевы».

Каких-либо пояснений работники музея дать мне не смогли. Всё, что я смог им рассказать, они слышали впервые. Так что мне предстояло самому разобраться, кто такие Мокева, В.В. Грачёв, при каких обстоятельствах эта икона попала в музей, признают ли её в Утёвке и т.д. Мне позволили вынести икону во двор на дневной свет. Там я сделал несколько фотоснимков¹.

Названия икона не имела, музейные работники по этому поводу ничего сказать не могли.

Недели через две я показал фотокопию этой иконы настоятелю Троицкого храма с. Утёвка. По мнению отца Анатолия, на ней изображена «Млекопитательница». Чуть позже мне удалось получить машинописную копию статьи А. Праздникова, напечатанной в газете «Волжская коммуна» от 5 февраля 1970 года. Статья небольшая, всего в одну страницу. В ней привлекла внимание строка: «Несколько работ Журавлёва хранятся в фондах Куйбышевского краеведческого музея». Если Праздников не оговорился, нам, может быть, предстоит встреча с новыми журавлёвскими иконами.

И, наконец, вторая музейная находка: фотография Григория Журавлёва размером 9х12 см, на которой он изображён в полный рост со своим братом Афанасием².

¹ Цветная фотокопия иконы помещена на 2-й вкладке этой книги.

² Позже обе эти фотографии впервые будут опубликованы в областной газете «Волжская коммуна» (сентябрь 1992 г.) вместе с моим очерком «Утёвские находки». По различным публикациям они теперь знакомы многим, в том числе за пределами Самарской области.

* * *

После посещения областного краеведческого музея я в который раз ужаснулся за судьбу работ Григория Журавлёва, ибо не видел той силы, которая могла бы целенаправленно, если не организовать поиски неизвестных работ художника, то хотя бы квалифицированно, с привлечением специалистов, определить достоверность авторства тех работ, которые есть в Троицком храме, а также в домах моих сельчан.

А надежды на новые находки есть...

Недавно, перечитывая переписку между К. Даниловым и журналистом из Свердловска Е. Девиковым, я наткнулся на фразу: «...А тем не менее югославская находка художника, уральская находка так же подписаны». Оказывается, на Урале обнаружена икона кисти Журавлёва. Только не следует путать, как это было допущено в одной из газетных публикаций: речь не идёт об иконе «Утёвская мадонна». Она никогда не покидала прежде пределов Утёвки. Найдена совершенно до того не известная нам икона.

Мне вскоре предстояла замечательная встреча.

Отец Анатолий подтвердил мне, что в ЦАКе (Центральном археологическом кабинете) Троице-Сергиевой Лавры наряду с иконами, известными всему миру, выставлена икона Журавлёва.

Таким образом, и там Журавлёва признали как иконописца. Так что можно возразить против того, что Журавлёв — неизвестный крестьянский иконописец. Кому не известный? Нам с вами! Нашему поколению, для которого очень многое делали, чтобы мы как можно меньше знали.

Теперь на минуту вообразим, что религия в нашем Отечестве была бы в этом столетии так же свободна, как и в прошлом. На многое, очень многое мы бы глядели иными глазами...

В ШКОЛЬНОМ МУЗЕЕ

...Ребяتيшки, прознав, что в школьном музее появилась боевая сабля, организовали набег. Но неудачно: школьное начальство приняло меры — музей временно закрыли. Экспонаты разнесли по разным закуткам. Потом многие из них исчезли. И теперь я держу в руках лишь худенькую папку с материалами о художнике.

Увы, такая вот судьба, как это ни печально, уготована всем любительским музеям. Либо их разграбят, либо случится пожар. Или, по недомыслию маленького, но непобедимого чиновника, будет что-то перемещено, переоборудовано, перевезено, просто утрачено или выброшено во имя других, мнимо больших и важных дел. И ни копий вам, ни репродукций.

Я не виню школьное начальство, и сам-то во многом опоздал.

Подлинные экспонаты должны храниться в государственном музее. Там они защищены значительно надёжнее.

Похвальны, конечно, усилия членов историко-краеведческого кружка Утёвской средней школы по увековечению памяти своего земляка. Усилия похвальны, а результат? Собрать в одно место, чтобы потом одним махом всё сразу развеять по ветру... Конечно же здесь сработала подспудно и атеистическая пропаганда. Учитель, однозначно, должен был быть у нас неверующим, а тут заниматься с ребятами «иконописцем», «богомазом»? Непрестижно всё это было, непонятно официальным властям. А представить Григория Журавлёва без его икон невозможно!

Напрасно я пытался отыскать хотя бы нечто, похожее на опись того, что хранилось в школьном музее и что было туда передано после смерти Кузьмы Емельяновича. Этого нет. Более того, меня повергло в уныние, когда я узнал, что залежи переписки краеведа Данилова с земляками, выпускниками школы, организациями районного и союзного масштаба были просто выброшены как ненужные. Человек много лет вёл интенсивную работу по сбору сведений об известных земляках — и всё пущено по ветру. Выходит, напрасно целые поколения школьных краеведов трудились над сбором материалов. Ребята давно выросли. Другие теперь заботы у Любы Распутиной, Вали Коротковой, Лены Подусовой, Лены Бакановой — бывших активисток краеведческого музея. Я представляю их состояние, когда они, придя в школу, вместо музея увидели то, что от него осталось: тоненькая чиновничья папка с помятыми листочками.

Кого обвинять в содеянном? Кузьма Емельянович! Вы мечтали открыть музей в левой половине дома, где жил Григорий. И не успели этого сделать.

Может, нам повезёт больше, чем вам.

«УТЁВСКАЯ МАДОННА»

У этой иконы — особая история. В шестидесятых годах я впервые увидел её фотокопию, сделанную жителем села Утёвка, выпускником средней школы Владимиром Игольниковым. Годом позже увидел и сам оригинал. Мне кажется, душа художника-самоучки более всего проявилась в этой небольшой картине-иконе. Тогда я впервые услышал, как её называют в народе: «Утёвская мадонна».

На иконе небольшого формата изображена крестьянка в белом платке с младенцем на руках. Лицо простое, типично заволжское. Большие тёмные глаза. На губах чуть наметившаяся улыбка. Нет ни тени церковности. Но всё же она воспринимается как икона.

Насколько я понимаю, на Руси иконы не придумывались иконописцами. Они являлись миру. И уже потом эти явления разворачивались рукотворно в искусство, тиражировались и т.д. Эта икона Григорию Журавлёву явилась, это чувствуется. Уже потом может, он как художник додумывал детали. Но святое отношение к женщине-крестьянке — это от природы его.

В этом слиянии канонизированного и простого, осознанно или нет, заложена (как мне показалось) позиция обострённо чувствующей жизнь души. Надо сказать, что из всех приписываемых кисти Журавлёва икон эта — единственная такого рода.

Весной 1991 года со съёмочной группой Самарского телевидения, окрылённый возможностью наконец-то запечатлеть эту икону и владелицу её на плёнку (мы готовились сделать небольшую телепередачу о Журавлёве), я постучал в слабенькую калиточку дома номер восемнадцать по улице Чапаевской. Из дома вышла такая же слабенькая, как калиточка со скрипучим голосом, пожилая женщина — Таисия Ивановна Подлипнова, моя бывшая школьная учительница математики. Оказывается, она дальняя родственница владелицы иконы Подусовой Александры Михайловны.

Я внутренне воодушевился. Мне везёт! Уж моя-то учительница даст нам рассмотреть всё подробнее и снять на плёнку. Но всё оказалось сложнее. Нас выслушали на пороге дома и сказали, что надо посоветоваться с другим родственником, который приехал из Самары. Вышедший во двор пожилой мужчина тут же заявил, что Александра Михайловна больна и в дом он никого не пустит. Вынести икону во двор, чтобы мы могли её посмотреть, он отказался. По всему видно было, что здесь последнее слово за ним. Мы сде-

лали несколько попыток выяснить, когда можно будет посмотреть икону. Всё было безуспешно.

Помню отчаянную горечь в душе. Я привёз за сто вёрст съёмочную группу, знаю, что многие утёвцы очень хотят посмотреть эту икону, и ничего не могу сделать.

Мы тогда уехали ни с чем.

...И вот сегодня, 23 февраля 1992 года, я вновь у знакомой калитки. Меня манит этот дом. Не могу, приезжая в своё село Утёвка, не думать о Журавлёве и его «Мадонне».

Я пришёл один. Тайно надеялся, что одного да ещё в праздник меня встретят более приветливо. Не калитку, а дверь открыла незнакомая старушка. Пригласила в дом. В доме ещё двое: молодой человек и пожилой с приветливым лицом мужчина. Через минуту всё становится понятным. И я чувствую крайнюю досаду.

Оказывается, полгода назад Александра Михайловна Подусова умерла. Чуть позже умерла Таисия Ивановна Подлипнова. Встретившие меня приветливые люди — новые жильцы дома.

Упавшим голосом спрашиваю, не знают ли они что-либо о судьбе двух икон Журавлёва, бывших в этом доме, одну из которых называют «Утёвская мадонна».

Да, знают. Иконы забрал родственник из Самары, но адреса его у них нет...

Потихоньку затеялся разговор. Старушку зовут Елена Тимофеевна Мальцева, ей восемьдесят лет. Она певчая из церковного хора Троицкого храма. Пожилой мужчина — её сын. А вот младший из семьи, внук — псаломщик, Александр Евгеньевич Мальцев. Он служит в Троицком храме. Приехали они из Ташкента, где он и его бабушка служили в церкви Александра Невского. Пригласил их в Утёвку настоятель Троицкого храма отец Анатолий. Спрашиваю, не скучно ли после большого города жить в провинции?

Светлея лицом, старушка отвечает:

— А почему должно быть скучно? Я родилась и жила долго в тутошних местах, в Зуевке. Не стало здесь церковей, подалась по белу свету. А теперь у нас и родина есть, и храм.

Не скучно, как я понял, и мужчинам. Я успел, пока сидел в горенке, обогреться и телом, и душой. Настолько всё достойно и приветливо. А заодно и прошёл маленький ликбез о вере перед ликами святых, глядевших на меня со стен такой низенькой, но светлой избёнки.

Когда, прощаясь, поблагодарил за приём. Псаломщик сказал в ответ на моё «спасибо»:

— Во имя Бога.

Отрадная волна прошла в душе. Странно было. Я в который раз потерпел неудачу в своих поисках, но не было горечи. Не было и обиды на мою учительницу математики. Было такое ощущение, когда вышел на улицу, что я люблю весь мир, всех людей. Такими, какие они есть.

Шагая по морозному снегу, размышлял: кто же всё-таки Григорий Журавлёв? Что в нём главное?

Он — живописец. Житель и уроженец села Утёвка. А поскольку иконопись у нас в стране стала страницей истории, живописи вообще, то уникальный случай с Григорием Журавлёвым должен быть интересен не только его землякам, а и за пределами села.

Кроме всего, Григорий Журавлёв — это явление не только в иконописи, но и в истории Самарского края.

Закономерно, что ноги сами привели меня в дом отца Анатолия. И вот мы сидим за столом и ведём беседу.

...Оказывается, отец Анатолий бывал у владелицы иконы Александры Михайловны Подусовой. Видел «Утёвскую мадонну». Александра Михайловна ему говорила, что очень любит икону и бережёт её как семейную реликвию. Никогда её из дома выносить не давала. Хорошо помнила, как привозили Григория Журавлёва к ним в дом, когда он принимал заказ на икону. Его внесли и посадили за стол. Ребянтню выпроводили на улицу, но она видела, как взрослые сидели за столом, разговаривали. Ей было тогда лет шесть, то есть это происходило в самом начале века... Запомнила, как забавно художник пил из стакана, беря его одними зубами!

Вот пока и вся история «Мадонны». Пока.

Я думаю, у неё будет продолжение.

ДОМ ЖУРАВЛЁВЫХ

«Не в меньшей мере благородно поступил и Филипп Афанасьевич Гришаев. Дело в том, что он в 1928 году купил дом в селе Утёвка (Самарская улица), в котором жил и трудился до последних дней своей жизни Григорий Николаевич Журавлёв. Вместе с домом перешла в собственность Гришаева и икона работы Григория Николаевича. В беседе со мной Филипп Николаевич сказал, что икону с большим желанием отдаст в краеведческий музей.

Более того, он заявил, что ту половину своего дома, в которой жил и трудился Г. Журавлёв, согласен отдать под музей краеведения».

Это выдержка из статьи К.Е. Данилова, напечатанной в районной газете «Ленинский луч» 10 июля 1966 года, когда началась работа по сбору материалов о Григории Журавлёве.

Захотелось побывать в доме, где жил художник и откуда его провожали в последний путь.

...Стоит себе обычный для утёвских улиц пятистенный дом на Самарской улице под номером восемнадцать. Смотрит на улицу своими пятью окнами. Рядом, через дорогу, наискосок — Троицкий храм. Он возвышается величаво огромным сказочным шлемом древнего русича. Захожу в дом, здороваюсь. Нынешний хозяин его, старик Николай Андреевич Бокарёв, приветливо подаёт руку. Мы не знакомы, но, когда называю своего деда и отца, принимает как своего. В деревне так: вместо визитной карточки достаточно назвать имя твоего деда либо кого-то из родственников постарше тебя.

Дом крепкий, деревянный. Внутри разделён на две половины. Правая несколько больше — в три окна, левая — в два. В этой, левой, и жил художник. В правой — его брат Афанасий Николаевич. Светло. Солнечно. На стене фотографии. На одной — хозяин. Охотно говорит о Журавлёве. Но знает всё через третьи руки. Сменились несколько хозяев, и ничего ни в комнате, ни на «подловке», ни в подвалах из личных вещей Журавлёвых нет.

— А откуда, — спрашиваю, — знаете, кто где жил?

— Да, старик Корнев говорил, он его помнит.

Удивительное дело происходит, когда собираешь материал в сёлах. Можно годами искать и не находить желаемое, а можно, споткнувшись о неожиданную фразу, сразу оказаться счастливым...

Далее я уже не мог быть спокойным. Попрощавшись, в сопровождении сына Бокарёвых шёл вдоль домов всё по той же Самарской улице. И наконец вот он, дом Корнева.

В ГОСТЯХ У СТАРИКА КОРНЕВА

Это второй после моего деда Ивана Дмитриевича Рябцева человек, который общался с Григорием Журавлёвым и с которым мне довелось не спеша поговорить. Всю нашу беседу (она длилась около часа) я записал на магнитофонную плёнку и сейчас попытаюсь в этой главке дать основное. Это, может быть, несколько непоследо-

вательно, так как я сохранил разговор без какой-либо обработки. Если читатель захочет послушать и голос рассказчика, и всё, что не попало в эту главку, то плёнка хранится в моём домашнем архиве, среди самых дорогих для меня вещей.

Завораживает голос не утомлённого жизнью девяностолетнего старика. Кстати, он не заметил и не понял, что я включил магнитофон. Потом мы вместе послушали запись. Она ему понравилась.

У меня была с собой фотография обоих Журавлёвых: Григория и его брата Афанасия. Афанасий сидит на стуле, Григорий стоит рядом, на своих кулачках-ногах. Тёмная его рубашка свисает почти до пола. Сидящему своему брату Григорий, стоя, достаёт головой едва до переносицы. От фигуры художника, его взгляда исходит такое ощущение физической мощи и воли, что сразу вспоминаешь богатырский облик храма Святой Троицы и удивляешься их похожести.

Я молча показал фотографию Николаю Фёдоровичу. Он с ходу назвал обоих по имени-отчеству.

— Он лёгонький был, маленький. Его принесут мужики в церковь, он сидит и зорко на всех посматривает.

— А сколько вам было лет, когда Григорий помер?

— Я с тысяча девятьсот первого года. Вот, считай. Он умер в тысяча девятьсот шестнадцатом. Похоронили его около церкви в ограде. Там могила была. В ней уже были похоронены двое: церковный староста Ион Тимофеевич Богомолов и священник Владимир Дмитриевич Люстрицкий. Могилу разрыли и установили третий гроб.

— Большой гроб был?

— Нет, короткий гробик. Но широкий и высокий.

— Николай Фёдорович, а вы сами видели, как Григорий рисовал?

Старик опускается на колени перед стулом и поясняет:

— А вот так и рисовал. Держа кисть в зубах, стоял на полу перед маленьким особым столиком.

— Как же он обучался?

— Вначале земский учитель Троицкий помогал. В Самаре — художник Травкин. Мало ли добрых людей. Потом сам.

— Он рисовал красками?

— И красками, и углём. Писал всякие письма, прошения по просьбе сельчан. У него часто в избе кто-нибудь да бывал. Приветливый был человек!

— Ну, а как вот с бытом его, кто за ним ухаживал?

— Да ведь вначале матушка его, дед, а потом, до самой смерти — брат Афанасий. Он был искусный чеканщик. В столярной мастерской, которая от отца им досталась, он, брательник-то, мастерил деревянные заготовки для икон, готовил краски, мало ль чего ещё?.. Он вместе с Григорием обучался в Самаре. И в церковь, и на базар, и в баню, и на рыбалку, всё он — брательник его доставлял.

— А на чём возил его брательник?

— Были у него лошадь-бегунок и тарантас. Ему дал их самарский губернатор после того, как Григорий был у царя.

— Он был у царя?! Точно?

— Так говорили, и я слышал. Утверждать не буду. Народ лучше знает. Дали упряжь, тарантас, лошадь и пожизненную пенсию. За что дали? Говорят, что рисовал портрет всей царской семьи. Каково! Хороший был мужик, Григорий. Его все любили.

— А за что любили?

— Весёлый был, шутить умел. Мужики, особенно певчие, рады были его брать с собой. Часто его уносили и приносили на руках. Раза два мы, ребетня, на Рождество ходили к нему славить. Интересный. Взяв в зубы пастуший кнут, размахивался и хлопал им с оглушительным звуком. Умел красиво, мастерски расписываться.

— Николай Фёдорович, как хоронили художника? С почестями либо кое-как?

— Что ты, мил человек, с уважением, с попами. Его все почитали. Я сам не видел, но говорили тогда, что он помогал строить церковь, расписывал её. Уважаемый человек.

— Кому помешала церковь, — спрашиваю, — коли её начали ломать, а иконы и роспись почти совсем уничтожили?

— Кому-кому? Время такое было. Мешала, видать, красота вершить неправедное. Укоряла молча. Её и того... в распыл, значит, за это.

От Николая Фёдоровича я впервые услышал, что в селе Утёвка были две действующие церкви. Потом в областном архиве я отыскал сведения об этом. Дмитриевская церковь, на месте которой позже возвели деревянное здание Дома культуры (его сейчас уже нет), была построена тщанием прихожан в 1810 году, а в 1870-1875 годах расширена. Здание было каменное. Каменными были колокольня, ограда и сторожка. Престола было два: главный холодный во имя Великомученика Дмитрия Солунского и придельный тёплый во имя Св. Благоверного Князя Александра Невского.

Указом Священного синода от 4 марта 1885 года положено быть в ней двум священникам, дьякону и двум псаломщикам. Около этой церкви был большой базар. Храм Святой Троицы построили тщанием прихожан в 1892 году. Здание каменное, с такой же колокольней, холодное. Престол во имя Св. Живоначальной Троицы. При церкви была небольшая библиотека. В приходах имелись школы. При Троицкой церкви она была открыта в 1892 году. Школа грамоты при Дмитриевской церкви открыта была в 1895 году. Земско-общественная школа — в 1842-м. Всё село было разбито на два прихода. Оказывается, тот край села, который примыкает к реке Самарке, славен был богатыми купцами, торговавшими зерном. А доставляли зерно по реке Самарке на баржах. Сам старик Корнев несколько раз ходил этим маршрутом.

Припомнил он и такой эпизод: лопнул колокол в храме, заказали новый. Везли его от станции «Грачевка» до посёлка Красная Самарка на лошадях. Колокол весил двести пятьдесят два пуда двенадцать фунтов, другой поменьше — восемьдесят пудов.

Я было высказал сомнение по поводу веса колоколов, но старик уверенно его отклонил. От посёлка Красная Самарка колокол несли на руках. Вручную поднимали на колокольню. Желающих ударить в колокол было много. Каждый, кому посчастливилось это сделать, тут же жертвовал деньги. Звон новых колоколов слышен был в окрестных сёлах Бариновке, Покровке.

— Что двигало, — спрашиваю, — людей на такие труды?

Ответ последовал такой, каким я его и ожидал:

— Вера!

* * *

...Конечно, можно предположить, что вокруг имени Григория Журавлёва сложилось немало легенд, и здесь надо всё внимательно отбирать. Но не могу не привести выдержки из документа, подписанного К.Е. Даниловым в июле 1975 года. Оставляю впрочем и за собой право на поиск более убедительных подтверждений изложенных фактов.

Вот эти строки:

«О необыкновенном художнике стало известно царствующей фамилии дома Романовых. В этой связи Григорий Николаевич был приглашён Николаем II во дворец...

Николай II пожизненно назначил ему пенсию в размере двадцати пяти рублей в месяц и приказал Самарскому генерал-губернатору выдать Журавлёву иноходца с летним и зимним выездами.

В последней четверти века (1885-1892) в селе Утёвка по чертежам и под непосредственным руководством Журавлёва была построена церковь, а также по его эскизам была произведена вся внутренняя роспись.

На пятьдесят восьмом году своей жизни Григорий Николаевич Журавлёв скончался от скоротечной чахотки и по разрешению епископа Михаила Самарской епархии похоронен в ограде церкви, которая явилась его детищем».

Думаю, что можно говорить не о «непосредственном руководстве Журавлёва» при постройке церкви, а о его непосредственном участии как художника.

...Бытует легенда (её мне рассказывали несколько человек), что по пути из Петербурга, где он писал портрет царской семьи по заказу царя, Григорий Николаевич попал к циркачам. Они возили его полгода по России. Показывали публике как диковинку. Еле вырвался...

ПО СТРАНИЦАМ ГАЗЕТ

В разное время на страницах газет мелькали короткие, но сенсационные для рядового читателя сведения о художнике-самоучке. По сути, они повторяли одно и то же. С одной стороны, это объясняется тем, что мало в то время находили нового, с другой — естественным желанием новых людей, которые впервые близко прикоснулись к судьбе Григория Журавлёва, обнародовать, закрепить в газетной строке хотя бы то, что есть. Отсюда и перепевы.

Перечислю газетные статьи на 1990 год, в котором я начал писать эти заметки.

Можно думать, что одной из первых газетных публикаций в советское время была заметка в нефтегорской районной газете «Ленинский луч» от 25 мая 1966 года под названием «Письма из Югославии». Затем последовали: «Крупницы большого таланта» в той же газете от 10 июля 1966 года К. Данилова, «Григорий Журавлёв — живописец из Утёвки» в областной газете «Волжская коммуна» автора А. Праздниковца от 5 февраля 1987 года и, наконец, «Забытое имя» в «Волжской коммуна» автора Р. Чумаш от 17 ок-

тября 1987 года. Номера этих газет сохранились в моём домашнем архиве. Была публикация в газете «Литературная Россия». Я её читал лично в присутствии К. Данилова, если не ошибаюсь, где-то в начале 1966 года. Этого номера потом я не нашёл¹.

Впрочем и за границей была опубликована статья в издающемся в Белграде на материалах агентства печати «Новости» журнале «Земля Советов».

Я пишу эти заметки и ловлю себя на мысли, что вот где-нибудь подрастает молодой человек, в котором загорится искра, и ему, более усердному и удачливому, предстоит сделать больше, чем нам... Как сказал великий поэт: «Нам не дано предугадать, как наше слово отзовётся».

ЗАБОТЫ ОТЦА АНАТОЛИЯ

Он оказался очень молодым человеком, отец Анатолий (в миру Анатолий Павлович Копач). В первый день, когда мы познакомились, я его видел на богослужении и в светской одежде на строительной площадке. В храме работал только маленький придел с иконостасом, собранным с миру по нитке. Несколько икон возвращены из села Мало-Малышевка, куда они попали после закрытия утёвского храма. Когда-то в церкви Мало-Малышевки в военное лихолетье и я был крещён. Отец Анатолий назвал несколько икон, находящихся в иконостасе Троицкого храма, которые могут принадлежать кисти Журавлёва. При этом он сделал оговорку, что в написании некоторых из них и росписи на стенах храма художнику могли помогать его ученики. У Журавлёва их было двое. Икону «Господь Саваоф» принесла какая-то старушка и, не сказавшись, оставила в храме. Икона «Жены Мироносицы» привезена из села Мало-Малышевка. Рядом с ними находятся «Крещение Господне» и «Воскресение Христово». Икону «Царь Давид» с изображением псалмопевца Давида с арфой в руках подарил когда-то школьному музею Владимир Борисович

¹ Уроженец села Утёвка, историк-краевед Пётр Дмитриевич Лупаев называл мне много позже ещё одну статью К.Е. Данилова «Художник-самородок». Она была напечатана в газете «Сталинский луч» (с. Утёвка) 17 сентября 1958 года. Об этом у меня есть запись, когда я в последний раз встречался с Лупаевым в г. Новокуйбышевске незадолго до его смерти. Тогда же, помню, в нашем разговоре он поставил Григория Журавлёва в один ряд с Алексеем Мересевым.

Якимец, житель села Утёвка. Он утверждал, что она написана Журавлёвым. Икону «Спаситель Благословляющий» подарила Мария Пестименина, правнучка Ионы Богомолова — попечителя храма. С Марией Пестимениной меня познакомил отец Анатолий. Заказчик и исполнитель похоронены рядом. Храм строился двадцать лет. Иона Тимофеевич Богомолов, прадед Марии Емельяновны Пестимениной, был всё время его попечителем. Он умер в 1915 году, через год — Григорий Журавлёв. Семью Марии Емельяновны раскулачили, и она долго жила на чужбине. Но место захоронения своего прадеда помнила хорошо. И показала его нам с отцом Анатолием уверенно.

Она мне и разрешила порыться в жалких остатках архива, который когда-то собирал К.Е. Данилов.

Я сидел около раскрытого сундука с остатками пожелтевших бумаг, перебирал их, а она рассказывала спокойно и отрешённо, как их раскулачивали и высылали из Утёвки.

Потом, вдруг спохватилась, словно боясь, что второй такой встречи у нас уже не будет, позвала на улицу, к Храму. И там вновь мы оказались на месте, пока ещё никак не обозначенном, захоронения художника и попечителя.

— Ты знаешь, сынок, ведь, когда закрывали церковь, иконы со стен срывали баграми. Много икон увезли, никто не знает куда. Икону «Спаситель Благословляющий» Григорий писал по просьбе моего прадеда, народ её сохранил.

Пристально посмотрев мне в лицо, сказала:

— А ведь тех людей, которые баграми срывали красоту, святых наших, я знаю. Они живы. Прошлый раз на вечере в клубе в президиуме сидела одна старушка из Самары, как ветерана пригласили. Она была комсомолкой и орудовала тогда в храме с такими же. Хотела я к ней подойти спросить, чего же это она делала тогда и как она теперь живёт, да подумала: Бог ей судья.

Позже, уже в доме, священник за чаем рассказывал, что храм был закрыт в 1934 году. Отца Гавриила пытались брать несколько раз, но каждый раз звонарь при подъезде «воронка» успевал дать призывный звон и народ вставал на защиту своего священника. В конце концов верёвки звонарю обрезали. Отца Гавриила забрали. Старый храм сломали и сделали гараж. Новый же храм намеревались взорвать, разрушили верхнюю часть колокольни, но дальше почему-то отступили, ломать не стали. Не осталось и следов от церковной ограды, от

колодца. Когда храм превратили в склад, тут уж красота не выдержала. Роспись стала осыпаться и большей частью пропала совсем.

— Собираемся восстанавливать церковную ограду, могилу Григория Журавлёва, — говорит отец Анатолий. — Обычно в храмах при строительстве предусматриваются подвалы, где хранятся иконы. Возможно, что-то при закрытии храма было спрятано там. Я разговаривал с прихожанами. Их родители свято верили, что всё вернётся на круги своя. О подвале знали только два-три человека, так что и его, и могилу теперь будем пытаться искать специальными неразрушающими методами. Нужна техническая помощь.

У священника много забот. Он депутат районного Совета, ездит по сёлам, старается как можно ближе быть к прихожанам. Его здесь любят.

У храма пока нет практически никаких подсобных помещений. Нет сносного освещения вокруг него. Но есть уже свой хор певчих, некоторые приезжают из села Бариновка.

На прошлой неделе я попал в храм в родительскую субботу. Поминали усопших. Не забыли и Журавлёвых.

«У Бога все живы», — так меня поучали богомольные старушки.

«Как приду в церковь, поставлю свечку, помяну своих и — праздник на душе».

Моя матушка, Екатерина Ивановна Шадрина, тоже зачастила в храм.

— В душе что-то по-новому ворохнулось, — говорит она, светлея лицом.

«А я и помянуть не могу своего внучка-афганца: некрещёный он. Не Богов, значит, и — ничей», — услышал я на выходе из храма.

Какой политбеседой ответишь на это?

Спрашиваю отца Анатолия, как он относится к художнику Журавлёву.

— Иконопись — это служение Христу. Он не закопал свой талант, а оживотворил его и принёс на службу своему народу. Люди помнят это. Не скудеет рука дающего, она будет возблагодарена.

Чувствуется, молодой священник много читал, многое видит по-своему. Невольно сравнивая его со светскими сверстниками, натываюсь на мысль, что дремучее невежество наше в религиозных и экологических знаниях — это две составляющие того провала, который ведёт нас к уродству души и тела.

Во время нашего разговора раздался телефонный звонок. Отца Анатолия вместе с женой Ольгой приглашали в гости к себе домой знакомые.

На мой вопросительный взгляд ответил:

— Пастырь, не знающий свой народ, не пастырь.

Он считает, что в общении с людьми идёт взаимоочищение. Горько переживает, что молодёжь погрязла в мате, скверне и прочих грехах. Разучилась деревня нормально разговаривать.

— Апостол послал своих учеников в дома прихожан и, если вас приняли, то способствуйте соединению с Богом.

Уже на ходу вспоминает, что времени остаётся мало, а он обещал к концу недели дать статью в районную газету. Озабочен, что запущено в селе кладбище. Кладбище — тоже сфера забот церкви. А на столе у него лежат листочки с эскизами памятника Григорию Журавлёву, которые нам предстоит обсудить.

Мария Фёдоровна Качимова, певчая из хора, рассказывала мне, что отец Анатолий в телогрейке на морозе освобождал забитые досками окна храма. Горы мусора, вывезенные с того места, где сейчас иконостас, тоже дело его рук. Конечно, пастырю сейчас трудно. Ему приходится самому заниматься стройкой и возрождением храма.

Я смотрел на прихожан в храме и думал: «Но ведь это одиночки. Их мало. Мало верующих осталось, а из тех, кто приходит сюда, много просто любопытных, неверующих. Какой же путь надо преодолеть отцу Анатолию, чтобы восстановить разлад между Богом и моими односельчанами? Сказал же Пушкин, которого я считал почему-то до того большим безбожником, что религия создала в этом мире искусство и поэзию, всё великое и прекрасное. Если это так и если не будет у религии будущего, что будет с нашей душой, с искусством? Со всеми нами?..»

КОСТРЫ ПОСЕРЕДИНЕ СЕЛА

Мой крёстный, полковник в отставке, бывший военный лётчик Василий Дмитриевич Лобачёв, живёт сейчас во Владимире. Узнал, что я собираю материал о нашем селе, и тут же откликнулся. Прислал письмо.

Удивительны воспоминания человека образованного, пытливого, остро чувствующего время и себя в нём.

Его маленькие истории мне очень дороги ещё и потому, что действующие лица в них — либо мои родственники, либо хорошие знакомые. И все они освещены особым светом того непростого времени. Вот они, эти события нашей общей жизни, увиденные семилетним утёвским мальчиком:

«Наша церковь разрушали долго. Она как бы сопротивлялась людям, потерявшим разум. Связка между кирпичами была намного прочнее самого кирпича. Для того чтобы получить один целый кирпич, три-четыре надо было разбить.

Особенно долго не могли свалить колокольню. Хотели взорвать, но хватило ума этого не делать. Вначале долго горели костры, уничтожавшие деревянные опоры внутри кирпичной кладки. Потом привязали верёвки к верхней части колокольни, попытались её свалить. Я с ужасом ожидал, что мужиков, тянувших верёвки, накажет Бог и они провалятся сквозь землю. Но этого не случилось.

Колокольня обрушилась в другую сторону. Когда подгорели столбы, выбросила из себя, как последний выдох, с синеватым облачком, жаркое пламя.

Как и почему случилось, что люди разрушали самое красивое, святое место в своём селе?

Сказать, что кто-то виноват только со стороны, не могу. Этому кощунству предшествовал опрос граждан. Заходили с тетрадами в каждый дом и под роспись жителей села спрашивали мнение о судьбе церкви.

Ну, ладно, председатели, бригадиры, коммунисты могли поплакаться за своё мнение, но рядовые-то колхозники чем рисковали? Я точно знаю, что моя мать высказала мнение «против разрушения». Мнение отца мне неизвестно. Ничего же с моей мамой не сделали! Дорогие мои земляки должны винить и себя в содеянном.

...А вокруг церкви была хорошая такая ограда, часовня, ухоженные могилы, просвирня, колодец с замечательной водой. Лучше вода для чая в то время была только в Самарке.

...Весной 1934 года мой отец готовил ульи для колхозной паеки. Однажды ему вместо досок привезли целую подводу икон из нашей церкви. Это событие, конечно, стало известно жителям села, которые стали собираться в нашем дворе. Сокрушались, плакали. Какой грех! Но как раздать иконы? Могут посчитать врагом Советской власти. Воинствующий атеизм набрал большую силу.

Что делать? Отец принимает решение: с просьбой не давать этому огласки, раздаёт иконы взамен досок, равных по размеру. Таким образом ни одной иконы из привезённых не погибло. Всё разошлось по жителям села. Конечно, это были не все иконы. Поговаривали тогда, что предварительно их просматривали специалисты и наиболее ценные увезли в Самару. Одна икона была у нас в переднем углу. Потом её отдали кому-то из родственников.

Мне в то время было семь лет. Я всё отчетливо помню. Никто тогда отца не предал».

Эти строчки не нуждаются в комментариях.

Всё сурово и просто, как сама тогдашняя жизнь.

РАДОСТНАЯ ВСТРЕЧА

«Уважаемый Александр Станиславович, получил от Вас материалы о Вашем земляке-иконописце Журавлёве. Спасибо. Я передам эти материалы в Церковно-археологический кабинет. Прочёл всё, что Вы любезно прислали в письме, а также Вашу книгу.

Со страниц всего мною прочитанного сквозит неподдельный интерес и любовь к художнику-калеке.

В нашем ЦАКе действительно находится икона кисти Григория Журавлёва. На иконе изображён святой Лев — папа римский.

Размер иконы 35,4х28 см. На тыльной стороне доски надпись: «Сию икону писалъ зубами крест. Григорий Журавлёвъ Самарской губ. Бузулукского уезда с. Утёвки июля 30.1892 года».

...С пожеланиями Вам творческих успехов и уважением

Протоиерей Николай Резухин».

Я прочитал это письмо, и вновь мне вспомнилась моя удивительная поездка.

Читатель, очевидно, помнит, что отец Анатолий как-то обмолвился, что видел одну из икон Григория Журавлёва в Церковно-археологическом кабинете (ЦАК) Троице-Сергиевой Лавры. Вот это обстоятельство и подтолкнуло меня прошлым летом к поездке.

* * *

...Я сошёл с электрички и, влекомый общим людским потоком, двигался почти наугад, полагаясь, что мне не придётся долго идти.

Так оно и оказалось. Минут через пять ходу я вышел из стареньких улиц на простор и увидел Его.

Город лежал чуть ниже меня, златоглавый и величественный.

С этой минуты я уже не замечал бытовых деталей вокруг. Меня манил сказочный город-крепость.

Но надо было как-то ориентироваться.

Две идущие впереди монахини, к которым я обратился, оказались неожиданно разговорчивыми. На мой наивный вопрос, смогу ли я попасть в город и посмотреть его, одна из них, высокая и светлая лицом, живо ответила:

— Тысячи людей попадают, почему вам нельзя? Смотрите, какой поток народу льётся туда и обратно!

Действительно, мой первый вопрос был явно не совсем удачным. Но у меня был второй, для меня настолько важный, что я не мог задать его с ходу, боясь встретить равнодушие и отрицательный ответ.

Я всё-таки собрался с духом:

— А вы слышали что-либо об иконах в ЦАКе, написанных безруким художником Журавлёвым?

Та, что пониже, сразу ответила, что нет, о таком не слыхала.

Высокая, которую, как потом я узнал, зовут Олей, скороговоркой зашепила:

— Слышала и видела. Я не помню имени художника, но картину видела. Видела! Она в кабинете висит.

— А как мне попасть туда?

— Идите с нами к Царским чертогам, а там разберётесь.

Так я оказался в Свято-Троицкой Сергиевой Лавре.

Монахини на территории Лавры как-то спешно отделились от меня, сказав, чтобы я обратился к любому семинаристу Духовной Академии, и мне помогут.

Я так и поступил. Мне тут же ответили стоящие у входа в Академию молодые люди, что без протоиерея Николая Резухина я не смогу ничего увидеть. Сегодня ЦАК не работает, а у протоиерея какая-то серьёзная внеплановая делегация. Его не поймать.

Мои планы рушились, ибо мне надо было вечером быть в Москве. В кармане лежал билет на поезд до Самары. Очевидно, как-то угадав моё отчаянное состояние, один из ребят приблизился ко мне и вполголоса проговорил, озорно сверкнув глазами:

— Мы его изловим! Я знаю, где он! Идите за мной.

Протоиерей Николай Резухин — помощник ректора Московской Духовной Академии и семинарии по представительской работе, заведующий ЦАК, депутат местного городского Совета, оказался очень занятым человеком. Невысокого роста, в обычной светской одежде, с рыжеватой бородкой, быстрый в движениях, он был похож на доцента с институтской кафедры.

Не останавливаясь, на ходу выслушав сбивчивое извинение и просьбу, глядя на меня цепкими и колющими глазами, назидательно сказал, что времени для того, чтобы сегодня поговорить со мной, у него нет.

И тут мне пришёл на ум довод, который я тут же и использовал:

— Журавлёв — мой земляк. Мы с ним из одного села. Я неделю назад был в его доме. Ходил по его комнате. Понимаете мои чувства?

Мой собеседник всё понял.

— Ну, если так, посидите где-нибудь в скверике. Часа через два-три я, может быть, вас найду.

И ушёл. Что мне оставалось делать?

Боясь потерять возможность встречи с протоиереем, я решил неотлучно ждать на скамейке под липами у Троицкого собора.

...Я сидел в тени старинных цветущих лип и пытался разобраться в своих чувствах.

Кругом была изумрудная свежая зелень, аромат сирени в воздухе, группы туристов, слушатели Академии. Звучала русская и нерусская речь. Звонили колокола.

И мне на какой-то миг показалось, что моя мечта — найти и посмотреть икону Григория Журавлёва — несбыточна. Грандиозность соборов, монументальность всего и официоз отделили художника и его иконы от меня и моих сельчан. Здесь не до него и не до меня. Настолько микроскопичен человек перед этой беспредельной вечностью, осевшей на куполах соборов...

...Я ошибся. Меня тихо позвал совсем молодой человек, сказав, что он от отца Николая. Мой новый знакомый оказался студентом Московской Духовной Академии. Назвался он братом Тимофеем. Мы направились в ЦАК.

Пока кто-то ходил за ключами, из рассказа моего гида я узнал, что Церковно-археологический кабинет расположен в Царских Чертогах, одном из интереснейших сооружений восьмидесятих годов XVII века в Свято-Троицкой Сергиевой Лавре. Чертоги — целая

века в истории Московской архитектуры. До того обычно дворцы являли собой сложные по планировке постройки, живописные и причудливые. Чертоги же отличаются строгим единым объёмом, они и определили в последующем развитие Московской архитектуры в сторону «регулярности». ЦАК расположен на втором парадном этаже Чертогов. Он создан по благословию Святейшего Патриарха Алексия в 1950 году при кафедре Церковной археологии. Экспозиция кабинета размещена в исторической последовательности.

Принесли ключи. И вот она — комната с экспозицией, посвящённой работам русских художников XVIII-XX веков. Первое, что бросается в глаза, — картина В.И. Сурикова на сюжет из IX главы Евангелия от Иоанна «Исцеление слепорождённого». Тут же картина А.П. Рябушкина «Благословляющий Христос Спаситель», этюды В.М. Васнецова «Богоматерь с младенцем Христом», М.В. Нестерова «Портрет священника», В.Д. Поленова «Христос Спаситель» и многие другие. И, наконец, она — цель моей поездки.

На этом стенде восемнадцать икон в четыре ряда.

В верхнем правом углу вторая справа — икона Г. Журавлёва «Святой Лев — папа римский».

Изображение выполнено на доске около трёх сантиметров толщиной. Мягкий коричневый цвет и бледные розово-голубые тона на нежном сером фоне. Икона не теряется в ряду работ знаменитых авторов. Более того, она не отпускает от себя и притягивает своей проникновенностью и тонким лиризмом.

Икона основательно прикреплена к стене. Поэтому я не мог осмотреть обратную сторону её. Но брат Тимофей заверил, что, как только время позволит, либо он, либо отец Николай икону снимут. Текст, который там есть, перепишут и пришлют мне в письме.

Внезапно появился отец Николай, уже в церковной одежде возглавляя внеплановую экскурсию. Я видел, с каким неподдельным интересом люди смотрели на икону Журавлёва. Так же, как и я, по несколько раз возвращались к ней взглядами.

Огорчило одно: очевидная скудность информации о Григории Журавлёве, которой владели в кабинете. Насколько мог, я постарался восполнить это, рассказав некоторые подробности из биографии художника. Передал его фотографию.

...Освободившийся наконец протоиерей Николай Резухин пригласил меня к себе, и я увидел и услышал живого обаятельного человека.

...В довершение всего, узнав, что я вечером еду в Самару, меня накормили в студенческой столовой при Академии. Прощаясь, мы обменялись адресами, обещая сообщать друг другу о новых находках, которые будут касаться моего земляка-художника.

Не хотелось уходить. Вместе с братом Тимофеем я побывал на молебне и поставил свечи за упокой души всех умерших своих ближайших родственников, которых помнил, написав их имена на бумаге. И отчего-то, когда я вышел из монастырских стен и шёл к электричке, всё казалось мне, что кто-то: то ли помянутые мною родственники из моего далёкого далека, то ли чей-то иконный лик, большой и невидимый, — освещал мне путь добрым и тёплым светом...

...И за всё это, за радостную встречу, приблизившую меня к моим предкам и ко всему русскому, я был благодарен земляку Григорию Журавлёву, заставившему по-новому взглянуть в гулкое наше прошлое.

«МНЕ ПОВЕЗЛО ПРИКОСНУТЬСЯ...»

Сразу после опубликования моих заметок «Утёвские находки» о художнике в областной газете «Волжская коммуна» в сентябре 1992 года, где были помещены несколько найденных мною уникальных фотографий, я начал получать письма от знакомых и незнакомых мне людей. Люди искренне пытались помочь в поиске важных для меня сведений либо просто размышляли над нашим прошлым и будущим.

Мимо судьбы Григория Журавлёва нельзя пройти равнодушно. Вот выдержки из письма художника-оформителя Николая Ивановича Колесника. Это письмо интересно хотя бы уже тем, что своё мнение высказывает художник:

«Григорий Журавлёв по своей профессии близок мне. Я понимаю, что видеть краски, чувствовать пространство, уметь создать образ — это не всё. Необходимо ещё умело владеть кистью. Художник-иконописец, преодолевая недуг, отыскал силы, чтобы развить в себе талант, которому суждено остаться в веках. Эти иконы воистину нерукотворные.

Да вот беда наша в том, что мы порой проходим мимо таких человеческих судеб. Этому ещё раз свидетельствует случай с сельским музеем, который, видимо, имеет свои корни в разрушительной стихии, направленной против христианских святынь ещё тех,

далёких, послеоктябрьских лет. Я один из тех, кто видел фотографию Григория Журавлёва. Первое, что идёт на ум: сила духа этого человека, очевидно, была так велика, что она превозмогла всё. Трудно сказать, что стояло на первом месте — борьба за существование или потребность выразить себя. Но его иконы написаны с большим старанием и умением. Об этом говорит фотография иконы «Утёвская мадонна». Я решил сделать копию её, пользуясь фотографией. Это оказалось не так-то просто. Сразу почувствовал, что написана она мастером высокого класса. По несколько раз я принимался за эту работу и всё не находил нужных оттенков. Порой ловил себя на мысли, что эта работа мне просто непосильна. И какова была моя радость, когда не без участия коллег по работе копия картины была вставлена в багетовую рамку и предстала на суд зрителей, которые узнали из моего рассказа, кто автор подлинника и какова его судьба. Я был счастлив. Я чувствовал, что мне повезло прикоснуться к чему-то очень большому и вечному.

Таков он — ваш земляк Григорий Журавлёв.

Знаете, у меня есть свои так называемые «настольные книги». Они порой бывают в нескольких томах, а порой — небольшой книжечкой или газетной полосой.

Для меня материал о Журавлёве выполняет задачу тех больших томов, которые дают возможность черпать силы для творчества».

* * *

...Современники Журавлёва тоже не были глухи к его таланту. Приведу отрывки из газеты «Самарские губернские ведомости» № 1 от 5 января 1885 года:

«...Крестьянин с. Утёвка Бузулукского уезда Григорий Николаевич Журавлёв, имеющий в настоящее время около 25 лет от роду, в самом раннем детстве лишился употребления рук и ног (руки до плеч и ноги по колена атрофированы, и он может передвигаться только на коленках) и грозил быть бременем для своего бедного семейства...

...Лет 8-ми от роду Журавлёв стал посещать сельскую школу и в два года выучился читать, а затем, познакомившись с употреблением карандаша, принялся учиться письму и рисованию, вставляя для сего карандаш между зубами...

...Но этого Журавлёву было мало: он задумал во что бы то ни стало выучиться писать масляными красками «настоящие образа».

И вот 15-летний поклонник искусства, никуда доселе не выезжавший из родного села, появляется в губернском городе и обращается к проживающему здесь живописцу Травкину с просьбой показать ему, как пишутся «образа». Тот ласково принял такого необыкновенного ученика, оставил его на несколько дней в своей квартире и познакомил с первыми приёмами живописи. Этого для Журавлёва было достаточно. Закупив в Самаре красок, кистей и прочего, он вернулся в родную Утёвку и, заказав себе стол с особыми приспособлениями, принялся учиться живописи.

Верным и постоянным спутником в этом деле явилась у него старуха-бабушка, которая стала чистить кисти, подготавливать краски, усаживать внучка за работу и так далее...

...Через пять лет непрерывного труда этот живописец-самоучка стал писать «образа» настолько удовлетворительно, что решил несколько экземпляров икон своей работы подарить высокопоставленным лицам города Самары. С этого времени Журавлёв начал получать заказы на работу, улучшившие до некоторой степени его материальное положение, а вскоре Губернское Земское собрание, приняв во внимание бедственное положение семейства Журавлёва и его личные труды по части самоусовершенствования в искусстве живописи, назначило ему ежегодную пенсию в размере 60 руб. В конце прошлого года (1884) Журавлёв, изготовив икону св. Николая Чудотворца, обратился к самарскому губернатору, всегда принимавшему участие в положении калеки-живописца, с просьбой представить икону Его Императорскому Высочеству, Государю Наследнику Цесаревичу.

Желание его было исполнено, и в конце декабря Управляющий собственными Его Величества дворцом и Конторою Августейших Детей Их Императорских Величеств уведомил тайного советника Свербеева, что Государь Наследник Цесаревич милостиво принял икону, писанную крестьянином Журавлёвым, соизволил пожаловать ему единовременное пособие сто рублей из собственной Его Императорского Величества суммы».

Талант художника был признан.

Возможно, нам предстоит ещё встреча с иконой св. Николая Чудотворца. И мы порадуемся ей, как порадовались, когда предстала перед нами на иконостасе Самарской Петропавловской церкви икона святого князя Александра Невского, написанная Григорием Журавлёвым.

ИЗ ПИСЕМ ОТЦУ АНАТОЛИЮ

Разные письма приходят к отцу Анатолию. Пишут и верующие, и атеисты. Адрес на таких конвертах простой: «Нефтегорский район, с. Утёвка, Православная церковь».

Вот бесхитростные строки одного такого письма. Оно о судьбе священника Троицкого храма. Написала его жительница Самары Анастасия Андреевна Конькова:

«Здравствуйте, отец Анатолий! Прочитала я «Утёвские находки» автора Малиновского в газете «Волжская коммуна» и узнала из них, что судьба отца Гавриила, который был последним священником перед закрытием Троицкого храма, вам неизвестна. А мне довелось с ней познакомиться. Я ехала в деревню и встретила его свояченицу Антонину. Она мне и рассказала о его судьбе.

Когда он вышел из заключения, то не мог найти нигде работу. Помер голодной смертью. Антонина жила с дочкой отца Гавриила, у него было их трое: Вера, Надежда, Любовь. Антонина померла пять лет назад.

Так хочется побывать в своём храме. Сердце разрывается. Большое вам спасибо за описание в газете. Я много узнала новостей и радостных, и горестных. Рада, что открыли Божий храм. Рада, что позаботились так о Григории Журавлёве. Он это заслужил.

Может, газета попадёт дочкам отца Гавриила, они бы всё подробно написали. Они ведь где-то в наших местах, в Самаре».

А вот другое письмо. Пишет его Екатерина Иосифовна Ветчинова, дочь Иосифа Семёновича Проживина, по-уличному, Лубошного, проповедника, которого забрали прямо в церкви вслед за отцом Гавриилом, осудив на десять лет:

«Он был очень набожный человек. Читал проповеди, собирал народ, ездил по всему Утёвскому району. Забрали его, забрали все иконы и книги. Посылаю пятьсот рублей, чтобы помянули его за упокой и в праздники Божественные прошу упоминать его имя.

Батюшка, я считаю, что мой отец заслуживает, чтоб его крест был около церкви, за которую он погиб. Ведь мама моя рассказывала, что, когда она ездила к нему в Кузнецкую тюрьму, он ей сказал, что ему предложили при всём народе отречься от Бога и тогда его выпустят на свободу. Отец отказался. Вскоре его не стало».

Много подобных писем ещё придёт в Утёвский храм. А сколько верующих и неверующих не успели написать своего письма священнику?..

Вот короткая, но прожигающая душу справка: почти четыреста тысяч священнослужителей с родителями, жёнами и детьми были в нашей стране уничтожены в период с 1917 по 1924 год.

А сколько покалечено судеб родственников этих погибших.

Какая бухгалтерия в силах это подсчитать?!

Повиниться надо бы перед ними на миру. Да как это сделать?..

НЕЗАЖИВАЮЩАЯ РАНА

О том, как я искал эту книгу, можно написать маленькую повесть. Но речь не о том... Я с волнением держу в руках небольшую, размером примерно 18х30 см, в хорошем переплёте, в зелёной обложке, книгу и не сразу решаюсь открыть её.

Она издана Самарской государственной думой и отпечатана в Самарской губернской типографии в 1894 году. Посвящена созданию храма Спасителя. Книга так и называется «Во имя Христа Спасителя. Кафедральный соборный храм в г. Самаре»¹. В ней сорок семь страниц. Я давно знаю, что там есть упоминание о нашем земляке-художнике. Книга переходила из рук в руки, как и большинство журавлёвских икон, оставаясь неуволвимой...

И вот теперь на двадцать девятой странице читаю:

«...Иконы в иконостасе написаны на цинке в мастерской Сидорского, в Петербурге, а одна, именно икона Св. Алексия митрополита Московского, написана по поручению в то время бывшего губернатора, А.Д. Свербеева (ныне сенатор) крестьянином села Утёвка, Бузулукского уезда, Григорием Журавлёвым, лишённым от рождения рук и ног, пишущим иконы, держа кисть в зубах. Словом, с Божью помощью. К задуманному сроку нижний храм строящегося собора был окончен к 7-го января 1892 года, Преосвященным Владимиром, Епископом Самарским и Ставропольским (ныне Высокопреосвященный Экзарх Грузии, Архиепископ Кахетинский и Карталинский), был торжественно освящён во имя св. Алексия митрополита Московского, покровителя г. Самары, и в годовой

¹ Книга написана Петром Владимировичем Алабиным — главой города Самара.

день кончины Преосвященного Серафима над его могилой действительно возносилась бескровная жертва».

Итак, получается, что написать икону покровителя г. Самары св. Алексия митрополита Московского самарский губернатор А.Д. Свербеев поручил не Сидорскому в его мастерской, а Журавлёву.

Поскольку нижний храм был освящён в 1892 году, а книга вышла позже, в 1894 году, то становится очевидным, что икона была написана и должна находиться в храме. Так ещё раз крылом своего таланта издалека, из прошлого, художник-самоучка коснулся нашей с вами, дорогой читатель, родной истории. Книга посвящена строительству в Самаре Кафедрального собора, одного из крупнейших в России. На возведение собора ушло двадцать пять лет. Он поражал своим величием и роскошью внутренней отделки. Собор вмещал до 2 500 человек. Он царил над городом, занимая самое возвышенное место. Общая высота храма — 79 метров. Он был виден за десятки вёрст. Государь-император Николай II, посетивший собор 1 июля 1904 г., сказал: «Храм у вас хорош. Я им любовался из окна вагона».

Меня поразила та неторопливая, основательная манера изложения, которая характерна для книги. Какой материал брали, какой кирпич, бутовый камень, раствор, чей проект и так далее.

Колокол, поднятый на соборную колокольню в октябре 1893 года, отлит был в Москве на заводе Финляндского. Весил он 880 пудов. Подарил его городу самарский купец Давид Васильевич Кириллов. О многом повествуется в книге.

Храм строили на века, и книга писалась исходя из того же.

Оказывается, в память скончавшегося в январе 1886 года русско-го писателя Ивана Сергеевича Аксакова, проживавшего в Самарском крае, было в храме Евангелие, на обороте которого начертано:

«Святое Евангелие сие, сооружённое по постановлению Самарской городской Думы 1886 года, принесено кафедральному соборному храму, в вечную память об Иване Сергеевиче Аксакове, писателе, посвятившем всю свою жизнь делу единения и братства с отечеством нашим племён мира славянского».

Когда 7 октября 1888 года ночью скончался Е.Н. Шихобалов, в продолжении 19 лет неустанно трудившийся над сооружением соборного храма, днём на экстренном заседании Городская Дума постановила: «...На видном месте строящегося храма поставить,

в изящном киоте, икону Св. Емилиана, ангела усопшего строителя храма, начертать под нею повод воздвижения этой иконы».

На этом заседании городской голова г. Алабин заключил: «Желательно, чтобы будущие поколения наши в этом храме находили видимое свидетельство того, что общество наше умело ценить своих сограждан, посвящавших ему свой многолетний труд и деятельность».

Удивительными словами заканчивается эта книга: «Будущность нашего края, нам, верующим в непогрешимость пророчества одного из величайших святителей земли русской, Св. Митрополита Московского Алексия, естественно, представляется светлою, и потому, нет сомнения, много ещё будет нашему краю случаев возлагать свои благодарственные и памятные жертвы на тот жертвенник, что воздвигнут ныне населением Самарского края во славу Божию, в виде Храма, во имя Христа Спасителя Мира!»¹

Икона Св. Алексия Митрополита Московского, написанная Григорием Журавлёвым, и Евангелие в память писателя русского, и икона Св. Емилиана, ангела усопшего строителя храма самарского — где всё это теперь?

Где та тихая радость и благодать сотен, тысяч людей, причастных к пожертвованиям на строительство храма?

Увы... Какой урок нам дан...

Храма теперь нет. Взорвали-таки рассчитанную на вечность красоту, и книга эта долго никому была не нужна. Во всей Утёвке один белобородый старец Сергей Илларионович Трегубов (Дятлов) берёт её. После смерти его, как щепка на водной стремнине, приблизилась она у Любы Распутиной. И хорошо! Не пропала!

В книге, которая была написана сразу после возведения храма, на первой странице есть фотография его. Он прекрасен. Нет в нашей Самаре сейчас таких сооружений. С некоторым сомнением я мог бы поставить если не в ряд, то хотя бы около, здание любимого мною областного драматического театра!

Мне захотелось проследить судьбы тех людей, которые были вплотную связаны с нашей губернской историей, в данном слу-

¹ Закладка храма была совершена 25 мая 1869 г. после молебна в женском Иверском монастыре преосвященным Герасимом епископом Самарским и Ставропольским в присутствии губернатора Г.С. Аксакова, всех местных властей и большого числа жителей.

чае — с Кафедральным храмом Самары. Это уже за рамками темы, но одна судьба меня поразила. Её я узнал чуть позже и из других источников.

...Печальна дальнейшая судьба нашего самарского храма Спасителя, воздвигнутого в честь спасения во время покушения 4 апреля 1866 года на жизнь императора Александра II. Погибли и храм, и император. Увы, такой же скорбной судьбы не избежал и Преосвященный Владимир, Епископ Самарский и Ставропольский, который освящал храм в своё время.

Святитель Владимир (в миру Василий Никифорович Бого-явленский) родился 1 января 1848 года. Отец его был священником. В 1874 году он окончил Киевскую Духовную Академию и в течение семи лет преподавал в Тамбовской семинарии. Известно, что в 1888 году он был возведён в сан епископа Старорусского викария Новгородской епархии. В 1891 году получил назначение в Самарскую епархию.

После Самары пять лет как управлял святитель Грузинским экзархатом в сане Архиепископа Карталинского и Кахетинского. В 1898 году Высокопреосвященный Владимир был назначен митрополитом Московским и Коломенским, Свято-Троицкой Сергиевой Лавры священно-архимандритом. В 1912 году, когда скончался первоиерарх Православной Российской Церкви митрополит Петербургский и Ладожский Антоний, его место принял митрополит Владимир.

Если верить газетным архивам, митрополит Владимир оказался первым среди расстрелянных русских православных архиереев. Это произошло 25 января 1918 года в Киеве, куда он в своё время был переведён на кафедру митрополита Киевского.

Перед смертью святитель благословил своих убийц и сказал:
— Господь вас да простит.

Когда-то, в год освящения нижнего храма Христа Спасителя, 12 февраля, при открытии в Самаре епархиального Братства, Преосвященный Владимир в слове своём определил главную задачу христианского Братства как духовное совершенствование и воспитание в людях сострадания и взаимной любви.

Он и перед лицом насильственной смерти остался верен Богу и своим идеалам.

А как живём мы?

Совсем недавно был на заводе, где по моей просьбе рабочие взялись изготовить надгробный памятник на могилу Григория Журавлёва. По замыслу он должен в миниатюре напоминать контурами храм Святой Троицы. Эскиз его мы рисовали с о. Анатолием у него дома.

Спрашиваю рабочих:

— Всё по проекту?

— Да, но кое-что и сами придумали.

Изготавливают они его безвозмездно и в нерабочее время. Отрадно и грустно. Похоже на зализывание ран, которые мы руками наших дедов и отцов нанесли сами себе.

* * *

Я пытаюсь теперь многое осмыслить для себя заново. Но, признаюсь, часто не нахожу ответа. И говорю об этом с горечью. Но я, кажется, вижу спасительную соломинку, за которую ухватившись, человек может обрести душевное равновесие. Это созидание физическое и духовное. И это уже, кажется, понимают многие. Ведь как у нас повелось? Для нас подвижка к компромиссу — едва ли не подлость (кто не с нами — тот против нас). Но в наше время так уже нельзя. Надобно человека слушать и слышать. Христианство призывает к этому. Нравственные основы его позволяют надеяться на выход из вандализма, к которому мы скатились.

Православие сообщило в своё время нашему народу свойство соборности, драгоценнейший дар, удержать который полностью в своих руках мы, увы, не смогли. А ведь соборность — это духовная общность русского народа, основанная на общем служении, на понимании и исполнении общего долга.

Утрачивая чувство соборности, мы теряем и былую державность, то есть чувство долга, ответственность, патриотизм, сознание каждым ответственности за всех, ответственности каждого за нравственное здоровье общества и крепость государственных устоев. Попристальнее бы взглянуть в себя! Посмотреть друг на друга!

Мне рассказывали, что человек, который сам давал команды рвать трактором крест с утёвского храма Святой Троицы, когда уже наша власть официально разрешила религию, пришёл в церковь и пожертвовал на её восстановление триста рублей. Что это? Раскаяние или просто бывший тёртый чиновник вновь держит нос

по ветру? Дух ханжества, боюсь, во всех наших делах витает, как и прежде...

Мы яростно боролись против Бога, но оказалось, что эта борьба направлена против самих себя, против человека.

Красота спасёт мир? Увы, я крепко сейчас сомневаюсь в этом. Я думаю, что мир могут спасти разум, разумность. Уровень воспитания и образованности, интеллигентности, интеллект. Красоту надо спасать нам с вами. Народная мудрость гласит: всё хорошо, что в меру. А меру определит уровень культуры, разумность. Но этого никогда не будет, если мы каждого, кто образованнее и умнее нас, будем считать чуть ли не личным врагом.

Я — эмоциональный человек, эмоции — это прекрасно! Тем более если положительных больше, но разумность — вот рычаг, который может нас спасти сегодня. И в определённой степени рациональность...

Когда в характере нетерпение, подавление чужого мнения, на это уходит энергия, а объединённая на основе компромисса, эта сила идёт на созидание. Именно созидания не хватает сейчас для возрождения крепкого экономического уклада в городе и деревне. А для этого нужен духовный стержень.

Не могу сейчас полностью принять известную установку Ф. Достоевского: «Кто в Бога не верит, тот и в народ свой русский не поверит».

Если человек неверующий, куда ему податься? И большая часть нашего народа пока неверующие, так вот получилось с нашим обществом.

Как и большинство, я верю в свой народ, в будущность его. Здесь многое ещё надо понять, но начинается это понимание с бережного, пристального отношения друг к другу, к нашему прошлому и настоящему.

...Я уверен: мне повезёт с находками, связанными с именем Григория Журавлёва, поэтому думаю, что и записки мои на этом не заканчиваются.

1992 г.

**Часть
вторая**

ОБРЕТЕНИЕ ГОЛОСА

3 апреля 2005 года на Крестопоклонную неделю игумен Самарской Епархии Корнелий и отец Анатолий освятили перед подъёмом долгожданные колокола¹. И на праздник Благовещенья, 7 апреля, впервые после восстановления Храма Святой Троицы над Утёвкой разлился колокольный перезвон.

Заговорила звонница из восьми колоколов. И среди них самый большой — колокол «Григорий», названный так в память о художнике Журавлёве.

Храм Святой Троицы обрёл голос.

Эти записки я делаю спустя более трёх десятков лет после того, как впервые начал собирать материал о Журавлёве, и пятнадцать лет — после выхода первого издания этой повести «Радостная встреча». Теперь она стала первой частью этих моих записок, которые я решил продолжить. Прибилась душа к нерукотворным иконам художника, к его дару.

Мы и обезножили, и обезручили на нашем пути выживания.

А он в своё время преодолел многое... И сумел не только преодолеть!

Не огрубел, не разуверился. Сохранил мужество и ясный взгляд на мир. Создавая красоту, завещал и нам свой дар веры.

Прозорливый художник!

Душевное волнение тех, кто хотя бы раз видел работы Григория Журавлёва, не случайно.

Истинные православные иконописцы приступали к написанию икон только после длительного поста и молитв. До того как взять

¹ Храм Святой Троицы был освящён Архиепископом Самарским и Сызранским много раньше, в 1991 году, в день памяти Георгия Победоносца.

кисть в руки, они стремились к нравственному очищению. Писание икон для них было актом высокого духовного творчества.

Именно так!

По-другому нельзя думать и об иконах Журавлёва.

Они продолжают объединять людей, плачущих порознь над одной бедой. Заставляют вновь вспоминать об утраченной соборности нашей.

Я об этом говорил и раньше. Но как резко изменилось наше общество после 91-го года. Нельзя молчать об этом...

Восстановление утраченной соборности взамен насаждаемого теперь эгоистического индивидуализма — вот какая духовная работа предстоит всем! Надо вернуться в Церковь! Число верующих растёт!

Но как наступательно в последние годы развернулись силы, работающие на растрение, разложение души... Такого не было до перестройки.

Игромания, наркомания, преступность, цинизм и пошлость телевидения...

Вместо свободы слова — свобода для разложения общества. Больно уж силы неравные.

Об этом думалось под звон колоколов.

Об этом и моё стихотворение, родившееся у старинных стен Храма:

*Звонят колокола в соборе Троицком,
Птичий грай на краю моего села.
Жизнь наладится, жизнь устроится,
Только б с рельсов она совсем не сошла.*

*Только б она с металлическим лязгом
Не прошла колесом по больной груди.
Что дадут нам политические дрызги?
Там ли ищем спасительные пути?*

*На магистралях чужих не устроиться,
Своих не имея, напрасно пенять.
Звонят колокола в соборе Троицком,
Впереди бессонная ночь у меня...*

* * *

...И как спасительное приходит понимание простой, казалось бы, очевидной истины: мы выживем только при высокой вере, укреплении духа и сбережении друг друга.

Готовы ли мы к этому?

Готовы ли к восстановлению истинных ценностей внутри себя, чтобы потом восстановить их вовне? Восстановить православную духовность нашу, религиозно-нравственные опоры, без которых наше национальное самосознание погибнет?

Вернуть державность, источником которой всегда была Церковь, готовы ли?

В САМАРСКОМ ЕПАРХИАЛЬНОМ ЦЕРКОВНО-ИСТОРИЧЕСКОМ МУЗЕЕ

Я помню своё волнение, когда 14 мая 1997 года открылся долгожданный Самарский епархиальный музей, созданный по инициативе архиепископа Самарского и Сызранского Сергия.

В музее три зала, два из них отведены под постоянную экспозицию и один — под выставки.

В историческом зале экспозиция посвящена истории Православной церкви в Самарском крае.

Здесь находятся документы, фотографии архиереев, возглавлявших Самарскую епархию.

Представлены документы из жизни подвижников благочестия Самарского края.

В этом зале находится мемориальная келья митрополита Мануила (Лемешевского), одного из известнейших иерархов Русской Православной церкви XX века.

Владыка, будучи около 25 лет в ссылках и лагерях, совершил научный подвиг. Им написаны биографии всех русских архиереев, начиная с Крещения Руси и до 60-х годов XX века.

В мемориальной келье помещена картотека с библиографическими ссылками к его труду.

В зале церковного искусства один из разделов посвящён утёмскому художнику Григорию Журавлёву.

Я рад, что наконец-то материалы о Григории Журавлёве оказались в надёжных руках и они не будут утеряны, как это случилось в школьном утёвском музее.

С каким интересом архиепископ Сергей держал в руках мою рукопись о художнике «Радостная встреча»! Он тогда благословил её и дал особый свет моей книге о земляке:

«Слава Богу, что в наше время восстанавливается историческая действительность и воздаётся должное таким талантам, как живописец Григорий Журавлёв. Рождённый с недугом, но имевший глубокую Веру и силу Духа, он творил во имя Бога и для людей.

Его иконы несли Божественный Свет, помогая людям. Призываю Божие благословение на автора и на его повесть, открывающую людям путь к Свету и Правде».

Эти слова его посвящения, предварившего книгу, и до сей поры по-особому освещают все мои поиски, связанные с жизнью Григория Журавлёва, чьи иконы разошлись по всей Руси и за её пределы.

После выхода в «Волжской коммуне» моего очерка «Утёвские находки» архиепископ живо расспрашивал о том, где и что сохранилось из написанного художником.

...Сейчас в музее находятся пять икон Журавлёва. Три из них взяты на временное экспонирование из Самарского областного историко-краеведческого музея имени П.В. Алабина. Это — «Млекопитательница», «Пресвятая Богородица Смоленская» и «Взыскание погибших». Четвёртая — «Жены Мироносицы» — из Утёвского Троицкого храма.

А вот — пятая! О ней особый разговор. Было известно, что где-то в Казахстане есть икона Журавлёва. И она нашлась! И помогли этому выход в свет книги о Журавлёве и создание после этого в музее экспозиции о художнике. Эта находка как отклик. Икону передал епархиальному музею Алексей Мокиевский, который служит в одной из русских церквей в Казахстане в городе Хромтау. Подарил он её 1 января 1999 года. Икона деревянная. На ней изображены святые Кирилл и Мефодий.

Надпись гласит: «Сия икона писана зубами в Самарской губернии Бузулукского уезда Утёвской волости такого же села крестьянином Григорием Журавлёвым, безруким и безногим. 1885 г. 2 сентября».

Икона средних размеров, схожих с иконой «Млекопитательница», о которой я уже писал.

В славянском православии создатели славянской письменности братья Константин (получивший незадолго до смерти монашеское имя Кирилл) и Мефодий почитаются как святые равноапостольные «учителя словенские».

Они происходили из византийского города Фессалоники. Их отец по имени Лев был офицером при стратеге (военном и гражданском губернаторе) фемы Фессалоник. Семья состояла из семи сыновей. Михаил (Мефодий) — старший, Константин (Кирилл) — младший из них. После того как они, создав славянскую азбуку, перевели Евангелие и Апостол на славянский язык, папа римский Андриан позволил им отслужить четыре литургии на славянском языке в католическом Риме, в том числе в соборе святого Петра.

Кирилл и Мефодий не только создали азбуку, которой и в настоящее время пользуются многие народы, но и открыли возможность славянам молиться на родном языке.

...Когда я уходил из музея, хранительница его Ольга Ивановна Радченко дала мне адрес Алексея Мокиевского. Мне предстояла встреча с человеком, прикоснувшимся к истории жизни Журавлёва.

Летом 2006 года я вновь побывал в музее. Теперь рядом с иконами Журавлёва находится ксерокопия книги «Ветхий Завет в картинках», принадлежавшей когда-то утёвскому художнику. В ней его карандашные рисунки.

Об этой книге, недавно вернувшейся на родину иконописца, я расскажу чуть позже.

ДАР ВЕРЫ

С тех пор, как я стал заниматься сбором материалов о моём земляке Григории Журавлёве, судьба подарила мне немало интересных встреч и событий. Григорий Журавлёв удивительным образом соединяет незнакомых людей. Ни время, ни расстояния тому не помеха. Этот его дар уникален. Моя книжечка «Радостная встреча» стала для меня проводником в городах и сёлах. Совсем незна-

комые люди оказываются близкими по духу. Объединяющая сила дара моего земляка огромна и органична. Просветление лиц и душ при упоминании его имени происходит на глазах. Мы, запутавшиеся в своей безобразной перестройке, все силы положившие на выживание, вдруг обнаруживаем в Журавлёве столько мужества, что становится совестно за своё безверие и слабость.

Художник и кинодокументалист Борис Григорьевич Криницин увидел в церковно-археологическом кабинете в Сергиевом Посаде мою книжку о Журавлёве. Попросив на время, он прочёл её и загорелся написать сценарий документального фильма. Как потом он мне рассказывал, сценарий был послан на конкурсный отбор высшему киношному руководству. Среди десятков сценариев занял первое место, и Российская киностудия документальных фильмов «Отечество» получила финансирование для съёмок фильма.

И вот сценарист и режиссёр будущего фильма Борис Криницин и оператор Геннадий Макухин сидят у меня в самарской квартире. Мы слушаем запись воспоминаний девяностолетнего старика Корнева о Журавлёве, ту самую, о которой я писал ранее. Старика Корнева давно уже нет в живых. Дом, где родился и жил Григорий Журавлёв, внешне изменился. Деревянный сруб пятистенника новые хозяева обложили кирпичом. Не изменился записанный на плёнку голос Корнева. Он завораживает своей чистотой.

Два следующих дня Криницин и Макухин вели съёмки в епархии, в музее. На третий день я отвёз их в мою Утёвку, на родину Григория Журавлёва. Там, под крылом директора школы Валерия Ивановича Кузнецова, они пробыли с неделю. Жили в лесу, в трудовом лагере около большого озера Лещёвое. Я приехал к ним под конец съёмок. Их было не узнать. Такие же интеллигентные, сдержанные, негромкие, они были самими собой и здесь. Но... лица! Они стали открытее, взгляд стал мягче и спокойнее...

Я приехал не один, а пригласил с собой своих друзей.

...Купались в Самарке, сидели на жёлтеньком песочке, разговоры разговаривали. Обо всём. О главном и о мелочах жизни. Попели русские песни на обрывистом песчаном берегу...

Материала о художнике оказалось вовсе не на пятнадцать минут, а, как минимум, вдвое больше. И у Бориса Григорьевича уже роились мысли, как пробить вторую часть сценария. Мы с ним саженьками, как в детстве, переплыли быструю Самарку. Нас снесло

течением вниз и не спеша потом шли по пояс в воде вверх, возвращаясь к костру. Борис говорил:

— Я посмотрел за неделю на жизнь сельскую, на вас всех сегодня... Знаете, Россия жива!.. Она будет жить вечно! Её не побороть ни на поле брани, ни хитроумными планами из-за моря.

— Но разве это не видно в столице?

— Слишком много суеты в Москве...

Я взглянул на него, на его иконный лик, и мне вдруг показалось, что это не режиссёр Криницин, а Григорий Журавлёв смотрит на меня и на всех нас. Смотрит выжидательно и с надеждой.

Когда прощались, Борис Григорьевич обронил:

— Вы знаете, у меня набралось материала для целого документального фильма о вашем селе минут на сорок-пятьдесят. О вас, о нас, россиянах, живущих сейчас. Это надо делать, пока мы живы. Нам надо сказать самим о себе!

Я не возражал. За семь дней, которые были знакомы, мы начали о многом одинаково думать. И верить одинаково.

Он уехал в Москву монтировать фильм, а у меня на столе остался его подарок — копия сценария фильма о Григории Журавлёве «Дар Веры».

Я несколько раз перечитывал его.

Потом вышел фильм.

В мае 2001 года на VII фестивале «Православие на телевидении» фильм «Дар Веры» получил заслуженное признание.

Автор сценария и режиссёр Борис Криницин был награждён Серебряной медалью «...за произведение, имеющее высокое художественное достоинство и утверждающее христианские ценности».

Чуть позже в журнале «Искусство кино» Нея Зоркая в статье «Чудо судьбы» писала:

«И всё-таки есть особая радость для всех нас в том, что такой человек был, что человек может быть таким... Дар веры, дар любви, которым щедро был награждён Григорий Журавлёв, сочетался с даром истинно христианской доброты — им-то, последним, и проникнут фильм «Дар Веры».

Я читал эту статью о Григории Журавлёве и всё-то думал, что многое о художнике так пока и не сказано...

ИЗ ИСТОРИИ ИКОНОПИСИ

Известно, что мастерство иконописи пришло к нам как часть греческой православной культуры.

Проводниками этой культуры были греческие митрополиты, монахи. Греческие зодчие и иконописцы явились основоположниками культурных и художественных ценностей Православной Руси. Русские иконописцы переняли у греков не только образный, символический метод изображения святых, но вместе с тем и технические приёмы в изготовлении икон. И это неукоснительно соблюдалось ими в течение семи столетий до реформ Петра I.

Процесс изготовления иконы технически был строго определён. Деревянная доска, чаще всего липовая, была основой её.

Игумен Филарет (Соловьёв), настоятель Свято-Ильинского храма (пос. Палех Иваново-Вознесенской епархии) в статье «Состояние русской иконописи в XVIII веке. Иконопись Палеха» так описывает эти операции:

«На доску наклеивалась «паволока» — редкий холст, покрывавшийся толстым слоем алебастрового грунта, замешанного на рыбьем клее. На грунт наносился рисунок, прочерчивался иглой, накладывались тончайшие листы золота или серебра».

Мне, чей ум основательно «подпорчен» техническим образованием, любопытны все эти подробности. И я приведу ещё небольшие выдержки из статьи упомянутого выше автора, так достовернее: «Живопись, начиная с IX века, выполнялась исключительно темперой — краской, стёртой на яичном желтке. Процесс написания иконы также разделялся на особые этапы, общий принцип которых заключался в последовательном наложении одного слоя краски на другой...

...При таком трепетном отношении к самому технологическому процессу иконописание часто превращалось в некий священный обряд, тайнодействие...»

Но русские мастера, как отмечает упомянутый автор, к высказываниям которого я буду возвращаться, не были слепыми подражателями греков. Творчески переосмысливая, обогащая эти традиции, они обновляли их своим духовным содержанием и, опираясь на приёмы византийцев, выражали новые высоты православного духа.

Великие образцы икон XV-начала XVI веков, созданные замечательными русскими иконописцами: преп. Андреем Рублёвым, Дионисием и их учениками — сделали своё время золотым веком русской иконописи.

В конце XVI-XVII веков возникло новое развитие иконописи.

Так называемая «строгановская школа» поражала глаз зрителя уже не высоким богословским языком, не духовной силой, как отмечает Игумен Филарет, а яркой национальной самобытностью, тонкостью письма, внешней привлекательностью.

«С реформой Петра I меняется уклад религиозной жизни народа, иконопись, в первую очередь — столичная, теряет свои вековые традиции и принимает западную, католическую ориентацию».

В это время появилось немало характерных для своего времени произведений, в которых заметно снижение художественного уровня.

«К другой группе произведений иконописи принадлежат работы живописцев-академиков: В.А. Боровиковского, О.А. Кипренского, В.А. Тропинина, А.Г. Венецианова. Это иконы высокого художественного уровня, но выполненные представителями реалистической школы, писавшими наравне с религиозными картинами и светские сюжеты. В 1856 г. в Академии художеств был специально создан класс православной иконописи. Выполненные его воспитанниками иконы-картины, а также росписи Исаакиевского собора в Петербурге, Храма Христа Спасителя в Москве, сделанные знаменитыми академиками (К. Брюлловым, Ф. Бруни, П. Семирадским и др.) окончательно утвердили господство в церковном обиходе живописного реалистического направления».

Так со временем утрачиваются традиционные регламентированные приёмы письма икон. Приходит с запада укоренившаяся там техника масляной живописи. Она заменяет темперу. Вместо дерева чаще начинает использоваться холст.

Фон картин уже не сверкает листовым золотом. Его заменили коричнево-чёрная и синяя краски.

...В провинции, в глухих окраинах России традиционные формы иконописи сохранились, поражая не манерой исполнения, но духовным величием. Яркий пример тому — небольшие сёла Владимиро-Суздальской Руси: Холуй, Мстёра и Палех.

Очевидно, благодаря Григорию Журавлёву к этому ряду можно отнести и Утёвку.

Писание Журавлёвым икон чаще всего на дереве и без позолоты объясняется, видимо, той же причиной, как это было и в сёлах Холуй и Мстёра, да и в других окраинах России: дешёвая икона в крестьянской среде была доступнее. У Григория есть иконы и на золоте...

Оставим специалистам определять стиль и пристрастие в манере писания икон Журавлёвым. Отметим несомненную одухотворённость, которую они излучают.

НА ГЛАВНОЙ ПЛОЩАДИ САМАРЫ

Весна 2005 года для меня оказалась необычной.

Я заболел и попал в больницу нефтяников, которая расположена на улице Льва Толстого в Самаре. Но не о том речь.

Вскоре я стал выходить на прогулки во двор. В один из дней безотчётно потянуло на улицу, а потом дальше — на площадь Куйбышева. Захотелось простора.

...Шагая по улице Чапаевской, пересёк улицу Красноармейскую, обрадовавшую привычным городским движением, и глазам моим открылось необычное.

Будто небесные заоблачные воздушные парусники-ладьи заполнили сквер на площади. Белого среди зелёного было так много, что его не заслоняло многоцветье людского потока. Оказывается, здесь открылась фотовыставка Виктора Пылявского, о которой он мне говорил ещё зимой.

Войдя в сквер, я был поражён: с небесных высот на серый асфальт, затоптанный тысячами ног, будто спустились облака-паруса, чтобы, расправив полотнища свои, явить божественную красоту.

С высоты птичьего полёта, в парении Виктор сфотографировал почти все церкви нашей Самарской области. И открылось чудо!..

Зоркой душой он почувствовал необычайную красоту ещё на земле. Преодолев земное притяжение, воспарил, чтобы показать её людям.

Я бывал у него дома. Смотрел некоторые его фотографии. Теперь я видел его работы под ясным куполом неба. Это сильно волновало.

Свежесть красок, ёмкие и точные тексты не отпускали. Очарованный, медленно шёл я от одного удивительного стенда к другому. Я чувствовал себя счастливым ребёнком. О недуге своём забыл. Забыл и о том, что надо вовремя вернуться...

В конце выставочного ряда новая радостная волна — Утёвский храм Святой Троицы и цветная копия портрета Григория Журавлёва.

Этот портрет нарисовал маслом несколько лет назад по моей настоятельной просьбе заводской художник Николай Колесник.

Не сразу он согласился.

Николай уже пробовал написать копию «Утёвской мадонны». Но выходило тяжеловесно и далёким от манеры утёвского художника.

Кажется, портрет Григория Журавлёва получился удачным. После нашего знакомства в 2004 году Виктор Пылявский сделал несколько фотокопий его. Одну я подарил музею города Нефтегорска, другую — в Утёвский храм Святой Троицы.

Теперь Григорий Журавлёв смотрел на меня знакомым открытым взглядом.

Ликом художника завершал свою чудо-выставку Виктор Пылявский.

Мне, вырвавшемуся из душной больничной палаты, всё было как подарок.

Эта выставка была совсем недалеко от того места, на той же площади, где когда-то стоял Самарский Кафедральный собор во имя Христа Спасителя. И это показалось мне не случайным.

Будто созвонившись, собрались православные храмы сюда на день памяти когда-то самого главного Самарского Кафедрального собора.

Когда выходил из сквера, в будочке увидел журнал отзывов посетителей выставки.

Я раскрыл его.

Сердца писавших были полны удивлением и благодарностью. За каждой записью виделся взволнованный человек. Какая же это радость: знать, что ты живёшь внутри искреннего, верного народа. И ты — частичка его!

«Спаси Вас Господи за великий труд! Выставка разбудила покаянное чувство, помогла осознать грех наших предков-разрушителей. Ведь этот грех и на нас!»

Помогла понять высокую роль человека-созидателя на земле, радость от того, что мы живём на такой прекрасной земле, и одновременно — горечь за наше неразумие. Прости нас, Господи!»

Это написала семья Мерниковых из города Самары.

А вот слова самарской учительницы С.Ю. Ивановой:

«Восторг!!! Спасибо за несколько часов счастья! Слёзы льются! Ухожу с выставки, зная точно, что приду ещё раз. Приведу всех своих родных и знакомых.

Наверное, мне трудно теперь будет ставить двойки своим ученикам!»

И такая есть запись:

«Я, Бурлаков Владимир Степанович, 1955 года рождения, уроженец Кинель-Черкасского района. Отслужил в армии двадцать семь лет, шесть лет — на Кавказе.

...Спасибо Вам, что Вы даёте людям чистоту. Мне всегда было обидно за Русь. Я семь лет служил в Венгрии, Прибалтике и видел, как там люди относятся ко всему хорошему, красивому. Мало что рушат, а больше создают.

На Руси выбивали грамотных, трудолюбивых. Осталась серость, и в настоящее время снова идёт растление народа, особенно молодёжи. Мне обидно за Державу».

Я уже намеревался уходить, когда вдруг мелькнула запись в журнале, всколыхнувшая в памяти немало. Всё время, пока я собираю материал о художнике Журавлёве, мне верилось, что написанная им «Утёвская мадонна» не может исчезнуть бесследно. Не должно такое свершиться!

И вот читаю в журнале отзыв:

«...Мне шестьдесят три года, много пережил и испытал. По профессии журналист, по призванию романтик с верой в прощение Спасителя. Я никогда не видел такой красоты и глубины художественных фоторабот в сочетании с историческим комментарием и исполнением элементов чудес и легенд.

Фантастически чарующая красота!

К сожалению, я только рядовой пенсионер и не могу ничего подарить взамен впечатляющей картины Вашей выставки, кроме благодарности и признательности за Божий дар видеть и передавать увиденное людям. Низко кланяюсь! Храни Вас Господь!

Р.С. У моей дочери Лены, кстати, есть одна из работ Журавлёва. Икона Мадонны в крестьянском головном уборе. Он это икону написал, держа кисть зубами. Не знаю её точного названия. Живём мы с ней в Самаре недалеко от места Вашей выставки».

Подписи под текстом не было.

Таинственная «Утёвская мадонна» где-то рядом с нами, в Самаре! Но сокрыта от людей!..

Это показалось мне таким несправедливым делом!

Но настроение не упало. Верилось: если картина у добрых людей, они и поступят по-доброму. И в конце концов она будет радовать нас. Её место — в музее.

Жизнь продолжается. И будут новые обретения!

Какие?

«Жизнь покажет, — успокаивал я себя, — тем она и прекрасна, что несёт в себе неожиданные встречи».

Возвращаясь с площади, я всё думал о Журавлёве и Пылявском, размягчённый и этой встречей, и своим выздоровлением. Невольно вновь удивлялся простой истине: как прекрасен человек, привносящий в этот мир своими делами красоту и добро!

Такой человек никогда не исчезнет в небытие.

Красота и добро бессмертны!

БЕСКОРЫСТНЫЕ ПОМОЩНИКИ

Стоит, как и прежде, в Утёвке на улице Самарской под номером восемнадцать дом, в котором жил до конца своих дней художник Григорий Журавлёв.

В последние годы дом внешне изменился. Новые хозяева обложили его снаружи по периметру красным кирпичом, почти в тон церковным стенам.

Давно уж нет моего деда Ивана. Не стало старика Корнева. Они видели Григория Журавлёва, были его современниками. Нет в живых и Марии Емельяновны Пестимениной.

Увы, теперь просто физически не может быть тех, кто видел живого Журавлёва. Прошло девяносто лет после его смерти. И на нас лежит особая ответственность. То, что знаем, надо сохранить. Не исказить, не переиначить.

Фигура художника настолько самобытна и самостоятельна, что не нужны никакие идеологические и иные костыли. Ни к чему наведение глянца, выдумывание и написание душещипательных сцен из его жизни.

Журавлёв достоин огромного уважения. Но беллетристам не терпится. Множатся вариации описаний жизни художника, в которых допускаются, по незнанию, в спешке, досадные искажения и вымысел.

Тогда как сами документы, факты порой бывают вещью фантастической.

Я так и не побывал повторно в Троице-Сергиевой Лавре и не сделал фотокопию иконы Журавлёва «Лев — папа римский». Но у художника теперь и кроме меня помощников немало.

Работники библиотеки села Зуевка в 2004 году были там и привезли копию этой иконы. Теперь она — в Троицком храме.

А в 2005 году в храме появились ещё три иконы. По утверждению жителей села, они написаны Григорием Журавлёвым.

Это иконы: «Спаситель с предстоящими», «Святитель Николай», «Господь Вседержитель».

Все эти годы шла кропотливая работа.

Продолжается она и теперь.

Ещё 19 ноября 1996 года вышло Постановление администрации Нефтегорского района о выделении 100 тысяч кирпичей на строительство разрушенной когда-то колокольни. В 1997 году был готов проект на её строительство. Его выполнили в Самарской архитектурной академии. Помог в этом Анатолий Карпенко — уроженец села Утёвка. Он оплатил работу и подарил проект Троицкому храму.

Строить колокольню начали только в 2003 году. До этого не было средств.

Завершив к осени кладку, купол поставили в октябре 2004 года. Строили всем миром. Помогали техникой и деньгами местные жители Александр Фёдорович Киселёв, Сергей Александрович Золотарёв. Оказывая финансовую помощь, многое и в организации работ взял на себя директор Нефтегорского агентства поддержки малого предпринимательства и среднего бизнеса житель Утёвки Владимир Иванович Петрушин.

Старые женщины-прихожанки разгружали и подносили кирпич. Носили раствор.

В 2005 году были приобретены в Воронежской фирме «Вера» восемь колоколов.

Самый большой колокол весит 650 кг. На нём в честь утёвского художника сделана надпись «Григорий». На колоколе весом в 200 кг надпись гласит, что сия звонница отлита в память всех, кто жертвовал средства на строительство колокольни и изготовление колоколов.

Николай Матвеевич Киселёв помог сделать ограду вокруг церкви, а житель села Домашка Геннадий Алексеевич Кривопапов приобрёл автомашину УАЗ-452 и подарил её храму. Всех помощников не счесть...

Отреставрирован купол церкви, заменён крест. В 2004 году выкопали и обустроили рядом с церковью колодец. Церковь теперь отапливается двумя газовыми котлами. Появился в храме в 2005 году звонарь Александр Давыдов. Ранее он служил в Тольяттинском мужском монастыре, пел в хоре. Имеет музыкальное образование.

При церкви действует свой крестильный дом. Строили его с 1991 года на свои средства.

Есть теперь и своя гостиница на шесть человек, столовая, библиотека.

Особое слово — о святынях Троицкого храма.

В 1998 году по благословению Высокопреосвященнейшего Николая Митрополита Нижегородского и Арзамасского в храме Святой Троицы помещены для святого поклонения частицы мощей преподобного Серафима Саровского.

С 1999 года в храме перед иконостасом в мощевике находятся частицы мощей всех Оптинских старцев.

Есть частицы мощей Вифлиемских младенцев-мучеников, мощей преподобных Максима Грека, Петра Муромского, Александра Чагринского.

Есть в храме частица камня от Гроба Господня, частица камня от Гроба Божией Матери, камень с горы Синай.

В конце 2006 года установили новый, резной из дерева иконостас. Ширина его — одиннадцать метров, высота — семь.

Теплится в храме неугасимая лампада.

Как и должно быть!

ПОРТРЕТ МОЛОДОГО ЧЕЛОВЕКА

Этот портрет мне подарили, зная о моих поисках, мои друзья, коллеги по работе: Николай Васильевич Давыдов и Анатолий Андреевич Петряев. Николай Васильевич Давыдов — мой земляк, родился в Утёвке.

Они случайно увидели его в букинистическом магазине в Самаре и поспешили купить.

На портрете изображён молодой человек.

Нарисован портрет на бумаге карандашом и помещён в раму под стеклом. Размер его 35x53 см, внизу в правом углу подпись: «Рисовал с фотографии зубами Григорий Журавлёв».

Кто изображён Журавлёвым и кто владелец портрета, мои коллеги не знали.

Ухватившись за возможность узнать хотя бы что-то дополнительно, хотя бы самую малость о художнике, я отыскал того, кто продал эту вещь. Случилось это осенью 2000 года. Бывшей владелицей картины оказалась женщина преклонных лет, живущая под Самарой в посёлке Кряж. Назвалась она Раисой Петровной Бондаревой.

Ничего нового, к сожалению, в разговоре с ней о Журавлёве я не узнал. Раиса Петровна живёт в квартире городского типа одна. Есть ветхий домишко за Волгой. Там она обитает на природе, «у воды», как она сказала, большую часть года. Поэтому мне и не удавалось довольно долго застать её дома.

Живёт одна, муж недавно умер. На портрете изображён дед мужа по материнской линии.

Муж очень дорожил, судя по её словам, этим портретом. Решилась она продать его только потому, что устала от безденежья. Говорила обо всём скупно, явно опасаясь давать какие-либо подробности. Их у неё, очевидно, много-то и не было.

Имя мужа называть не захотела.

О причинах осторожности нетрудно было догадаться, когда в конце разговора Раиса Петровна обмолвилась, что дед мужа после гражданской войны много скитался по стране. Долго на одном месте не жил. Потом пропал совсем. Как она сказала: «нашли» его. Более определённого что-либо говорить не хотела.

Возможно, это ещё одна трагическая судьба русского человека, попавшего в братоубийственный водоворот гражданской войны в нашем Отечестве.

Григорий Журавлёв умер в 1916 году, ясно, что писал он портрет до того, как оглушительные события поделили нас на красных и белых. Под конец разговора она всё-таки назвала того, кто изображён на портрете. По её словам это — Иван Соловьёв. В посёлок Кряж он прибыл в своё время с женой Феодосией Алексеевной из села Кинель-Черкассы.

Уходил я от бывшей владелицы портрета, чувствуя на себе взгляд много повидавшего в жизни человека. И научившегося лишнего не говорить.

Портрет я передал в Нефтегорский краеведческий музей.

Существуют ещё два портрета, выполненных Григорием Журавлёвым, о которых я давно знаю. Пока найти их мне не удалось.

О них писал ещё в 1965 году Данилову бывший житель села Утёвка Михаил Семёнович Тимонтаев:

«...Теперь я познакомлю Вас с этими портретами, они нарисованы карандашом.

Размер 65x45 см.

Сбоку надпись чернилами: рисовал с фотографий зубами Г. Журавлёв.

Я напишу в Москву, может быть, сумеют сфотографировать без меня, на это надеюсь.

В отпуск съезжу в Москву и попробую сделать фото сам».

Чуть выше в этом же письме он пишет о Журавлёве примечательные подробности относительно его рук и ног. О том, как Григорий Журавлёв передвигался:

«Я видел его, когда мне было лет 11, видел, как он рисовал. Ног у него не было до половины голени, ходил он на коленях, где были подвязаны какие-то мягкие кожаные подушки. А вот про руки ничего не могу вспомнить, знаю, что их не было».

Фамилия владелицы, проживающей в Москве, указана: Ольга Евгеньевна Шамина. Адрес написан неразборчиво.

Вероятно, Ольга Евгеньевна — бывшая жительница села Утёвка. Шамины жили в Утёвке. В селе есть озеро Шамино.

Изображённые на портретах люди, возможно, её родственники.

ДЕНЬ ПАМЯТИ ХУДОЖНИКА

Много лет назад, собирая по малым крупицам материал о Журавлёве, я был крайне удручён скудостью документальной информации о художнике. И рукопись свою тогда назвал «На пепелище». Слишком, как мне казалось, многое из совершенного Журавлёвым было утеряно. И, возможно, безвозвратно...

Под таким названием повесть и вышла в свет в одном из моих прозаических сборников.

Но душа протестовала. Не хотелось верить в утраты.

Я и тогда, делая записи, ловил себя на мысли, что где-то когда-то появится человек, немного удачливее, чем я, и ему повезёт больше, чем мне.

Позже, во всех последующих изданиях, повесть мою я стал называть «Радостная встреча».

И не ошибся... Находки продолжаютя...

В конце 2005 года обнаружилась копия справки о смерти художника. Скорее всего, она из бывшего архива К.Е. Данилова.

Её передала утёвскому краеведу, истинному патриоту своего края, школьному учителю Анатолию Плаксину его бывшая ученица. Мы с ним посоветовались и решили, что её место в Нефтегорском районном детском музее. Справка с той поры хранится там.

Теперь мы точно знаем дату смерти Григория Журавлёва — 15 февраля 1916 года. Копия «Записи акта о смерти» под номером шесть заверена заведующей бюро ЗАГСа.

Точную дату рождения Григория Николаевича Журавлёва, к сожалению, пока документально мне установить не удалось. Можно думать, что она не была документально известна и К.Е. Данилову, который пишет, что умер художник в возрасте 57 лет. Кузьма Емельянович Данилов активно занимался установлением фамилий, дат рождений и смерти своих земляков.

Одним из самых старейших населённых пунктов Нефтегорского района является Красносамарская крепость, которая была основана в 1736 году в системе «Самарская укрепленная линия». Одновременно с основанием крепости была построена и церковь.

«Первое время жители сёл Покровка, Утёвка и других, расположенных вблизи Красносамарской крепости, были приписаны для отправления религиозных обрядов к церкви этой крепости... В этой церкви крестили новорождённых, бракосочетались и совершали религиозные обряды над умершими».

Так пишет Кузьма Емельянович в письме на имя заведующего Куйбышевским областным архивом ЗАГСа Трофимова. Далее он просит сообщить сведения о земляках с указанием имён и отчеств, возраста, дат рождения, смерти и так далее.

Существует интересный документ. Это записанные Кузьмой Емельяновичем воспоминания жителя Утёвки Спиридона Васильевича Трайкина о Григории Николаевиче Журавлёве. Они датированы 2 июня 1961 года.

В этих воспоминаниях Спиридон Васильевич отмечает: «Григорий старше меня более чем на 20 лет».

Тут же Данилов пишет, что Спиридон Васильевич родился примерно в 1880 году.

Может быть, сопоставление даты рождения (1880 год) Спиридона и его возраста (моложе Григория не более чем на 20 лет) и дало возможность краеведу определить возраст Григория Журавлёва.¹

Считается, что родился художник в 1858 году.

Уникальны следующие строки воспоминаний Трайкина:

«...В то время, когда родился Гриша явным уродом, мать очень плакала и хотела на себя от великого горя наложить руки, вместе с собой умертвить и Гришу, но Трайкин Пётр Васильевич, мой дедушка и отец матери Гриши, доказал вредность замысла своей дочери и матери Гриши. Он говорил ей, что Гришу будет растить сам и возьмёт его на своё обеспечение. Так он и сделал. Когда Грише стало 9 лет, дедушка Пётр устроил его в школу. До школы и из школы он возил Гришу в зимнюю пору на салазках в течение двух учебных лет, после чего дедушка Пётр умер и на этом закончилось учение в школе, так как некому было Гришу возить в школу.

Однако Григорий Николаевич не прекратил своего образования. Он стал учиться на дому самостоятельно. Помогал ему в этом

¹ Отметим, что газета «Самарские губернские ведомости» в январе 1885 г. писала о Журавлёве: «...имеющий в настоящее время около 25 лет от роду...»

учитель земской школы, фамилию, имя, отчество этого учителя¹ я не помню».

Спиридон Васильевич вспоминает, что Григорий «особо хорошо писал печатно по-славянски... Он хлопал кнутом лучше, чем отдельные люди, имеющие руки. Хлопая кнутом, брал кнутовище в зубы. Сам закуривал, пил из стакана или кружки воду».

И далее: «Григорий Николаевич имел большую голову, высокий и широкий лоб, серые большие глаза...»

Итак, из этих воспоминаний ясно, что мать Григория — это дочь Петра Васильевича Трайкина. Теперь мы знаем, что мать художника могла носить до замужества фамилию Трайкина. Возможно, когда-нибудь узнаем и имя её!

Знание точной даты смерти подтолкнуло земляков Журавлёва провести день памяти художника.

В конце февраля 2006 года в зале Утёвского Дома культуры собрались почитатели таланта Григория Журавлёва.

Мог ли я в своё время, даже в восьмидесятых, представить такое?.. Тогда воинствующий атеизм слабел, но не уступал дорогу... И на мои поиски продолжали смотреть в лучшем случае... с недоумением.

Делегацию руководства района возглавил глава администрации Сергей Николаевич Афанасьев, утёвский земляк художника и горячий его поклонник. День памяти был печальным, но светлым.

И осветило его особенное событие.

О ней рассказал житель Утёвки Владимир Иванович Петрушин.

То, что в Кошках есть альбом или книга с рисунками Григория Журавлёва, известно было давно.

Но Владимиру Ивановичу удалось эту книгу, которая называется «Ветхий Завет в картинках», вернуть в Утёвку. В этом его заслуга.

То, что она принадлежала Григорию Журавлёву, свидетельствует золотое тиснение на кожаном корешке: «Г. Журавлёв».

На вопросы, кем, где и когда сделано это тиснение, пока ответа нет. Но, возможно, и это нам станет со временем доступно. Не

¹ Очевидно, имеется в виду учитель Троицкий. Эту фамилию мне называл при нашей встрече и старик Николай Фёдорович Корнев, знавший Григория Журавлёва.

была ли она выполнена в иконно-столярной мастерской Журавлёва в Утёвке? Ведь у художника был опыт работы и с золотом.

Можно полагать, что книга была подарена ему царской семьёй. Но пока документального свидетельства тому нет.

...В тот вечер, с понятной всем радостью, мой земляк делился подробностями от поездки в Кошки.

Вот что он потом напишет в своей книге «Главное русло судьбы»:

«Книга эта много лет хранилась в витрине школьного музея села Старая Кармала Кошкинского района нашей области... Передала её туда Валентина Ивановна Китаева¹.

...Книгу «Ветхий Завет в картинках» привёз в Старую Кармалу художник, который в начале двадцатого века расписывал здесь церковь. Имени художника в селе никто не знает.

От него, видимо, эта книга попала в дом деда Валентины Ивановны Анисима Китаева. Он был человеком набожным, вместе с семьёй служил в церкви и даже был похоронен возле её стен».

Далее автор приводит отрывки из переписки директора Нефтегорской централизованной библиотечной системы С.В. Митрофановой с сотрудником Российской Национальной библиотеки (С.-Петербург) Евгением Кирилловичем Соколинским:

«15 марта 2004 года.

Уважаемая Светлана Владленовна! К сожалению, должен Вас разочаровать. Я сравнил присланные Вами гравюры (копии) с экземпляром имеющейся у нас книги «Ветхий Завет в картинках» (СПб.: Ф. Прянишников и А. Сапожников, 1846) и убедился, что это та самая книга, только у Вас дефектный экземпляр, без 12 страниц текста. Книга была подготовлена членами Общества поощрения художников. Рисунки Агина, гравюры на меди выполнил Афанасьев. Книга с посвящением герцогу Максимилиану Лейхтенбергскому. Рисунки выполнены в манере «очерка», требуют твёрдой руки и безруким художником написаны быть не могли.

Вероятно, Журавлёв пользовался ими при создании собственных икон в качестве образца...»

Становится ясным, что Журавлёв не был автором уникальной книги.

¹ Запись рассказа В.И. Китаевой находится в музее.

В другом письме, от 18 марта 2004 года, сотрудник института пишет, что тот экземпляр, который находится у них, содержит 12 страниц текста и 82 листа гравюр. У вернувшейся в Утёвку книги на обратной стороне многих листов когда-то прекрасной по качеству бумаги — карандашные рисунки, наброски ликов Божьей Матери, Христа...

Рисунки завораживают, трудно отвести взгляд...

Все ли они принадлежат кисти Журавлёва или тут потрудились и его ученики?¹ Не будем гадать...

Возвратил нефтегорцам эту дорогую им реликвию местный бизнесмен Владимир Иванович Петрушин. Это ли не обнадеживающая примета нашего времени? Предприниматель пишет об истории своего района добрую книгу «Главное русло судьбы», проникнутую сыновней любовью к родному краю, а бывший, воистину народный учитель местной школы Анатолий Васильевич Плаксин, радуется не только односельчан, а многих любителей истории, своей, написанной совместно с Павлом Фёдоровичем Кузнецовым, книгой «Древности Нефтегорского района» — результатом изучения археологических памятников района. Книга помогает восстановить основные вехи древней и средневековой истории Поволжья. Стоит радоваться за моих земляков.

Рассказ об обнаруженных карандашных рисунках Владимир Иванович Петрушин поместил в главке, которую назвал «Последняя находка». Это не совсем точно. Нам многое ещё предстоит узнать о нашем земляке. Конец 2006 года принёс новые встречи, а с ними — и новые находки.

Но об этом чуть позже...

¹ Сохранились два письма Кузьмы Емельяновича Данилова Василию Григорьевичу Попову, которого он называл учеником Журавлёва, с просьбой поделиться воспоминаниями о художнике. К сожалению, адрес Попова утерян. Заметим, что Василия Попова называл учеником Г. Журавлёва и Иван Харитонович Чекунов — один из тех, с кем переписывался К.Е. Данилов. Также в этом письме краевед просит сообщить, где живёт Михаил Хмелёв или его жена. Хмелёва он называет в письме тоже учеником иконописца. Кроме того, говорит о том, что у Хмелёва, по рассказам, после смерти утёвского художника «осталось кое-что из трудов нашего земляка Журавлёва». Может, книгу «Ветхий Завет в картинках» в Старую Кармалу привёз Михаил Хмелёв?

ХУДОЖНИК И ГУБЕРНАТОР

«...Однажды Свербеев раздобыл где-то безрукого и безногого живописца. Этот обрубок писал ему иконы, держа кисть в зубах. И вот губернатор вздумал подарить реальному училищу одно из произведений этого «художника» — икону «святых» Кирилла и Мефодия, специальностью которых считалось обучение и воспитание юношества. Эта икона с крупной надписью золотыми буквами «сия икона писана зубами» была поставлена на видном месте в актовом зале реального училища. Школьники, к величайшему конфузу учителей и директора, собрались толпами перед иконой и издевательски спрашивали начальство:

— Как же это можно написать икону не кистью, а зубами?

Свербеев, разъезжая по губернии, прежде всего являлся в церковь. Здесь он «прикладывался» ко всем иконам. Если они были поставлены на иконостасе высоко, ему подавали лесенку, а иконам, недосягаемым и при помощи лестницы, он посылая лобзания через свою трость.

Этот полоумный старик только по внешности был добродушен, в действительности же был злым, мстительным царским са-трапом».

Это строки из книги «Революционная Самара 80-90-х годов» старого большевика, соратника Ленина Матвея Ивановича Семёнова (Блан). Книга издана в 1940 году.¹

В своё время Семёнов за издание нелегальных прокламаций был выслан из Самары в Бугульму. Вернувшись в 1889 году в Самару, он познакомился с Лениным, под влиянием которого порвал с народничеством и стал на позиции марксизма.

Семёнов был одним из организаторов газет «Волна» и «Поволжская газета», в которых печатался под псевдонимом М. Блан.

¹ Впервые об этой книге воспоминаний я услышал, участвуя в съёмках документального фильма «Григорий Журавлёв», от заместителя главного редактора Самарской телерадиокомпании РИО Александра Викторовича Игнашова. Чуть позже – от президента этой компании Виктора Аркадьевича Добрусина. Фильм о Журавлёве снимался осенью прошлого, 2006 года. Оператор Сергей Шарганов и режиссёр Дмитрий Ионов уже смонтировали его, и в начале этого года он должен появиться на экранах областного телевидения.

После революции М.И. Семёнов работал комиссаром финансов, председателем страхового отдела ВСНХ, начальником Госстраха, в Госплане СССР.

Участвуя в съёмках фильма, заново переживая судьбу художника, я, может быть, впервые глубоко для себя осознал важность «тихого» мужества и мужества в искусстве Григория Журавлёва, которые так теперь необходимы нам.

...Если бы я и знал о существовании этих строк революционера Семёнова о Журавлёве и губернаторе Свербееве тогда, в конце восьмидесятых годов, вряд ли решился бы внести их в текст первой своей книги о художнике.

Слишком эти слова жестоки.

Теперь в большей степени понятна причина долголетнего забвения, в котором оказалось имя Григория Журавлёва.

У существовавшей тогда власти было своё отношение к таким людям конкретно и к Православию вообще.

Вот ещё одно свидетельство тому. Строки, которые я привожу, взяты из книги «Подвижники Самарской земли» авторов-составителей Игоря Макарова и Антона Жоголева издательства «Кредо». В них идёт речь о судьбе Преосвященного Владимира, который был в 1918 году расстрелян большевиками первым из русских православных архиереев (об этом я упоминал ранее, в первой части книги в главке «Незаживающая рана»):

«Во время голода в Самаре он (Преосвященный Владимир — прим. автора) учредил епархиальный комитет для сбора и раздачи пожертвований пострадавшим, сделал предписание об отчислении процентов из церковных наличных сумм, при всех монастырях и церквях приказал устроить столовые и чайные. В бездожде 1891 года архиерей учредил крестные ходы, причём трудился сам больше всех, а когда начались дожди, он призвал свою паству обратиться к Господу с благодарственной молитвой.

Самарский владыка не жалел сил и средств, чтобы спасти умирающих от голода. И в это же время в Самаре молодой помощник присяжного поверенного Владимир Ульянов всеми силами «разлагал» созданные комитеты помощи голодающим. Они были рядом в те годы. Епископ и революционер. Один спасал и кормил, другой «имел мужество открыто заявить, что последствия голода, этого могильщика буржуазного строя, — явление прогрессивное, ибо со-

действует росту индустрии и двигает нас к нашей конечной цели — к социализму, через капитализм... Голод, разрушая крестьянское хозяйство, одновременно разбивает веру не только в царя, но и в Бога, и со временем толкнёт крестьянина на путь революции, и облегчит победу революции». Этого факта достаточно, чтобы понять, что «кровавую баню» народу нашему «безусый» тогда ещё вождь готовил сознательно... Но в той, первой схватке владыка Владимир всё-таки победил: «Все, как один человек, по свойству русской души откликнулись на нужды пострадавших от неурожая. Пожертвования посыпались с разных сторон». Только в Самаре было собрано 26 тысяч пудов продовольствия.

Потом их пути разминулись. Но, видимо, «вождь пролетариата» не забыл своего самарского противника: зверское убийство митрополита Владимира, по замыслу «интернационалистов», стало «сигнальной ракетой», началом физического уничтожения цвета Русской Православной Церкви. Всё это можно было предвидеть ещё тогда, в голодный 1891 год. Ведь ещё в Самаре будущий «вождь» спокойно сказал, что с комитетом помощи голодающим «есть только один способ разговора: рукой за горло и коленкой в грудь». Так всё и случилось.

За одним бедствием Самару ждало другое. На опустошённую неурожаем губернию надвигалась с юга холерная эпидемия.

Епископ Владимир на холерном кладбище сам служил панихиды, на видных местах и площадях города устраивал молебны об избавлении от беды. Владыка своим пастырским словом убеждал население города не падать духом и пользоваться врачебной помощью. Нередко, несмотря на опасность, он посещал безнадежно больных в городских госпиталях.

Преосвященный Владимир способствовал учреждению в Самаре православного епархиального Братства, избравшего святителя Алексия своим небесным покровителем. В день открытия Братства, 12 февраля 1892 года, епископ Владимир так определил его главную цель: нравственное совершенствование и воспитание в людях сострадания и взаимной любви.

В то время, когда его расстреляли, в Москве проходил Поместный Собор Всероссийской Православной Церкви. Весть о мученической кончине старейшего иерарха потрясла всех членов Собора.

Собор постановил творить ежегодное молитвенное поминовение всех усопших во время гонений исповедников и мучеников в день кончины святителя — 25 января.

В 1992 году решением Архиерейского Собора Русской Православной Церкви митрополит Владимир был причислен к лику святых».

...Мы теперь больше стали знать.

Приведённая цитата помогает полнее понять, с какими зигзагами развивалось наше самосознание.

Итак, обнаружить дополнительные сведения, касающиеся Григория Журавлёва, можно было в документах о деятельности Самарского губернатора А.Д. Свербеева, раз он так опекал художника, помогал ему и был истинным верующим. Мне подумалось, что хорошо бы прочесть всё то, что писал М.И. Семёнов.

И тут мне стало известно от главного библиографа Самарской областной библиотеки, нашего замечательного земляка Александра Никифоровича Завального, что существовали дневники губернатора Свербеева. В них он вёл записи для себя, не стремясь их опубликовать.

Записки охватывали период с 1877-го по 1888 год. А самарским губернатором он был с 1878-го по 1891-й.

Икону славянских первоучителей Кирилла и Мефодия Григорий Журавлёв написал в июне 1885 года. К тому же, как теперь известно, икона св. Алексия, митрополита Московского, была написана художником по поручению губернатора А.Д. Свербеева.

Всё сходилось к тому, что в дневниках могли быть записи о художнике Журавлёве и его иконах.

Я воспрянул духом!

Надо было искать дневники губернатора!

И уж не до революционера Семёнова мне стало, не до его книг!

Не мог, как я полагал, не откликнуться в своих записках губернатор и на страшные события, связанные с крушением царского поезда, следовавшего из Севастополя в Санкт-Петербург 17 октября 1888 года.

Тогда погибли 23 человека и получили ранения девятнадцать. Царь Александр II и все члены его семьи чудом уцелели.

В память о чудесном спасении императорской семьи из разных концов России поступали подарки.

Самарские дворяне заказали икону для поднесения императорской семье Журавлёву, о чём свидетельствуют документы, хранящиеся в Государственном архиве Самарской области.

Указана и сумма, выплаченная Григорию Журавлёву за написание иконы, — 50 руб.

И эти события, как я полагал, губернатор Свербеев мог упомянуть в своих дневниках.

ДНЕВНИКИ ГУБЕРНАТОРА СВЕРБЕЕВА

Я позвонил Александру Никифоровичу Завальному и поделился с ним своими замыслами. Он тут же пригласил к себе, пообещав во всём помочь.

И вот я в областной библиотеке.

Александр Никифорович не только поддержал моё желание поработать с дневниками губернатора, но и дал справку о Свербееве. Как историк он немало знал о нём.

Тут же, в ходе обсуждения моих планов, он назвал место, где находятся дневники: РГАЛИ (бывший ЦГАЛИ) — Российский государственный архив литературы и искусства. Тот самый ЦГАЛИ, в котором хранятся многие документы, касающиеся известных писателей, поэтов, деятелей искусства.

Мы связались по телефону, работники архива нам ответили, что можно приезжать.

Через три дня я был в Москве.

Архив губернатора Свербеева меня ошеломил. Другого слова не подберу. Как мало мы знаем о жизни наших предшественников!

Как порой бездумно, с мнимой высоты современной жизни, смотрим на прошлое. Но там жизнь была... И какая!

Вначале я читал бессистемно. Не мог успокоиться.

«Каким мы знали князя П.Д. Волконского в ранней юности, таким остался он и теперь, в пожилых годах, после стольких переживаний, впечатлений, радостных и тяжёлых, и нельзя не удивляться, что милый его нрав совсем не изменился, что он так же добр и скромен и относится ко всем людям всякого звания и положения с неизмен-

ным благоволением и сердечным сочувствием. Такое постоянство и такая доброта свидетельствуют о том, что душа его полна любви к ближнему и сердце его побуждает его помогать всякому во всяком месте и случае, сохраняя великую скромность, несмотря на своё знатное происхождение и высокое общественное положение».¹

Это выдержка из записок А.Д. Свербеева «Чутовская хроника»² 1916 года. Разве пишущий такие строки мог быть сатрапом, как назвал его революционер Семёнов?

Так писал человек в последний год своей жизни для себя. Даже не намереваясь ничего печатать.

Он тихо радовался, что есть рядом такой человек. Мог ли он сам быть ничтожным и недобрым, говоря такие слова о других? Так каким же был десятый по счёту губернатор Самары Александр Дмитриевич Свербеев?

Необычным!

Это первое определение, которое мне тогда пришло на ум.

Удивил объём архива губернатора.

На материалы фонда составлена опись, включающая 769 дел (единиц хранения).

Александр Дмитриевич Свербеев принадлежал к старинному московскому дворянскому роду. Его отец Свербеев Дмитрий Николаевич — литератор, автор воспоминаний о событиях и общественно-литературных деятелях первой половины XIX века. Его «Записки» опубликованы в 1899 г. В разделе рукописей Д.Н. Свербеева содержатся его статьи и заметки «Поездка в Серпухов», «О статьях в газете», «Вести» и др. Среди его адресатов — К.С. Аксаков, Л.С. Норов, В.Ф. Одоевский. Ему писали: П.А. Вяземский, Л.С. Норов, К.С. Аксаков, С.А. Юрьева и др.

Мать Александра Дмитриевича (урождённая княгиня Щербатова) была хозяйкой известного в середине XIX века московского литературного салона. Среди корреспондентов Е.Д. Свербеевой: К.С. Аксаков, И.С. Аксаков, С.Г. Волконская, Н.И. Тургенев, Н.В. Гоголь, В.А. Сологуб.

Александр Дмитриевич Свербеев родился в 1835 году в Москве. В 1856 году окончил Московский государственный уни-

¹ РГАЛИ. Ф. 472. Оп. 1. Д. 105.

² Село Чутово на Полтавщине.

верситет. Он слушал лекции таких историков, как С.М. Соловьёв, Т.Н. Грановский. В архиве имеются его записи лекций Грановского по древней истории, а также его (Свербеева) очерки и статьи: «Нашествие татар на русскую землю», «Битва при Калке, 1224 г.», «О пользе истории» и др. Хранятся студенческий билет, указы и уведомления о наградах и служебных назначениях и др.

Служба Александра Дмитриевича началась 11 октября 1856 г. по ведомству министерства внутренних дел. В марте 1871 года он стал действительным статским советником.

Назначение на губернаторскую должность в Самару он получил 23 октября 1878 года и прослужил в этом качестве, как я уже писал, до 1891 г., затем был назначен сенатором. Утвердил нового губернатора в должности министр внутренних дел А.Е. Тимашев.

Брат губернатора Свербеева, Фёдор Дмитриевич, был камергером Двора Его Императорского Величества и курляндским губернатором.

Из материалов архива видно, что самарский губернатор много внимания уделял народному просвещению. Он сам составил описание школ, большинство из которых посетил лично.

Организовал борьбу с эпидемиями, посещал больницы. В период его правления активно развивается промышленность. Были построены в 1879-1881 гг. пивоваренный завод А.Ф. фон Вакано и механический завод П.М. Журавлёва (станкозавод).

Губернатор Свербеев принимал все возможные меры для прекращения революционной деятельности населения. На период его службы в Самарской губернии пришлось меры по подавлению революционной деятельности народников. Был он, несомненно, «просвещённым консерватором».

Есть достаточно свидетельств, что губернатор Свербеев внимательно относился к поступающим на его имя жалобам.

По его указаниям проверялись критические выступления газет. Он являлся председателем Окружного Правления Общества спасения на водах, был председателем правления Самарского общества любителей музыкального и драматического искусства. При его правлении в Самарской губернии было построено несколько церквей.

Он честно, с его точки зрения, исполнял свой долг, сочетая в себе преданность самодержавию и неприятие революционного

движения. О нём говорили как об администраторе с широким размахом деятельности, свободным от постороннего влияния человеком.

По свидетельству современников, губернатор был искренним почитателем самарского епископа Серафима (1878-1891), который говорил о себе: «Ни на какое дело я не напрашивался, но и ни от какого поручаемого мне дела я не отказывался».

Так что на сатрапа, то есть деспота, самодура, управляющего по собственному произволу, губернатор Свербеев похож не был, как бы о том ни писал революционер Семёнов.

В разделе рукописей архива десятого губернатора Самары значительное место как по количеству, так и по ценности занимают дневники. Их он вёл регулярно. Как нам теперь известно, ещё не будучи в Самаре, с 1877 года.

Мне более всего была интересна та часть записей, которая охватывала период управления им Самарской губернией.

Я насчитал в архиве 23 дневника губернатора. Они относятся к периоду, начиная с декабря 1877 года и кончая 1916 годом. Скончался их автор в 1917 году. Каждый дневник содержит от 40 до 240 страниц мелкого почерка.

Колоссальный труд. Записи делались, как правило, каждый день вечером.

Он называл их «Мои заметки».

Материалы в архиве подлинные.

Записки практически охватывают все стороны жизни Самарской губернии. В этом их несомненная ценность. И они являлись как бы подведением итогов каждого прожитого дня. Дневник губернатора — результат поездок его по волостям. Живой источник для исследования жизни предреволюционной России!

Однако я оказался не в состоянии всё внимательно прочесть. Очень мелкий трудночитаемый почерк и моё слабое зрение не позволили мне этого сделать. В конце концов я начал смотреть выборочно по датам, затем — наугад...

...Наконец-то я порадовался, наткнувшись на рукопись воспоминаний «На берегах Волги». Самара (1878-1891)». Текст записок написан крупно, разборчиво, в отличие от дневников. Подумалось, что уж здесь-то о моём земляке-художнике что-то будет сказано.

...Так хотелось найти документальные сведения о самых неосвещённых периодах жизни художника. О том времени, когда он учился в Самарской гимназии, ездил (его возили) в Петербург. Когда встречался с императором Николаем II, императрицей Александрой Фёдоровной и их детьми: Ольгой, Татьяной, Марией, Анастасией и цесаревичем Алексеем, коли он писал портрет царской семьи. (Если так было в действительности?)

Увы...

Быстро я прочитал девять страниц и на десятой споткнулся о неожиданное:

«В марте нынешнего года (1916) мне сообщил мой племянник князь Н.В. Голицын, что недавно в Академии Наук было сделано пожертвование, а именно — моих записок с приложенными в них документами; тогда я приказал принести тот чемодан, в котором эти заметки хранились, и нашёл в нём только тетради; оказалось, что остальные были похищены и проданы старьёвщику одним из прежних моих слуг...

Похищение это лишило меня всех собранных мною подробностей, которые были бы мне теперь особенно полезны».

Далее Александр Дмитриевич пишет, что хранил свой архив в спальне, но, когда заболел, прислуга вынесла всё оттуда в коридор. Так стало возможно похищение.

В ЦГАЛИ записки появились уже много позже его смерти. Таким образом, написать обстоятельные воспоминания о годах, проведённых на Волге, основанные на давних своих записках, губернатору помешала кража и последующая его смерть.

Но у меня всё же не пропала уверенность, что в дневниках имя художника должно было упоминаться.

Неделю я провёл за кропотливым чтением торопливых строчек. Но всё безрезультатно.

Зато наступил день, когда я обнаружил неожиданные находки. Да какие!

Письма Журавлёва к самарскому губернатору и к будущему царю Николаю II.

Речь о них — в следующей главе.

ПИСЬМА ГРИГОРИЯ ЖУРАВЛЁВА

Мне довелось обнаружить в архиве бывшего губернатора Свербеева четыре письма художника. Кратко скажу о них в хронологическом порядке.

В первом письме¹ к губернатору, датированном 29 декабря 1880 года, Григорий Николаевич пишет:

«В проезд Вашего Превосходительства через село Утёвку, Вы, вникая в благосостояние жителей села, не упустили из виду обратить внимание и на отдельных лиц общества, то есть на беспомощных, а в числе их коснулись и моего положения, как человека без рук, явившегося на свет Божий.

Ныне господин Бузулукский исправник предписанием от 24 декабря через Утёвское Волостное правление объявил мне милость, исходатайствованную Вашим Превосходительством в Самарском губернском собрании, о назначении мне месячного пособия в размере 6 р.с. Да будет счастлива и светла жизнь Вашего превосходительства. Благодарю так же от души и тех, не известных мне благодетелей, которые согласились оказать мне эту драгоценную милость...»

Вполне понятно чувство благодарности, которое испытывал сельский художник за проявленную материальную поддержку.

Было-то ему в то время всего около двадцати двух лет.

Приведу содержание второго письма², озаглавленного:

*«Его Превосходительству г. Начальнику
Самарскому Губернатору
Прошение».*

В этом письме Григорий Журавлёв просит принять иконы, которые он выполнил по указанию губернатора. Дан перечень икон (сохраняю правописание автора):

- «1. Икона Святого благов. вел. Князя Александра Невского.*
- 2. Икона святителя Николая. И 2 иконы: Покрова Пр. Бог.».*

Далее он просит дать указание Г. Наумову выдать деньги, которые тот ему обещал за иконы Спасителя и Казанской Пр. Богородицы.

¹ РГАЛИ. Ф. 472. Оп. 1. Д 210.

² РГАЛИ. Ф. 472. Оп. 1. Д 528.

Деньги просит передать своему родителю, которому вручил доверенность.

Под текстом письма значится: «Село Утёвка. 1883 года января 22 дня».

Итак, в письме названы шесть икон поимённо, которые выполнил лично он, Григорий Журавлёв.

Третье письмо художника короткое, но ёмкое. В нём идёт речь сразу о семи иконах.

*«Его Превосходительству
г. Начальнику Самарскому Губернатору*

Покорно прошу ваше превосходительство принять иконы, которые вы просили меня, Журавлёва, выполнить к 10 июня. Название икон.

- 1. Спасителя Нерукотворного. На золоте.*
- 2. Спасителя Николая. На золоте.*
- 3. Спасителя Нерукотворного. На золоте.*
- 4. Святителя Николая. На золоте.*
- 5. Св. Василия Великаго. На золоте.*
- 6. Св. Мучен. Евграфа. Декабря 10 дня.*
- 7. Св. Мученицы Любви. Сентября 17 дня.*

При отпущении написанных мною икон Расписался:

*Григорий Журавлёв.
с. Утёвка 7 июня 1884 года».*

Итак, из этого письма теперь мы доподлинно знаем ещё о нескольких работах иконописца¹. Причём большая половина из них выполнена мастером на золоте.

Имея опыт работы с золотом, Григорий Журавлёв и его помощники вполне могли сделать тиснение золотом на книге «Ветхий Завет в картинках» в своей мастерской.

¹ Кроме того, есть сведения (мною пока лично не проверенные), что в Санкт-Петербурге в Музее истории религии и атеизма хранилась икона «Избранные святые». Размер её 45х44 см. Написана Журавлёвым. На тыльной стороне доски надпись указывает имя автора и способ изготовления иконы. В Музее изобразительных искусств хранится икона Вседержителя. Её автор Г. Журавлёв, о чём свидетельствует надпись на ней. Об этих двух иконах сообщал в своё время журналист Е. Девиков. Нам придётся ещё отыскать упомянутую когда-то в Епархиальных ведомостях икону, написанную Григорием Журавлёвым для Кафедрального собора Самары. Название её: «Огненное вознесение Илии Пророка». О ней также упоминал Е. Девиков.

Оставим уточнение этого вопроса специалистам.

И, наконец, четвёртое письмо.

Оно адресовано будущему императору:

«Его Императорскому Высочеству Государю Наследнику Цесаревичу.

Ваше Императорское Высочество, покорнейше и усердно прошу Ваше Императорское Высочество, что я, крестьянин Самарской губернии Бузулукского уезда с. Утёвка Григорий Журавлёв от всего моего сердца желаю поднести Вашему Императорскому Высочеству икону — Святителя и Чудотворца Николая, которую я написал ртом, а не руками по той причине, что от своей природы не имею силы и движения в руках и ногах своих.

Ваше Императорское Высочество, покорно прошу Вашего Высочайшего Имени принять сию икону, которую я подношу к Вашему Императорскому Высочеству от всей моей души и любви.

Ваше Императорское Высочество!

Покорнейше прошу Вас допустить препровождаемую сию икону до Вашего Высочайшего Имени потому, что я не имею у себя рук и ног.

И написал сию икону по вразумлению Всемогущего Бога, который допустил меня на Свет Божий. И даровал мне дар. Потом открылось движение моего рта, которым я управляю своё мастерство по повелению Божию».

Письмо отличается от предыдущих трёх.

Оно без подписи Журавлёва. Даты под письмом нет. Написано на одном листе (на обеих сторонах его) карандашом. Почерк более размашистый, несколько отличается от писем, написанных чернилами.

Сомнений в подлинности письма нет. Другое дело, что это может быть какой-то промежуточный вариант.

Что думал Григорий, посылая икону Николая Чудотворца цесаревичу? Непростое было время!..

Зверское, шестое покушение на Александра II.

Дьявольская охота на Александра III...

Дарил ли художник икону с верой, что святой Николай Чудотворец укрепит дух будущего императора и облегчит тяжесть его креста?

Скорее всего, да!

Итак, в письмах упоминается отец художника Николай Журавлёв, который доставлял иконы сына в Самару.

Теперь мы можем назвать, кроме известных ранее, ещё имена тех, кто помогал Григорию Журавлёву.

В детстве — это его дед Пётр Васильевич Трайкин, позже, когда художник трудился в своей мастерской над иконами, кроме брата Афанасия, его отец Николай Журавлёв и, возможно, ученики, которых упоминает в своём письме Кузьма Емельянович Данилов: Михаил Хмелёв и Василий Попов.

Может быть, прочитав эти записки, родственники учеников иконописца откликнутся?!

У МОГИЛЫ ЖУРАВЛЁВА

Теперь в Нефтегорском районе действуют несколько приходов: во имя Святой Великомученицы Варвары (город Нефтегорск), в честь Святой Троицы (с. Утёвка), в честь Покрова Пресвятой Богородицы (с. Бариновка), во имя Святого Дмитрия Солунского (с. Богдановка), во имя Архангела Божия Михаила (с. Зуевка), в честь Покрова Пресвятой Богородицы (с. Покровка).

Могила Григория Журавлёва стала одним из особо почитаемых паломниками мест.

Но беспокойно на душе...

Куда деться от чувства брошенности, непрочности нынешней жизни, обвала времени? Необъятная наша русская окраина держит уже которое по счёту испытание на выживание, на самоспасение. Предоставлена самой себе.

Ещё совсем недавно по историческим меркам наша великая литература, школа, институты формировали в нас целостные идеалы. Теперь душа взрослого россиянина рвётся на части. Дома ему говорят одно, в школе — другое, пресса и телевидение — третье. На улице — свои законы...

Сохранить человека!

Но куда прибьётся душе?..

Душа обязана трудиться! Если человек приходит в храм и ставит свечку только ради того, чтобы где-то там что-то за него сработало, устроило его дела, ему далеко до спасения души...

Невольно вспоминаются времена, когда в России в самые её тяжкие периоды государство обращалось к Церкви. Стучалось в её двери.

Так было в период монголо-татарского ига, в смутное время начала XVII века.

Кутузов накануне Бородинской битвы молился перед Казанской иконой Божией Матери.

Сталин в военные годы был вынужден прекратить гонение на Церковь. Об этом большинство из нас знают.

Но мы не учимся у своей истории.

В современной России наступил не менее трагический период её жизни.

Как важен сейчас духовный стержень! Как необходим он для подрастающего поколения. Перестройка, обрушив социалистический строй, породила отсутствие благих целей и смыслов воспитания. Государство до сих пор не может понять, какой гражданин ему теперь нужен.

Недавно я вернулся из Москвы. Был участником X Всемирного русского народного Собора, который приступил к своей работе 4 апреля 2006 г. в зале церковных соборов Храма Христа Спасителя. Тема его — «Вера. Человек. Земля. Миссия России в XXI веке». Не первый раз я участвую в работе Собора. Но этот — особенный. После молитвы со вступительным словом к присутствующим обратился Святейший патриарх Московский и всея Руси Алексей II.

С докладом, обозначившим основные болевые точки соблюдения прав человека в глобальном мире, выступил митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл, который, завершая своё выступление, сказал: «Очень плохо и греховно, когда попираются права наций и этнических групп на их религию, язык, культуру, ограничивается свобода вероисповедания и право верующих на свой образ жизни, совершаются преступления на религиозной почве. К борьбе с подобными пороками должно сегодня призываться общество, в эту борьбу должна включиться Церковь. С православной точки зрения, в этом и состоит смысл правозащитной деятельности сегодня...»

Увы, все разговоры в нашем обществе за последние двадцать лет о свободе слова сопровождались разрушением права души

быть нравственной. И вот теперь, кажется, что-то меняется. В докладе дан анализ сложившейся ситуации. Процесс глобализации стал реальностью, и, очевидно, обратного пути нет.

Но каким должен быть мир будущего?

Он не должен быть безнравственным.

«Мир не должен быть скроен только по западному образцу», — так прозвучало на Соборе.

Принят целый ряд документов и деклараций. Как же хочется верить, что идеи, заложенные в этих документах, будут использованы в законодательном процессе нашего общества.

Общество, в котором законы соответствуют нравственным традициям, может многое превозмочь.

Психологи давно заметили, что главная причина кризиса современной цивилизации — потеря человеком смысла жизни.

Когда западное общество отошло от христианства, на смену ему пришла пустота, действующая на человека самым разрушительным образом.

У нас это порой принимает самые крайние формы.

К примеру, у алкоголиков чётко прослеживается отсутствие смысла жизни. Таким же образом обстоит дело и с агрессивностью.

Агрессивность не снимается ничем, кроме как возвращением смысла бытия человеку. Подобное я наблюдаю теперь и в наших заволжских городах и сёлах.

Власть и Церковь, чтобы оживить душу общества, должны сказать человеку, куда мы идём, что мы строим.

Об этом я думал, когда стоял тихим летним вечером у могилы Журавлёва.

Он-то знал свой путь и верил. А мы заблудились...

Отец Анатолий сокрушается: в шеститысячном селе Утёвка совсем мало прихожан. Что тут скажешь?

Вера у многих ещё впереди.

27 августа 2005 года состоялся Праздник села Утёвка. На нём был открыт экскурсионный маршрут, посвящённый памяти Григория Николаевича Журавлёва...

Одними из первых приехали в Утёвку ребята из школы-интерната № 9 города Самары.

Я знаком с ними.

Мы иногда встречаемся. Два раза приезжал к ним с новыми своими книжками.

Отзывчивые ребята, неодолимо тянутся к доброму в жизни.

Они уже побывали в экскурсионной поездке в Утёвку, и вот теперь у меня листочки с записью их впечатлений.

«...Не могла насмотреться на красивый сказочный храм. Ещё больше было радости, когда я вошла в него!

...Когда выходили из церкви, над куполами летали стаи голубей. Как будто они нас провожали».

Так пишет Женя Крылова, ученица 6-го класса. Ей вторит Анжела Вакула, её одноклассница:

«...Уходить из церкви не хотелось, что-то снова тянуло в неё.

— Посмотрите ещё раз на храм, — сказала экскурсовод, когда мы стали отъезжать. Я с грустью оглянулась и долго смотрела на церковь, которую теперь запомню на всю жизнь!»

А вот как видел окружающее в этой поездке пятиклассник Виктор Бакулин:

«...В храме заканчивалась служба. Было Прощёное воскресенье. Все прихожане просили друг у друга прощения и целовались. Я поставил свечку за упокой души моей мамы и стал смотреть, как батюшка Анатолий освящает крестики.

Я глядел на нарисованные когда-то Григорием Журавлёвым фрески на стенах храма, на красивые, тонко выписанные лица святых, которые смотрели издалека, и думал, что художник, нарисовавший их, не был обыкновенным человеком. Обыкновенному человеку такое не сделать».

Тут же мне вспомнилась запись, сделанная девятилетним мальчиком Колей из села Елховка. После того, как посмотрел выставку Виктора Пылявского в Самаре, он написал, как воскликнул:

«В нашем селе разрушена церковь. Когда вырасту, её восстановлю!»

Стоит ли комментировать эти отзывы, написанные теми, кто, возможно, будет определять жизнь россиян лет через тридцать-сорок?

Светает на душе.

2007 г.

A decorative border consisting of two parallel black lines. At each of the four corners, the lines meet at a right angle, creating a square-like corner element with a small square cutout in the center of the corner.

**Часть
Третья**

ПОДАРОК ЦЕСАРЕВИЧУ

С того дня, когда мне посчастливилось обнаружить в РГАЛИ в архиве бывшего губернатора Самарской губернии А.Д. Свербеева письма к нему Григория Николаевича Журавлёва, я не мог успокоиться. Дело в том, что среди перечня икон, посылаемых художником, были названы две, одна из которых могла предназначаться Его Императорскому Высочеству Государю Наследнику Цесаревичу Николаю. Кроме того, было письмо художника лично Цесаревичу с просьбой принять икону Святителя Николая Чудотворца. Известно, что Государь Наследник принял икону. Об этом писала в своё время газета «Самарские губернские ведомости» (№ 1, январь 1885 года). Но какая из икон имеется в виду? Одна из тех двух, что значилась в письме среди семи икон или была ещё одна икона? И почему писалась в дар икона именно Святителя Николая Чудотворца?

Вопросы, вопросы...

Я начал с поиска ответа для самого себя на вопрос, давно волновавший меня, почему именно эта икона была преподнесена Цесаревичу.

...Почти семнадцать веков прошло с тех пор, когда жил на земле святитель и угодник Божий Николай, великий чудотворец, архиепископ Мирликийский¹. За ревность по вере, добродетельную жизнь и многие чудеса, творимые им и до наших дней, за скорую помощь и милосердие его чтут и прославляют во всём христиан-

¹ Здесь и далее по тексту сведения о святителе Николае взяты из книги «Жития и чудеса святителя Николая Чудотворца и акафист» (Санкт-Петербург: изд-во ИП Ю.Е. Белозёров, 2007), составленной по изданию «Житие и чудеса Николая Чудотворца и слава его в России» (Санкт-Петербург: Синодальная типография, 1899).

ском мире. Святитель Николай жил в самое, может быть, трудное для христианства время. Это был период решительной борьбы христианства и язычества.

Римские императоры, будучи ревностными язычниками, считали христианство погибелью для Римской империи, а христиан — самыми опасными её врагами.

На христиан шло гонение, их заставляли отречься от Христа, поклоняться идолам. Несогласных бросали в темницы, подвергали мучительным пыткам, топили в реках, отдавали на растерзание диким зверям, сжигали на кострах.

Родители святого Николая Чудотворца — Феофан и Нонна — жили в городе Патары, в древней Ликии, входившей в состав Малой Азии. Они происходили из благородного рода, отличались праведной жизнью, милосердием к бедным и усердием к Богу.

Отсутствие детей сильно огорчало их, и они не переставали усердно молиться Господу о даровании им сына, дав обет посвятить его служению Богу.

Молитва праведников была услышана. Нонна родила сына. Дали ему имя Николай, что значит «победитель народа». Отрок Николай делал успехи в книжном обучении, успевал и в благочестивой жизни. С юности готовил себя как храм Божий, в котором мог бы обитать Дух Святой. Юноше помогал в его духовном становлении его родной дядя — епископ в городе Патары.

Приняв сан священника, Николай стал вести ещё более подвижническую жизнь. Он совершил путешествие в Палестину и во время него творил чудеса. По возвращении на родину настало время, когда Николай выступил духовным руководителем Ликийской церкви, просвещая людей светом Евангельского учения.

Потом последует уход из обители в мир для прославления имени Божия. Жил он как нищий, но посещал все церковные службы. И Господь, возвышающий смиренных, возвысил его. Собор епископов рукоположил Николая в архиепископа Мирликийской церкви.

При вступлении в управление Мирликийской архиепископией Николай сказал себе: «Теперь, Николай, твой сан и твоё место требует от тебя, чтобы ты всецело жил не для себя, но для других».

Так он и жил. Был кроток, незлобив сердцем, смирен духом, чужд надменности и своекорыстия.

Последовавшие вскоре гонения на христиан принесли много горя. Так, в Никодимии в самый день Пасхи было сожжено около двадцати тысяч христиан. Дошли гонения и до Мир Ликийских. Николай вместе со многими христианами был заключён в темницу. Несмотря на смертельную угрозу он громко и открыто проповедовал имя Божие.

По освобождении из темницы, Николай снова занял Мирликийскую кафедру, сохраняя и умножая ревность в утверждении христианства и искоренении ересей.

Святой Андрей Критский свидетельствует, что, «живя ещё во плоти, прежде отшествия ко Христу, святитель Николай являлся к обременённым различными бедствиями, подавая им скорейшую помощь в нуждах и исторгая жертвы смерти из самых её челюстей».

Таким христианский мир знает и помнит святого Николая Чудотворца.

* * *

Это теперь мы имеем определённые знания о жизни царя Николая II, а ещё лет тридцать назад они были скудны. Говорили и писали много о Петре и Екатерине II.

Наши знания о последнем российском императоре не столько книжные, они — трагический факт нашей действительной жизни, нашей общей истории.

Но откуда тогда, в 1884 году, молодому художнику Григорию Журавлёву, которому было всего-то около двадцати шести лет, то есть он был всего на десять лет старше будущего императора, дано знать об общей нашей судьбе... о нашей надвигающейся трагедии?

Смерть Александра II, убитого народовольцами, и приход к власти Александра III знаменовали окончание либеральных преобразований и смену политического курса. Жёсткими мерами Александр III сбил накал революционной борьбы. Ему удалось обеспечить России покой внутренний и внешний. При нём, Царе-Миротворце, международный авторитет России поднялся весьма высоко, Россия не принимала участие в военных конфликтах. Наметилась стабилизация российской экономики и финансов...

Будущий царь с рождения отличался крепким здоровьем, спокойным нравом, был внимательным и впечатлительным ребёнком. Мы знаем, что детство и отрочество будущего царя можно считать безоблачным. Великая Княгиня Мария Фёдоровна лично руководила его воспитанием. Она следила за выбором его учителей.

С 1877 года под руководством генерал-адъютанта Г.Г. Даниловича, в прошлом директора военной гимназии и инспектора классов кадетского корпуса, началось регулярное образование Цесаревича. Учебный план был рассчитан на двенадцать лет. Поражает уровень преподавателей.

«Обучать будущего императора были приглашены ведущие учёные и военные того времени, имевшие большой опыт преподавания... Так, финансовое право, политическую экономию и статистику преподавал профессор Киевского университета Н.Х. Бунге, учёный с мировым именем, бывший в 1881-1886 годах министром финансов. Международному праву наследника обучал профессор московского университета М.Н. Капустин, политической истории — профессор Санкт-Петербургского университета Е.Е. Замысловский. Химию читал профессор Харьковского университета Н.Н. Бекетов.

Друг юности Цесаревича Николая великий князь Александр Михайлович («Сандро») писал в своих воспоминаниях: «Будущий император Николай II мог ввести в заблуждение любого оксфордского профессора, который принял бы его по знанию языка за настоящего англичанина. Точно так же знал Николай Александрович французский и немецкий языки...»

Учить наследника законоведению был приглашён обер-прокурор К.П. Победоносцев, который наставлял наследника на путь безусловного следования принципам правления Александра III, сумел внушить великому князю Николаю Александровичу мысль о невозможности со стороны самодержца делегирования своей власти кому бы то ни было во избежание анархии и краха. Император Николай II будет неуклонно следовать этой идее».¹

И эта блестящая система обучения, подготовка Цесаревича к великой миссии во имя служения России приходит в диссонанс с умонастроениями самого Николая Александровича.

¹ Последний российский император. Семья и двор Николая II на рубеже XIX-XX веков: Каталог выставки. — Санкт-Петербург: АО «Славия», 2012 г. — С. 131.

20 октября 1894 года Александр III умер и Николай Александрович стал императором. Как признавался позже Николай II, мысль о грядущей царской ноше повергала его в ужас. По свидетельству великого князя Александра Михайловича, царь в день кончины своего отца плакал и сокрушался о себе как о человеке не готовом принять бремя верховной власти, и о России, судьба которой ему была безразлична. В своём дневнике Николай записал: «Для меня худшее случилось, именно то, чего я так боялся всю жизнь».

Таким вступал на трон Николай II.

Как важна и нужна была в то время ему стойкость и жертвенность в служении своему народу, так характерная для Николая Чудотворца. Думал ли об этом двадцатилетний художник из далёкого заволжского села, писавший икону для будущего самодержца, или простодушно беспокоился о молитвенном призвании святого, имя которого носил Цесаревич?

Полагаю, что, несомненно, думал...

* * *

Но где теперь находится икона святителя Николая, подаренная Цесаревичу более ста двадцати лет назад? После очередного выхода дополненного издания моей книги о Григории Журавлёве «Радостная встреча» в 2007 году, в которой приводился список ещё двенадцати икон художника, география поисков расширилась. Случилось наконец то, чего мне давно хотелось: всё более и более читателей подключалось к поиску икон. Но всё равно это было похоже на поиск иголки в стоге сена.

Прошло около пяти лет...

За это время появилась информация, что подписная икона Григория Журавлёва «Спас Нерукотворный» хранится в настоящее время в г. Галиче Костромской области в женском монастыре.

Найдена ссылка, что в Санкт-Петербурге в музее истории религии должна быть его икона «Избранные святые».

* * *

Долгое время я собираю информацию о тех, кто когда-то работал вместе с Григорием Журавлёвым.

И вот появились сведения о Емельяне Калашникове.

По словам его правнучки, жительницы г. Самары Ацегейды Ольги Ивановны, о Емельяне Калашникове рассказывала его дочь Самаркина Евдокия Емельяновна: «Отец был художником. Я помню, как он рисовал углём на белёной печи портреты проходящих в дом людей. Когда свободного места совсем не оставалось, печь заново белили. Но такой она оставалась недолго, отец снова рисовал на ней портреты гостей. Писал иконы и картины».

Семья жила в селе Домашка и Емельян уезжал в Утёвку расписывать Храм Святой Троицы...

Емельян редко бывал дома, всё больше времени проводил в Храме. А когда не было распутицы приезжал к своей семье. Тогда он рассказывал детям Евдокии и Ивану о том, какой интересный человек живёт в Утёвке, работает в Храме. «Он без рук и без ног. Держит зубами кисть и пишет святые образы, да так, что иной мастер и руками не сделает». Рассказывал, что переносил его как ребёнка. И кормил, потому что Григорий и есть не мог самостоятельно.

В семье Калашниковых много молились, статус семьи иконописца ко многому обязывал. Молитвы и строгие посты соблюдались безоговорочно. Дети Емельяна росли в строгости и послушании. Евдокия дожила до 94 лет. Работала в Горзеленхозе г. Кинель. Многие деревья на территории райцентра посажены её руками. А Иван Калашников трудился в линейном отделении милиции на станции Кинель. В 1943 году ушёл на фронт, был санитаром — выносил раненых. Погиб при форсировании реки Днепр на Украине.

У потомков Е. Калашникова много лет хранилась икона святой Варвары Великомученицы. Писал ли её Емельян или это другой иконописец — неизвестно. Находилась она в доме с тех самых пор, когда глава семьи писал и работал в Утёвском Храме. Эту семейную реликвию потомки Емельяна Калашникова передали в дар Утёвскому Храму в память о своём предке...

Сейчас правнучка Емельяна Калашникова посещает школу иконописи в православном центре «Синай» г. Новокуйбышевска и мечтает стать иконописцем. Жизнь и вера неистребимы!

* * *

Совсем недавно в Храме Святой Троицы появилась копия портрета, выполненного Г. Журавлёвым, о чём свидетельствует надпись на обратной стороне оригинала.

Это копия подарена Храму Любовью Александровной Чернышёвой. Речь идёт о карандашном портрете (он находится у родственников в Москве) отца Александра (Егорова) и матушки Евгении.

По словам Любви Александровны, отец Александр до революции (т.е. при жизни Г. Журавлёва) был настоятелем Троицкого Храма в с. Утёвка. У них были дети: Леонид, Вера, Надежда.

Были и есть внуки и правнуки. Среди них: внучка Светлана Леонидовна Колмыкова. И правнук: Андрей Александрович Колмыков (в 90-е годы прошлого века — вице-губернатор Самарской области).

В своё время бывший житель с. Утёвка Михаил Семёнович Тимонтаев говорил о нахождении в Москве двух похожих портретов, выполненных Григорием Журавлёвым. Но, видимо, речь шла не об этой работе...

И вот новое радостное событие: среди многочисленных ответов на наши письма и обращения (часть их готовила Алла Алексеевна Ижедерова, и отправлялись они от имени главы Нефтегорской районной думы) пришёл совершенно замечательный ответ. Из государственного Эрмитажа г. Санкт-Петербурга сообщали, что о запрашиваемых иконах информации нет, но есть икона «Св. Николая Чудотворца» кисти Журавлёва.

И случилась оказия. Давний помощник в моих краеведческих делах, профессиональный фотограф Константин Байгузин отправлялся к родственникам в Санкт-Петербург. Не мешкая, мы созвонились с хранителем музея Дмитрием Владимировичем Гусевым, подписавшим ответ из Эрмитажа, и договорились, что он предоставит возможность Константину сделать снимки с иконы. Что и было исполнено.

Уже через неделю я держал в руках фотокопии иконы святого Николая Чудотворца. Две из них я отвёз в Утёвку на родину Григория Журавлёва. Одну — в храм Святой Троицы, другую — в музей художника.

В это же лето на день села в Утёвку был приглашён Дмитрий Владимирович Гусев. Мы познакомились очно и договорились о сотрудничестве. Поставили себе цель: отыскать, если таковые есть, иконы Журавлёва в Эрмитаже и в других музеях Санкт-Петербурга и России. Так я приобрёл в помощники специалиста, занимающегося в Эрмитаже историей русской культуры.

* * *

Да, это та икона, которая была передана Григорием Журавлёвым Цесаревичу. На тыльной стороне её надпись: «Из госархива Цесаревича». На лицевой стороне внизу по дереву надпись белилами, характерная для утёвского художника: «Писал зубами крестьянин Григорий Журавлёв. Самарской губ. Бузулук. уезда, села Утёвки».

Икона поступила в Эрмитаж в 1949 году из государственного музея этнографии народов СССР г. Ленинграда (инв. ЭРЖ-2307).

Начались наши с Дмитрием Гусевым плодотворные контакты по телефону и электронной почте.

В этот период в государственном Эрмитаже шли работы по созданию выставки «Последний российский император. Семья и двор Николая II на рубеже веков» в выставочном центре «Эрмитаж-Выборг». Организационный комитет программы «Эрмитаж-Выборг»: А.Ю. Дрозденко (губернатор Ленинградской области), М.Б. Пиотровский (генеральный директор государственного Эрмитажа, член-корреспондент Российской академии наук, доктор исторических наук), Г.А. Орлов (глава муниципального образования «Выборгский район» Ленинградской области). Дмитрий Владимирович Гусев занимался непосредственно размещением экспонатов в выставочном зале. Параллельно готовится и издаётся каталог этой беспрецедентной в истории русского искусства выставки.

На второй день после моего приезда в Санкт-Петербург мы с Дмитрием Владимировичем поехали в Выборг на выставку.

Старинный Выборг встретил нас неожиданно бодрой погодой. Ни моросящего дождя, ни свинцовых туч, как в Санкт-Петербурге. Даже не верится: удалились от северной столицы всего-то на 125 километров да тем более приблизились к финской границе. Мой спутник уверял, что такие дни в Выборге — редкость.

Мимо старинных домов из крупных булыжников, мимо замка XIII века, башни, ратуши, по мощёным узким улочкам, напоминавшим города давнего европейского стиля, шли мы в выставочный зал Центра.

Может быть, оттого, что была суббота, особого рабочего ритма в городе не чувствовалось. Не ощущалось, что мы были в городе, который является морским торговым портом, большим транспорт-

ным узлом, через который проходит целая сеть железных дорог, связывающих его со столицами и другими городами различных стран. Скорее всего, так было оттого, что мы всецело были заняты своей главной задачей — судьбой художника Журавлёва и его икон.

* * *

Рассказывать о выставке можно долго. Но её надо видеть!

Работа выставки рассчитана до 31 марта 2013 года, и рассказывает она о русской истории через образ царской семьи, через частную и официальную жизнь членов этой семьи. Обстоятельства личной жизни императора Николая II имели большую роль в его деятельности как самодержца.

Переплетение личных и национальных чувств и судьбы Государя стали судьбой нашей предреволюционной страны.

Фигура царя Николая II трагическая и трогательная.

Действующие лица той эпохи представлены на выставке только подлинными изображениями и личными вещами. Вся выставка — повествование о части нашей общей российской жизни, побуждающее к размышлению.

Лица, лица, лица...

Когда ходишь по залам выставки, целиком находишься в полном погружении в трагедию XX века, постигшую Россию.

Трагическое лицо императрицы Александровны Фёдоровны, торжественный, удивительно русский образ Николая II. Великие князья... Семейные картины венчания, церемоний, предметы роскоши, подарки, безделушки...

Неохватная мощь и державность! И этому всему суждено было превратиться в пыль...

Особое щемящее чувство охватило, когда на втором этаже, в светлой просторной комнате подходили к стенду с иконой святителя Николая Чудотворца.

Она небольшая. Вот как написано о ней в инвентарной карточке:

«Время и документы поступления: поступил в 1949 г. Передан из музея этнографии народов СССР (бывший исторический отдел).

Автор: Журавлёв Г.Н. (иконописец), 1858-1916 гг.

Название: Николай Чудотворец.

Место создания: Россия.

Датировка: нач. XX век.

Материал, техника: дерево, масло.

Размеры: 36X26,5 см.

Изображение поясное, правой рукой благословляет, в левой — евангелие; фон золочёный; в деревянном футляре.

Сохранность: общая потёртость, кракелюры».

Внизу иконы надпись: «Писал зубами крестьянин Григорий Журавлёв, Самарской губ. Бузулук. уезда, села Утёвки».

К сожалению, в эти записи вкралась неточность: указано время создания иконы — начало XX века. Мы-то теперь знаем, что икона написана в конце XIX века. Причину неточности мне объяснили позже. История иконы, факт дарения её Цесаревичу в Эрмитаже не были известны, поэтому художники определяли время её создания по своим критериям. Отсюда понятно то, почему в каталоге выставки ошибочно указано, что она была преподнесена Императору Николаю II, а не Цесаревичу.

Посетители выставки проявляют живой интерес к иконе Журавлёва, она не теряется в многоликости экспонатов.

Мне приходилось тут же в зале давать пояснения, рассказывать об истории создания иконы, о Григории Журавлёве.

Тепло и заинтересованно прошёл на следующий день разговор в реставрационной лаборатории Эрмитажа. И здесь мне довелось рассказывать её сотрудникам о Журавлёве и его творчестве. Меня внимательно слушали. Задавали вопросы. Замечательные русские люди. Как я могу понимать, высококлассные специалисты.

Книга «Радостная встреча» тут же была размножена на цветном ксероксе. Решено было взять икону святителя Николая Чудотворца на исследование. Художественная ценность иконы несомненна, несомненен и масштаб личности её создателя.

Обратили внимание специалисты и на особенность, с которой изображён лик святого, — тревогу на лице. И вновь, теперь уже не только я, все мы вернулись памятью к тем роковым, трагическим событиям в России, накануне которых Цесаревич принимал корону империи. Что было в иконе Журавлёва? Предупреждение? Надежда? Желание помочь будущему царю найти силы для обретения стойкости и мужества перед грядущим? Какие чувства тесни-

лись в душе у создателя иконы? Ведь он — песчинка из далёкого заволжского села, частичка огромного российского народа, готового и на сострадание, и на безмерную ярость...

* * *

Последний мой день в Санкт-Петербурге был занят поисками ещё одной иконы Журавлёва. Напомню, у меня ещё до поездки имелись сведения: одна из икон Григория Журавлёва «Избранные святые» хранилась когда-то в Музее истории религии. По другим источникам — в главном храме Санкт-Петербурга, воздвигнутом для общенациональной святыни Казанской иконы Божией Матери. Первый камень в основании храма был положен императором Александром I 27 августа 1801 года. Этот храм со дня освящения стал духовным центром Санкт-Петербурга, он имел значение придворного храма Царствующего дома Романовых. В Казанском соборе венчались все члены царской семьи.

В нём расположена усыпальница великого российского полководца, светлейшего князя М.И. Голенищева-Кутузова.

Удалось установить, что икона «Избранные святые» действительно была в храме, но в течение длительного времени, когда в храме находился Музей истории религий, принадлежала ему. Когда Музей переселился, икона покинула Казанский собор. Нам с Дмитрием Гусевым помогли связаться с хранителем музея истории религии и получить ответ: да, икона сейчас хранится у них в музее. Принадлежность её кисти Утёвского иконописца подтверждается надписью на обороте: «Сию икону рисовал зубами крестьянин Григорий Журавлёв. Самарской губернии Бузулукского уезда, села Утёвки. Марта 13 дня 1888 года». Так что мои предположения о месте нахождения иконы «Избранные святые», о чём я упоминал в 2007 году во 2-ой части этой книги, подтвердились.

...Так хотелось хотя бы немного узнать ещё и об иконе Вседержителя, которая по моему убеждению должна находиться в Музее изобразительных искусств Санкт-Петербурга, но времени на поиски уже не было совсем...

Заручившись обещанием Дмитрия, что он непременно получит фотокопию иконы и вышлет её мне, я поторопился на Московский вокзал к поезду.

Уже в поезде раздумчиво анализировал я свои впечатления, связанные с поездкой. Вспоминал хождения по величественным залам, по улицам города-музея. Блистательное величие Исаакиевского собора, залов Государственного Эрмитажа в который раз, несмотря на то, что несколько раз бывал в городе на Неве, учился в Технологическом институте, покоряли, восхищали...

Но в этом величии и блеске не терялся для меня свет, идущий от совсем небольших икон Журавлёва. И той, которую я увидел в эти дни, и той, с которой ещё предстоит встреча.

Для меня иконы Григория Журавлёва обладают особой притягательной силой, природу которой сразу не определишь, не назовёшь. И надо ли это делать?

...На второй день после того, как я вернулся в Самару, мне позвонил отец Александр Шастин, настоятель Кафедрального собора в Галиче, с которым мы совсем недавно познакомились, и напомнил о нашей договорённости, что я непременно приеду к нему в Галич на встречу с иконой «Спас Нерукотворный». Я обещал приехать в начале 2013 года, юбилейного для Григория Журавлёва. Как только закончатся мои зачётные и экзаменационные дела в университете...

Меня ждала ещё одна радостная встреча...

НА КОСТРОМСКОЙ ЗЕМЛЕ

Мне давно надо было побывать в городе Галиче Костромской области, да всё как-то откладывал я свою поездку по разным причинам. Последней причиной была поездка в Санкт-Петербург на встречу с иконой «Св. Николай Чудотворец». Теперь мне предстояла встреча в Галиче с иконой Журавлёва «Спас Нерукотворный», которую я для себя открыл, как уже говорил в предыдущей главе, работая над статьёй об утёвском художнике для издания «Православная энциклопедия»¹.

...Галичская земля встретила нас крещенскими морозами и бездонным тёмно-синем небом. Поезд прибыл около десяти часов вечера. Нас, как и было обещано, встречала удивительно заботливая и отзывчивая супружеская чета: настоятель Кафедрального собора в Галиче протоиерей Александр Шастин и матушка Людмила.

¹ Эта статья напечатана в XIX томе Православной энциклопедии под редакцией Патриарха Московского и всея Руси Кирилла. Т. XIX, с. 385-387.

Все четыре дня, которые мы провели с моей женой Ларисой в этом небольшом, но древнем городе стали незабываемыми для нас. И это так сложилось благодаря нашим новым знакомым, их подвижническому образу жизни, с полной отдачей всех сил делу, которому они служат, а вернее — вере, которая освещает все действия их и поступки.

...Мы переночевали в гостинице при Кафедральном соборе и в десять часов утра были уже на службе в церкви Введения во храм Пресвятой Богородицы.

И с этого дня, мы всё более и более начали погружаться в захватывающую сознание русскую старину.

Совсем небольшой город Галич основан во второй половине XII века. Это был форпост Северо-Восточной Руси в освоении Севера.

Впервые он упомянут в 1238 году, когда татары «всё по Волге пленили и даже до Галича Мерьского».

После смерти князя Владимирского Ярослава Всеволодовича город становится столицей самостоятельного княжества. Сын Ярослава Всеволодовича, брат Александра Невского Константин Ярославович становится первым князем Галича.

...После смерти Дмитрия Донского Галич достался Юрию Дмитриевичу.

Город часто подвергался нашествиям его противников, так как прикрывал центральные части Московского великого княжества с севера-востока.

В 1398 году новгородцы захватили Великий Устюг и опустошили территорию, окружающую Галич. Позже до Галича доходили отряды Едигея. В 1428 году к Галичу подходили татары, но город не взяли. Несмотря на намерения оппозиции сделать Галич выше Москвы, в 1450 году он был присоединён к Москве, сделавшись центром уезда.

В Смутное время Галич оказался в руках поляков. Карательным отрядом, которым командовал Лисовский, он был полностью разорён.

Как непроста судьба этого небольшого городка, в который привела нас икона Журавлёва!

Отец Александр рассказывал, а нам хотелось знать всё больше и больше.

...В начале далёкого XVII века Галич сыграл важную роль в кровавой драме Смутного времени.

Первый самозванец Григорий Отрепьев был родом из Галича. Но именно галичане первыми на северо-востоке Руси в ноябре 1608 года подняли восстание против поляков.

Позже галичане приняли активное участие в Первом и Втором ополчениях.

В 1619 году галичанам вновь пришлось пережить разорение...

* * *

...В 2009 году Галич отметил своё 850-летие. Ныне этот город — один из крупнейших районных центров Костромской области, с населением более 17 тысяч человек.

...Невольно трепетное отношение к истории края при рассказах отца Александра передаётся и нам. Чувствуется: просветительство и проповедничество — это его призвание. И призвание это взросло на патриотизме и вере. Отец Александр родился в городе Костроме. Его отец Михаил, которому уже за восемьдесят лет, — протоиерей. Брат Василий — тоже протоиерей, возглавляет миссионерский образовательный отдел Костромской епархии. Другой брат протоиерей Сергей — настоятель Крутицкого патриаршего подворья в Москве.

Сын — священник Михаил — клирик Казанского собора в Санкт-Петербурге.

Таков город Галич и его люди, приютившие в лихолетье и поругание церкви икону «Спас Нерукотворный», написанную моим, далёким от Галича, земляком.

Неодолимо тянуло в Паисиево-Галичский монастырь. Хотелось знать его историю. Его жизнь.

Я уже знал, что монастырь, хранитель иконы Г. Журавлёва, был основан близ Галича как Никольский. После чудесного явления Овиновской иконы Божией Матери он получил название Успенского. Позже по имени самого замечательного его настоятеля стал называться ещё и Паисиевым.

Считается, что он возник близ Галича на горе Краснице во второй половине XIV века. Монастырь был ктиторским, построенным по усердию боярина Ивана Овина на его землях.

Расцвет монастыря пришёлся на время настоятельства преподобного Паисия Галичского. При нём сложилось основное ядро монастырских вотчин.

К моменту кончины Паисия Галичского Успенский монастырь на горе Краснице становится почитаем как великая святыня далеко за пределами Галича.

Причиной этому была и чудотворная Овиновская икона Божией Матери. Исцеления от неё привлекали паломников, многие из которых делали вклады.

До самого начала XVII века благосостояние монастыря только росло. Василий III отписал ему рыбные ловли «в озере Галич, в реках на Ихлеме у озера в устье и над Святицею и Сухой Песок».

Польско-литовские разорения и голод привели к запустению и Галича, и монастыря, и его вотчин...

Но храм в который раз восстал из руин!

...Не иссякал поток богомольцев в монастырь, и когда он был разорён большевиками.

С начала 30-х годов Паисиев монастырь использовался под хозяйственные нужды (инкубатор, дровяной склад и т.п.).

Ограду и Святые врата разобрали на кирпичи, а монастырское кладбище было уничтожено.

В 1990-е годы началось возрождение Паисиево-Галичского монастыря. Первый со времени возрождения крестный ход к монастырским руинам состоялся 5 июня 1992 года, в день памяти преподобного Паисия.

В 1994 году монастырь был возобновлён как женская обитель. Первой настоятельницей стала игумения Наталия (Василенок).

Первая Божественная литургия, совершение которой возглавил архиепископ Костромской и Галичский Александр, прошла в Паисиевом приделе Успенского собора 5 июня 1997 года.

А в 2003 году в Паисиево-Галичский монастырь из Введенского Кафедрального собора города Галича была торжественно перенесена древняя святыня обители — чудотворная Овиновская икона Пресвятой Богородицы.

Как похожа судьба монастыря на судьбу Троицкого храма в с. Утёвке, в жизни которого принимал активное участие иконописец Г.Н. Журавлёв.

...Как уже говорилось, особо чтимой иконой в монастыре изначально была Овиновская икона Божией Матери, явленная боярину Ивану Овину.

После утраты её, около первой трети XVIII века, был создан новый Образ.

Сейчас эта икона и Спас Нерукотворный находятся рядом.

Икона «Спас Нерукотворный» помещена на левом, если смотреть от входа, столбе. Она появилась, по словам священника отца Николая, в обители после её возрождения года через четыре. Написана в начале XX века. Где была икона всё это время — неизвестно. Икона довольно значительного размера (около 70х60 см), написана маслом на дереве. Несколько потемневшая от времени. Внизу надпись, говорящая о том, что она выполнена Григорием Журавлёвым.

...Как известно из древних источников и научной литературы, есть несколько версий о первоначальном происхождении Мандилиона. По одной из них больной проказой эдесский царь Авгарь направил к Христу своего слугу с письмом, в котором просил Иисуса приехать и исцелить его. Иисус ответил письмом, но оно не исцелило царя. Тогда царь Авгарь прислал слугу-художника, поручив ему, если Спаситель не сможет прийти, написать Его образ и принести ему. Окружённый толпой Христос, увидев, что художник хочет сделать Его портрет, попросил воды, умылся, вытер Свой лик платом. И на этом платке отпечатались Его образ. Спаситель передал плат художнику с повелением отнести с ответным письмом пославшему его. Получив портрет, Авгарь, дотронувшись до чудесного полотенца, исцелился от главного своего недуга.

Эдесский царь поместил плат в надворную нишу для всенародного поклонения.

Когда наступили времена гонений на христианство, икону замуровали в городской стене с зажжённой перед ней лампадой.

Только в IV веке плат снова был явлен миру. Его почитание было широко распространено на всём Востоке.

С этого плата списывались многие копии, он стал как бы оригиналом ликов-икон, в изобилии распространившихся по всему христианскому миру.

Византийские императоры Константин Багрянородный и Роман I выкупили Нерукотворный Образ у Эдессы. Плат перенесли торжественно в Константинополь. Он был помещён в храме Пресвятой Богоматери, называемом Фарос.

Существует и другая версия возникновения образа Христа. Она связана с историей платки Вероники — отдельной реликвии,

хранящейся в Соборе св. Петра в Риме и принадлежащей западной традиции.

Согласно этой версии в день распятия св. Вероника подала полотенце Спасителю, который изнемогал под тяжестью Своего Креста. Иисус вытер им Свой лик, который отпечатался на полотнце. Будто это и есть источник возникновения иконы Спаса Нерукотворного, то есть Мандилиона. Однако многие считают, что это независимая реликвия, независимое изображение. На иконописных версиях плата Вероники главу Спасителя венчает терновый венец, что соответствует рассказу о том, когда был подан плат. На Мандилионе тернового венца нет, волосы и борода Иисуса мокрые, что согласуется с преданием о слуге Авгара, в котором Иисус вытирается полотенцем после умывания.

Культ плата Вероники, как отмечают учёные, возник относительно позже — около XII века. Иконы, связанные с этим культом, есть в действительности версии св. Мандилиона, несущее в себе византийское либо славянское происхождение.

Икона «Спас Нерукотворный», созданная Григорием Журавлёвым, не только по своей иконографии, но в самом прямом смысле является нерукотворной. Иконограф писал её, держа кисть в зубах.

На иконах Спасителя изображение только головы Иисуса говорит о примате духа над телом.

Иконы часто возникали вследствие желания «размножить» реликвию, освятить ею весь христианский мир.

Икона Спасителя Нерукотворного говорила и о реальности земной жизни Спасителя, и о подлинном существовании самого Святого Плата.

Тот факт, что художник, посланный царём Авгарем, не смог нарисовать Спасителя, а получил отпечаток образа на плате от Христа, говорит о том, что иконописцы есть не художники в общепринятом смысле, а исполнители замысла Божьего.

На Руси почитание Нерукотворного Образа начинается в XI-XII веках.

В 1355 г. московский митрополит Алексий привёз из Константинополя список св. Мандилиона. Для него был заложен храм-реликварий. По всей Руси стали возникать церкви, приделы храмов с посвящением Нерукотворному Образу. Они получили название «Спасских».

Знамёна (хоругви) с иконой Спаса сопровождали русские войска в походах, начиная с Куликовской битвы вплоть до Первой Мировой войны. Иконы Спаса начинают размещать на крепостных башнях, над входом в церковные здания в качестве принадлежности к христианской церкви.¹

...На третий день нашего пребывания в Галиче отцу Александру понадобилось ехать в Костромскую епархию. Он пригласил нас с собой. Мы с радостью согласились.

И не зря! Эта поездка, на первый взгляд как бы напрямую не связанная с поисками иконы Спасителя, так сильно повлияла на ход наших мыслей и чувств, столько дала сердцу пищи...

Любовь к родному пепелищу,

Любовь к отеческим гробам.

Животворящая святыня!..

Ранним утром, ещё в сумерках, внедорожник, за рулём которого сидел сам батюшка, уверенно вышел на трассу. Впереди путь длиною в 120 километров. Каждый день общения с отцом Александром и матушкой Людмилой приносил нам открытия.

Так было и в этот день.

Отец Александр сразу предупредил, что поедем мы не прямой дорогой, а с заездом в Сусанинские места. Конечно, о Сусанине каждому из нас известно ещё со школы. Но... одно дело знать, другое — видеть!.. Я невольно осмотрелся: повалил крупный рыхлый снег, небо меж низких туч еле просматривалось.

— Давно ли чистили дорогу? И сможем ли мы разъехаться со встречным транспортом? — сам несколько смущаясь своих вопросов, спросил я, когда мы довольно резко свернули с большака на узкий просёлок и почувствовали, как натужно заурчал мотор.

— Не беспокойтесь, я надеюсь, нам сегодня повезёт. Когда ещё у вас будет такая возможность.

«Ничего себе ответ!» — подумалось мне.

Мы ехали, порой казалось, по целине. Ни указателей, ни следов машин. Кругом: вдали, внизу, сбочь — необозримое пространство из угадываемых под снегом болот, мелколесья и оврагов.

¹ Часть сведений взята из статьи Андрея Охоцимского «Спас Нерукотворный и его значение», из статьи А.М Лидова «Святой Мандилион. История реликвии» в книге «Спас Нерукотворный в русской иконе» (М., 2008, С. 12-39) и других официальных источников.

Подъезжаем к селу Домнино, которое отстоит от Костромы вёрст на семьдесят к северу.

Согласно преданию, Иван Сусанин был родом из Деревеньки — небольшого поселения, расположенного недалеко от Домнино.

— А какие-то конкретные подробности бытуют среди местных о том давнем событии в этих болотах? — мне всё хочется натолкнуться на какой-нибудь факт, не известный дотоле мне.

— Поздней зимой 1613 года уже наречённый Земским Собором царь Михаил Романов и его мать инокиня Марфа жили в Домнино. Польско-литовский отряд, узнав об этом, пытался отыскать дорогу в Домнино, чтобы пленить юного Романова. По пути захватчиком попался Иван Осипович Сусанин, бывший тогда вотчинским старостой. Ему приказали показать дорогу. Сусанин согласился, но повёл чужеземцев в другую сторону, к селу Исупову. А своего зятя Богдана Саблина послал в Домнино предупредить об опасности.

Дальше последовала всем известная история.

— Она документально подтверждается?

— Конечно. Есть жалованная грамота царя Михаила Фёдоровича наследникам Ивана Сусанина, датированная 30 ноября 1619 года. В ней говорится о подвиге Ивана Сусанина и о даровании зятю Сусанина половины деревни с «отбелением», то есть освобождением от всех податей и повинностей.

...Потом в Костроме мы узнали, что известное в истории с XVI века село Домнино было в своё время вотчиной дворян Шестовых. Из этого рода происходила инокиня Марфа (Ксения Ивановна Шестова) — мать царя Михаила Фёдоровича Романова.

В конце XVI века, когда Ксения Шестова вышла замуж за боярина Фёдора Никитича Романова (впоследствии он стал Патриархом Московским и Всея Руси Филаретом), домнинская вотчина была дана ей в приданное.

После кончины инокини Марфы в 1631 году, согласно её завещанию, Домнино и вся вотчина были пожалованы московскому Новоспасскому монастырю — месту погребения Романовых, где была похоронена и инокиня Марфа.

В год 300-летия Дома Романовых неподалёку от Домнино в деревне Деревеньки, на месте, где по преданию стоял дом Сусанина, Александровским братством была воздвигнута памятная часовня во имя небесного покровителя народного героя — святого Иоанна

Крестителя. В часовне до 1917 года совершались молебны в царские дни и панихиды по царю Михаилу Феодоровичу и Ивану Сусанину.

...Побывали мы и около Успенской церкви села Домнино, где в ограде приходского кладбища 11 сентября 1994 года был торжественно освещён деревянный крест, установленный на месте предполагаемого захоронения крепостного дворян Шестовых — Ивана Сусанина.

Затем подъехали и постояли около огромного, величиной с деревенский дом, валуна, установленного в 1988 году на холме над Чистым болотом на месте бывшей деревни Анфёрово. На памятном камне надпись: «Иван Сусанин. 1613 г.».

Необозримые дали открываются с этой возвышенности. Дали, кажущиеся и в наше время непреодолимыми и недоступными. Ни конному, ни пешему...

...Уже приехав в Самару, я навёл справку: 27 августа 1939 г. вышел Указ Президиума Верховного Совета РСФСР, гласивший: «Переименовать Мольвитинский район Ярославской области в Сусанинский и его центр, село Мальвитино, в село Сусанино».

...Мы ещё какое-то время потоптались около огромного валуна с надписью, посмахивали, подпрыгивая, перчатками снег, налипший на большие белые буквы и... направились в сторону Костромы. Снеговая стихия на какое-то время поглотила нас... Ни единого человека: ни встречного, ни попутного до самой трассы на Кострому мы не встретили...

* * *

Старинная Кострома нас порадовала морозным полуднем. Тучи куда-то подевались. На небе, одинаково во все стороны ровно-молочном, светило яркое на морозе солнце, освещающая раскинувшийся вольно на костромской низменности, на берегах великой Волги, город.

Город основан в XII веке при впадении реки Костромы в Волгу, по версии В. Татищева, во время экспансии князя Юрия Долгорукого в Поволжье. С XVII-XVIII веков Кострома — один из крупных русских городов. В отличие, например, от Самары, благополучно пережившей бурные моменты истории Российской, Кострома неоднократно разорялась татарами, новгородскими ушкуйниками, польско-литвоскими войсками и др.

...Монастыри костромской земли, как правило, имели началом своей истории отшельнические кельи подвижников, стремившиеся к уединённому пустынноческому житию. Они удалялись в безлюд-ные места, со временем к ним собиралась братия, желавшая жить под началом опытного духовника. На месте их строились храмы, создавались обители...

С именами костромских святых и монастырями связана исто-рия чудотворных икон Божией Матери, прославленных на ко-стромской земле.

Преподобному Авраамию Городецкому, подвизавшемуся в уе-динённой келье на берегах Галичских, явилась икона Пресвятой Богородицы «Умиление».

Чудотворный Овиновский образ Царицы Небесной был явлен преподобному Паисию Галичскому и стал главной святыней мона-стыря.

В этом старинном городе я узнал, что написанная Григорием Журавлёвым икона Нерукотворного Образа Спасителя — одна из чтимых не только в Галиче, но и в Костроме, куда она доставлялась для всеобщего поклонения.

...Близ Костромы в урочище Игрищи местные пастыри обре-ли в 1622 году в ветхом деревянном храме Игрицкую Смоленскую икону Божией Матери...

Свято-Покровский Авраамиево-Городецкий монастырь, Свято-Предтеченский Иаково-Железнодорожный монастырь, Макариево-Унженский монастырь, Макариево-Писемский мона-стырь, Знаменский монастырь — эти и другие обители являлись не только духовными, но и культурными центрами для своего време-ни. Здесь велись летописи, хранились древние святыни и реликвии, создавались шедевры искусства.

Мне, только что вернувшемуся из Санкт-Петербурга и Выборга, где я узнал так много о последнем русском царе Николае II и о его се-мье, особо притягательно было то, что связано с истоками монархии Романовых, с нашим российским царём Михаилом Фёдоровичем. Вся 300-летняя история Романовых гудела во мне — от Михаила Фёдоровича до Николая II — единой, туго натянутой струной.

Свято-Троицкий Ипатьевский монастырь!..

События Смутного времени сделали его одним из центров, где решалась судьба всей России.

Начавшиеся по стране восстания осенью 1608 года против польских захватчиков дошли в 1609 году до Костромы. Изгнанные из города поляки укрепляются в Ипатьевском монастыре.

С большим трудом, благодаря служивым людям Константину Мезенцеву и Николаю Костыгину, сумевшим сделать подкоп под монастырскую землю и взорвать там бочку с порохом, ополченцы освободили монастырь.

Костромское ополчение после этого принимало участие в освобождении Москвы.

* * *

В стенах Свято-Троицкого Ипатьевского монастыря юный Михаил Фёдорович Романов пред ликом чудотворной Феодоровской иконы Пресвятой Богородицы принял избрание его Земским собором на престол государства Российского, положившее конец эпохе Смутного времени.

Прибывшему в Ипатьевский монастырь посольству во главе с архиепископом Рязанским и Муромским Феодоритом и келарем Троице-Сергиева монастыря Авраамием Палицыным долго (в течение шести часов) пришлось уговаривать юного Михаила исполнить волю Собора, ибо он от этого «...со многими рыданиями отрицая». Тогда архиепископ Феодорит обратился к Михаилу Фёдоровичу с проникновенными словами: «Не противься воле Божией — не мы предприняли сей подвиг, но Пресвятая Божия Матерь возлюбила тебя, устыдись пришествия Ея».

Воспитанный в преданности Церкви и Послушании Промыслу Божию юный Михаил упал перед иконами и, рыдая, произнёс: «Аще есть, Господи, на то воля Твоя, я — раб Твой, спаси и соблюди меня!»¹

19 марта 1613 года Михаил Фёдорович с матерью монахиней Марфой отбыл в Москву. Спаситель вершил Свой Промысел.

Вновь в который раз явилась перед глазами моими как наяву икона Журавлёва Спас Нерукотворный...

...Ипатьевский собор поражает воображение. Но где бы я ни был в нём: стоял ли перед композицией «Страшный суд», на которой изображены все жившие на земле сословия в день их вос-

¹ Священник Андрей Казарин и др. «Монастыри Костромской епархии». — Костромская епархия Русской Православной церкви, Кострома, 2009 г.

кресения и Страшного суда, или, поражённый величием, взирал на резной пятиярусный иконостас, созданный в 1756-1758 годах бригадой костромских резчиков, всюду преследовала неотвязная мысль: «Первый царь наш из династии Романовых Михаил, едва став царём, мог погибнуть, если бы не успел укрыться в монастыре... И оба царя — первый Михаил Фёдорович и последний из Романовых Николай II — с рыданиями против воли своей становились царями... Что же это за судьба такая у России?! Существует она до сих пор вопреки!»

* * *

Когда поздно вечером мы вернулись в Галич, в Центре православного воспитания при храме Введения увидел я на стене в аккуратной рамке текст. Невольно подивившись тому, что за три предыдущих дня не замечал его. Вздрогнув, начал читать.

«Завещание

*Императора Александра III своему сыну,
будущему императору Николаю II*

Тебе предстоит взять с плеч моих тяжёлый груз государственной власти и нести его до могилы так же, как его нёс я и как несли наши предки. Я передаю тебе царство Богом мне вручённое. Я принял его тринадцать лет тому назад от истекшего кровью Отца... Твой дед с высоты престола провёл много важных реформ, направленных на благо русского народа. В награду за всё это Он получил от русских революционеров бомбу и смерть... В тот трагический день встал передо мною вопрос: какой дорогой идти? По той ли, на которую меня толкало так называемое «передовое общество», заражённое либеральными идеями Запада, или по той, которую подсказывали мне моё собственное убеждение, мой высший священный долг Государя и моя совесть. Я избрал мой путь. Либералы окрестили его реакционным. Меня интересовало только благо моего народа и величие России. Я стремился дать внутренний и внешний мир, чтобы государство могло свободно и спокойно развиваться, нормально крепнуть, богатеть и благоденствовать. Самодержавие создало историческую индивидуальность России. Рухнет самодержавие, не дай Бог, тогда с ним и Россия рухнет. Падение исконно русской власти откроет бесконечную эру смут и кровавых междуусобиц. Я завещаю тебе любить всё,

что служит ко благу, чести и достоинству России. Охраняй самодержавие, памятуя притом, что Ты несёшь ответственность за судьбу Твоих подданных пред Престолом Всевышнего. Вера в Бога и в святость Твоего царского долга будет для тебя основой Твоей жизни. Будь твёрд и мужественен, не проявляй никогда слабости. Выслушивай всех, в этом нет ничего позорного, но слушайся только Самого Себя и Своей совести. В политике внешней — держись независимой позиции. Помни, у России нет друзей. Нашей огромности боятся. Избегай войн. В политике внутренней — прежде всего покровительствуй Церкви. Она не раз спасала Россию в години бед. Укрепляй семью, потому что она основа всякого государства».

Прочитал я Завещание и не смог сразу отойти.

Начал читать повторно, уже не торопясь, проникаясь судьбоносностью и пронзительностью строк, давая отчёт в том, что речь в завещании идёт не только о самодержавии, речь о нас всех...

... Так мои первоначально простые, начатые в начале 60-х годов, попытки собрать воедино сведения о необычной жизни сельского художника Григория Журавлёва вылились в длительные поиски и многочисленные поездки не только по Самарской области, но и по всей России, в которых я смог прикоснуться душой к живой истории государства Российского.

Таков масштаб личности утёвского иконописца.

ИКОНА СВ. АЛЕКСИЯ МИТРОПОЛИТА МОСКОВСКОГО

То, что такая икона есть в храме Вознесения Христова в селе Кинель-Черкассы, мне стало известно совсем недавно.

Об этом отцу Анатолию, настоятелю храма Святой Троицы в с. Утёвка, и мне говорил настоятель Храма Серафима Саровского в г. Новокуйбышевске отец Сергей.

* * *

Мы приехали в село Кинель-Черкассы с моим постоянным помощником в таких поисках фотографом Константином Байгузиным в ясный февральский день.

Нельзя не залюбоваться храмом ещё издали. Он величественен и ухожен, хотя и не нов!

Предварительно наведя справки, я знал уже, что строительство церкви в честь Вознесения Христова было начато в 1833 году и закончилось в 1852 тщанием прихожан. Освящён храм был 16 мая 1852 года.

Храм и колокольня построены из камня, покрыты металлом. В далёком 1887 году при храме была открыта церковная школа, которую в 1894 году преобразовали в церковно-приходскую.

В годы советской власти церковь неоднократно пытались закрыть, но прихожане отстаивали свой храм.

...Икона св. Алексия Митрополита Московского находится в южном приделе в честь Иоанна Предтечи и Крестителя Господня. Святитель Алексей изображён в полный рост. Икона явно храмовая, размер её 126,5х53,5 см, вверху полукружие. И надпись: «Образ св. Алексия Митрополита Московского».

Внизу иконы в правом углу ещё одна надпись: «Сам. губ. Бузулукского уезда с. Утёвки той же волости. Август 25 дня 1891 год».

Манера исполнения явно Журавлёва. Выполнена на металле. Поскольку губернатором Александром Дмитриевичем Свербеевым для иконостаса Храма Спасителя в Самаре икона св. Алексия Митрополита Московского была заказана Журавлёву к открытию храма (он был частично освящён в 1892 году), то становится вполне возможным полагать, что это та самая, давно разыскиваемая мной икона.

Икона эта у прихожан одна из особо почитаемых. Но история её, как и когда она появилась в храме, неизвестна. Надпись в нижнем правом углу была обнаружена всего два года назад молящейся перед ней древней старушкой.

Об этом и о многом другом я услышал от настоятеля храма иерея Дмитрия Сыркина и руководителя музея Петра Даниловича Столярова, когда мы уже сидели в небольшой комнате и обсуждали увиденное мной.

Приятно удивлённый молодостью и основательной, мягкой манерой общения, я попросил отца Дмитрия немного рассказать о себе.

Приехал отец Дмитрий (в миру Дмитрий Сыркин) в село Кинель-Черкассы из Томской области (село Кургасок) в январе 2006 года со всей семьёй сразу (супруга, теща, двое детей).

То было, как он сказал, «время духовного поиска».

Да и жена подтолкнула, получив от старца в Дивеево благословение на такой шаг.

Было и место названо, где благословлялось начать новую жизнь: село Кинель-Черкассы, о котором супруги до этого ничего не слышали. А тут попала на глаза книга автора-составителя Антона Жоголева «Блаженная схимонахиня Мария» о местной блаженной Марии Самарской. И захотелось на кинель-черкасскую землю. Купили, приехав, дом.

Около года Дмитрий Сыркин работал на пасеке у местного предпринимателя. Потом — дворником, бухгалтером в церкви, оператором в котельной, звонарём, пономарём.

А через два года после приезда был рукоположен в дьяконы, затем стал священником. Жена — матушка Фотиния (Светлана Сыркина) — при храме ответственная по хозяйственной части. Теперь у них в семье четыре сына.

...Я слышал отрывок разговора батюшки по сотовому телефону.

— У меня просьба: сходи, пожалуйста, к прихожанке, она совсем старушка (он назвал имя и фамилию). Посмотри, что у неё там с котлом. Она говорит, что замерзает. Я обещал подойти сам, но у меня гости...

Через полчаса ответный звонок, понимаю, что помощник излагает причину неполадки в работе котла.

Батюшка озабоченно уточняет:

— Но сегодня, в крайнем случае завтра, можно поправить?

Не вполне ясно, как звучит ответ, можно только догадываться.

Батюшка легонько подталкивает:

— Сделай! Почини, что нужно! Если она не в силах оплатить, всё равно прошу: сделай. По оплате мы с тобой потом решим сами. Вот и договорились.

Батюшка откладывает сотовый. О многом говорит услышанное.

Закончили мы наше общение в музее Марии Самарской в сопровождении его хранителя Петра Даниловича Столярова.

Аккуратно прибранная, любовно оформленная светлая комната. На столе библия в старинном переплёте, уже упоминавшаяся книга Антона Жоголева. На полу у стены пожитки блаженной, чуть поодаль место, где она спала.

Смотрю книгу отзывов посетителей храма, музея.

...Учителя, ученики. Местные, приезжие не только с района, с области посещают храм, музей... Отзывы... Среди многочисленных записей и отзыв архиепископа Самарского и Сызранского Сергия... Простые, идущие от сердца слова благодарности и напутствий.

Как не потянуться сюда жаждущей покоя и внимания душе?..

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Сразу же, как только я вернулся из села Кинель-Черкассы в Самару, мне позвонил настоятель храма Святой Троицы в Утёвке отец Анатолий и сообщил, казалось, невероятное: нашёлся колокол, который был отлит в основание храма Святой Троицы села Утёвки 15 августа 1885 года. Об этом свидетельствует надпись на колоколе.

Она гласит: *«Пожертвован сей колокол ко храму Свтыя Троицы при селе Утёвки в память основания сего храма в 15 день месяца августа в лето от Рождества Христова 1885 год».*

С 1885 года до 1934-го (около 49 лет) служил храму когда-то этот колокол. Потом более семидесяти лет был не у дел. Нашёлся он на чердаке старого дома в Самаре. Колокол протоиерей Георгий Гомонов забрал из Самары в храм во имя преподобного Амвросия Оптинского в посёлке Стройкерамика в 2011 году.

Колокол отремонтировали: заварили трещины, очистили язык, поправили дужку. Около года он пробыл в храме в посёлке, а в начале января 2013 года вернулся в Утёвку в храм Святой Троицы. И скоро опять зазвучит его голос, который наверняка слушал когда-то вместе с моими земляками Григорий Журавлёв...

* * *

Я немало поездил по российским городам и весям. Порой очень далеко от Утёвки, от храма Святой Троицы. Собирал по группам то, что связано с именем Григория Журавлёва, с историей моего села, нашей общей историей. И вот предстояла теперь ещё одна радостная встреча! Там, где я начинал когда-то свои поиски, где и мои истоки, — в Утёвке.

Вновь я в начале светоносного круга!

2012-2013 гг.

Content

Part One

Holy relic.....	4
Letter from Adriatic coast.....	6
In the regional local lore museum	8
At the school museum	10
Madonna of Utevka	11
Zhuravlev's house.....	14
At old Kornev'e place.....	16
Looking through the newspapers	20
Father Anatoly's cares.....	21
Fires in the middle of the village	24
Joyous encounter	26
"I was lucky to touch..."	30
Letters to father Anatoly.....	32
Non-healing wound.....	33

Part Two

Regaining voice.....	40
In Samara Eparchial Museum of Church History	42
The gift of Faith.....	44
From icon-painting history	46
On the main square of Samara.....	48
Generous helpers	51
Portrait of a young man	54
Memory Day of the artist	56
The Artist and the Governor	60
Governor Sverbeev's Diaries.....	64
Letters by Grigory' Zhuravlev	68
At Zhuravlev's Grave.....	71

Part Three

Gift to Tsesarevich	76
In Kostroma Land	86
Icon of St. Alexis Metropolitan of Moscow	97
Retrieval	100

Center for Support and Development of Creative Initiatives named after
A.S. Malinovskiy Samara State Technical University,
RUSSKOE ECHO Production Group
and LLC KNIZHNOE IZDATEL'STVO
430070, Samara, ul. Peschanaya,1. Tel. +7 (846) 267-36-82
e-mail: izdatkniga@yandex.ru

Signed to print: 12.08.2018 Format: 60x90/16. Conv. quire 13.0. Font: Warnock Pro.
Offset paper, offset print. 300 copies.

Printed by LLC KNIZHNOE IZDATEL'STVO

Содержание

Часть первая

Животворящая святыня!	104
Письмо с берегов Адриатики	106
В областном музее краеведения	108
В школьном музее	110
«Утёвская мадонна»	112
Дом Журавлёвых	114
В гостях у старика Корнева	115
По страницам газет	119
Заботы отца Анатолия	120
Костры посередине села	123
Радостная встреча	125
«Мне повезло прикоснуться...»	129
Из писем отцу Анатолию	132
Незаживающая рана	133

Часть вторая

Обретение голоса	140
В Самарском епархиальном церковно-историческом музее	142
Дар Веры	144
Из истории иконописи	147
На главной площади Самары	149
Бескорыстные помощники	152
Портрет молодого человека	155
День памяти художника	157
Художник и губернатор	162
Дневники губернатора Свербеева	166
Письма Григория Журавлёва	171
У могилы Журавлёва	174

Часть третья

Подарок Цесаревичу	180
На костромской земле	191
Икона св. Алексия Митрополита Московского	203
Возвращение	206

Издание подготовлено Центром поддержки и развития творческих инициатив им. А.С. Малиновского Самарского государственного технического университета и творческим объединением «РУССКОЕ ЭХО»

443001, г. Самара, ул. Самарская, 179, тел.: (846) 333-48-01

www.litsamara.com; e-mail: litsamara@yandex.ru,

а также ООО «КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

443070, г. Самара, ул. Песчаная, 1; тел.: (846) 267-36-82, e-mail: izdatkniga@yandex.ru

Подписано в печать 12.08.2018. Формат 60x90/16. Усл. п.л. 13,0.

Шрифт Warnock Pro. Бумага офсетная. Печать офсетная. Тираж 300 экз.

Отпечатано в типографии ООО «КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО»

Alexander Malinovsky was born in 1944 in the village of Utevka in Neftegorsk district of Kuibyshev region. Graduated from Kuibyshev Polytechnic Institute, started his career as a working man and rose through the ranks to be a General Manager of large petrochemical plants. Doctor of Technical Sciences, Honorary Inventor of Russia, Honorary Petrochemist of the USSR. Member of the Union of Writers of Russia. Author of over 30 books of prose and poems. Winner of several literary prizes and the Regional Prize in the field of Culture and Art, holder of award pin "Quod Bonum of Samara Land".

Александр Станиславович Малиновский родился в 1944 году в селе Утёвка Нефтегорского района Куйбышевской области. Окончил Куйбышевский политехнический институт и прошёл путь от рабочего до генерального директора крупных нефтехимических заводов. Доктор технических наук, заслуженный изобретатель России, почётный нефтехимик СССР. Член Союза писателей России. Автор более 30 книг прозы и поэзии. Лауреат нескольких Всероссийских литературных премий и Губернской премии в области культуры и искусства, награждён нагрудным знаком «За труд во благо земли Самарской».